

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

МЕТОД

**МОСКОВСКИЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Выпуск 13
(продолжение серии ежеквартальников МЕТОД)
Том 3 № 2

**МОСКВА
2023**

Главный редактор – В.С. Авдонин

Редакционная коллегия

Авдонин В.С. – д-р полит. наук, канд. филос. наук, вед. науч. сотр. ИНИОН РАН; *Аршинов В.И.* – д-р филос. наук, гл. науч. сотр. ИФ РАН; *Бажанов В.А.* – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета; *Гребенщикова Е.Г.* – д-р филос. наук, руководитель центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН; *Демьянков В.З.* – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. Института языкознания РАН; *Золян С.Т.* – д-р филол. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта; *Ильин М.В.* – д-р полит. наук, канд. филол. наук, профессор, НИУ ВШЭ; *Киосе М.И.* – д-р филол. н., вед. науч. сотр. Центра социокогнитивных исследований МГЛУ; *Крадин Н.Н.* – академик РАН, д-р полит. н, директор ИИАЭ ДВО РАН; *Кузнецов А.В.* – член-корр. РАН, д-р экон. наук, директор ИНИОН РАН; *Малинова О.Ю.* – д-р полит. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИНИОН РАН; *Окунев И.Ю.* – канд. полит. наук, директор Центра пространственного анализа международных отношений МГИМО МИД РФ; *Остапенко Г.И.* – магистр политологии, науч. сотр. Центра пространственного анализа международных отношений МГИМО МИД РФ (главный редактор сайта МЕТОД плюс); *Пивоваров Ю.С.* – академик РАН, д-р полит. наук, научный руководитель ИНИОН РАН; *Ретеюм А.Ю.* – д-р геогр. наук, профессор НИУ ВШЭ; *Розов Н.С.* – д-р филос. н., профессор Института философии и права СО РАН; *Спиров А.В.* – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. Лаборатории моделирования эволюции Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН; *Чебанов С.В.* – д-р филол. наук, проф. кафедры математической лингвистики СПбГУ; *Чалый В.А.* – д-р филос. наук., проф. МГУ

Ответственный за выпуск – **В.С. Авдонин, М.В. Ильин**

Ответственные за номер – **В.С. Авдонин, Д.А. Свирчевский**

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

METHOD

**MOSCOW QUARTERLY JOURNAL
OF SOCIAL STUDIES**

Part 13
(continuation of the yearbook series METHOD)
Volume 3 No 2

Moscow
2023

Editor-in-Chief

Vladimir Avdonin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial Board

Vladimir Avdonin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Vladimir Arshinov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Valentin Bazhanov, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia);

Vadim Chaly, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia);

Sergey Chebanov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);

Valery Demyankov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Elena Grebenshikova, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Mikhail Ilyin, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Alexey Kuznetsov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Maria Kiose, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Nikolay Kradin, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia);

Olga Malinova, Institute of Scientific Information for Social Science of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Igor Okunev, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia);

German Ostapenko, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia);

Yuri Pivovarov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Alexey Reteyum, Higher School of Economics (Moscow, Russia);

Nikolai Rozov, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia)

Alexander Spirov, Sechenov Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Suren Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

Responsible Editor of the Volume

V. Avdonin, M. Ilyin

Responsible Editor of the Issue

V. Avdonin, D. Svirchevsky

DOI: 10.31249/metod/2023.02

ISSN 2949-6209

© INION RAN, 2023

ТЕМА НОМЕРА:
Пирсовская традиция в семиотике

СОДЕРЖАНИЕ

**ПРИРОДА СЕМИОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ГРАНИЦЫ СЕМИОТИКИ**

<i>Чебанов С.В.</i> Знак как фантастический спрут	7
<i>Ильин М.В.</i> Семиозис как генезис химерического спрута.....	14
<i>Золян С.Т.</i> Сотворение знака как семипойезис	22
<i>Суховерхов А.В.</i> От онтологии знака и языка к семиотическому реализму	28

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДИСКУССИИ

<i>Куль К., Чебанов С.В.</i> Произвольность, случайность и мотивированность в языке и семиотике.....	42
<i>Кузнецова В.В.</i> К вопросу о произвольности, случайности и (не)мотивированности языкового знака.....	47

ЗНАКИ В СЕМИОЗИСЕ

От редакции. Вводный комментарий к рукописной записи Пирса 1907 года.....	53
<i>Пирс Ч.С.</i> Заметки о знаках, семиозисе, внешнем и внутреннем мире из рукописи «Прагматизм» (1907). Перевод Т. Корнева	56
<i>Фомин И.В.</i> Семиотическая причинность как порождение знаков. О десяти видах интерпретантов	68

СИГНИФИКА ВИКТОРИИ УЭЛБИ

<i>Скрипник К.Д.</i> Сигнифика Виктории Уэлби: тематико-методологическая ретроспектива	95
<i>Киосе М.И.</i> Формирование знания о креативности в Сигнифике Виктории Уэлби	116
<i>Уэлби В.</i> Сигнифика. Перевод Т.А. Корнева	131

**ISSUE TOPIC:
Peircean tradition in semiotics**

CONTENTS

**THE NATURE OF SEMIOTIC MEANS
AND THE BOUNDARIES OF SEMIOTICS**

<i>Chebanov S.V.</i> Sign as a chimerical octopus.....	7
<i>Ilyin M.V.</i> Semiosis as genesis of a chimerical octopus.....	14
<i>Zolyan S.T.</i> Creation of the sign as semipoiesis.....	22
<i>Sukhoverkhov A.V.</i> From ontology of sign and language to semiotic realism	28

RETURNING TO THE DISCUSSION

<i>Kull K., Chebanov S.V.</i> Arbitrariness, chance and motivation in language and semiotics	42
<i>Kuznetsova V.V.</i> On the issue of arbitrariness, randomness and (un)motivation of a linguistic sign	47

SIGNS IN SEMIOSIS

From the editor. Introductory commentary on Peirce's 1907 handwritten note.....	53
<i>Peirce C.S.</i> Notes on signs, semiosis, external and internal world from the manuscript "Pragmatism" (1907). Translation by T. Kornev.....	56
<i>Fomin I.V.</i> Semiotic causality as the generation of signs. About ten types of interpretants	68

SIGNIFICATION OF VICTORIA WELBY

<i>Skripnik K.D.</i> Victoria Welby's Significa: a thematic and methodological retrospective.....	95
<i>Kiose M.I.</i> The notion of creativity in Victoria Welby's signifiacs	116
<i>Welby V.</i> Significa. Translation by T. Kornev	131

ПРИРОДА СЕМИОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ГРАНИЦЫ СЕМИОТИКИ

DOI: 10.31249/metod/2023.02.01

Чебанов С.В.¹

Знак как фантастический спрут²

Аннотация. Обилие и многообразие дискуссий о категориях описания языка и речи является основанием показавшим свою эвристичность различения пяти базовых дисциплинарных доктрин (герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики и прагмалингвистики). Альтернативный взгляд выражает Дж. Дили, трактуя совокупность всех вариантов постижения знаковости как семиотику. Апелляция при этом к трактовке знака Ф. Мерреллом как *спрута* выявляет потенциал такой трактовки, подчеркивая процессуальность знака и дифференцированное его постижение в герменевтике, что актуально для биосемиотики как компоненте расширенного эволюционного синтеза.

Ключевые слова: семиотика; герменевтика; знак; семиотическое средство; расширенный эволюционный синтез; Дж. Дили; Ф. Меррелл.

Для цитирования: Чебанов С.В. Знак как фантастический спрут // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 7–13. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.01

Множество семиотических средств используется в самых различных дисциплинах – герменевтике, риторике, филологии, лингвистике, семиотике, прагмалингвистике, геральдике, бонистике, нумизматике, фалеристике, музыковедении, искусствоведении, математике, филателии, филокартии... по-своему определяющих свой предмет, порождая новые трактовки семиотических средств и знаковости.

Такое положение дел было основанием для того, чтобы различить пять фундаментальных способов отношения к языку и речи (герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики, прагмалингвистики), каждый из которых обладает своими представлениями о реальности, категориальным аппаратом, ценностными ориентации и приемами работы и может иметь несколько вариантов (напр., герменевтика как *Hermeneutica Sacra*, истори-

¹ **Чебанов Сергей Викторович**, доктор филологических наук, профессор кафедры математической лингвистики филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

² Исследование выполнено за счет гранта РФФИ 22-18-00383 «Междисциплинарные методологические исследования расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» в ИНИОН РАН.

ко-филологическая герменевтика, герменевтика обыденной речи, философская герменевтика Хайдеггера-Гадамера, герменевтики non-fiction специализированных форм деятельности, семиотика как американская унитаралистическая семиотика, европейская билатералистическая семиотика, московско-тартуская семиотика культуры, коннотативные семиотики 1970–1980-х годов, etc.).

Эти же различия были выявлены в беседах со специалистами по индийской лингвистике (А.В. Парибок), по китайской культуре (Е.А. Торчинов), по иудейской традиции (И.С. Дворкин).

Это объясняло природу дискуссий о природе знаковости (казавшиеся странными автору, пришедшему в семиотику из другой области знания, в которой был сформирован опыт методологической работы), прояснив соотношения различных течений, позволило более 35 лет мониторинг исследований знаковости и прогнозировать тенденции их изменений [Чебанов, Мартыненко, 1990; Чебанов, 2023].

Среди альтернативных точек зрения исключительно интересна позиция Дж. Дили [Deely, 1990] – не только крупнейшего семиотика, но и философа и историка средневековой мысли. По его мнению, область занятий, квалифицируемая как семиотика, является недопустимым сужением семиотики на границе XIX и XX вв., приводящим к ее неправомерному отождествлению со структуралистскими и литературоведческими проблемами или к ее приравниванию к изучению кодов [Ibid., p. 75–76]. Подлинная же семиотика – единая область, с древности занимающаяся изучением знаковости и охватывающая область герменевтики [Ibid., p. 74–75], средневековое противопоставление *doctrina* и *scientia* [Ibid., p. 75], работы Т. Каэтана [Ibid., p. 64], Дж. Локка [Ibid., p. 76], Ж. Пуансо [Ibid., p. 62, 72], Т. Карлетона [Ibid., p. 71], а также оперирующая категориями «умвельт» и «жизненный мир» [Ibid., p. 76–77]. Я. фон Икскуль и Э. Гуссерль как авторы последних категорий указаны ранее [Ibid., p. 62–63], как сформировавшиеся еще до распространения семиотики в ее современной трактовке.

Тогда к семиотике надо отнести и «Кратил» Платона, и «Об истолковании» Аристотеля, и «Христианская наука или Основания герменевтики и церковного красноречия» Августина, и другие сочинения, посвященные постижению языка и речи. При этом Дж. Дили отмечает, что пирсовская семиотика стоит ближе к описываемому идеалу, чем европейская, сосюрловская семиотика [Ibid., p. 75–76], на что указывает и сам Ч. Пирс, связывая свои работы со схоластической *Grammatica speculativa* Дунса Скота [Пирс, 2000, с. 178; Пирс, 2001].

Даже если согласиться с этой интересной, хотя и дискуссионной позицией, то непонятны объем материала, охватываемой такой семиотикой, ее границы, что семиотикой не является, а главное, кто в состоянии заниматься такой семиотикой, если это не удалось даже Пирсу и Дили? Обоснованность этих вопросов ощущает и сам Дж. Дили, допуская для всей

области знания, изучающей знаки (включая в том числе и биосемиотику), название «доктрина знаков» (doctrine of signs) [Deely, 2006].

Предлагая общую трактовку данной доктрины, Дж. Дили следует Ф. Мерреллу [Merrell, 1988, p. 260] в понимании знака и приводит обширную цитату:

«Рассмотрим способность каждого знака быть точкой ... с бесконечным набором линий, связывающих его со всеми иными точками во вселенной ... Каждый знак-точка подобен фантастическому спруту, чье тело является точкой, а щупальца – бесконечным числом линий, исходящих из этой точки и готовых быть втянутыми в один или несколько других знаков-точек, которые затем становятся его интерпретантой и поэтому иным знаком-точкой. (На самом деле, в большем соответствии с Лапласом и Богом, каждое щупальце должно иметь глаз на своем конце, чтобы “видеть” все иные знаки-точки одновременно.)

Ожидаемо, что этот единый конгломерат линий будет иметь определенные характеристики: (а) целое может быть “разрезано” в любой точке и связано любой из своих линий, подобно аморфной “книге утверждений” Пирса [...], (б) в данный момент конгломерат статичен (синхроническое измерение), но он сохраняет возможность всех будущих связей (диахроническое измерение) – этот момент не является сосюроевским ломтиком семиологической салями, это весь данный конгломерат “en bloc”, сохраняющий прошлые, настоящие и будущие возможности; (в) конгломерат заключается сам в себе, скручиваясь и удваиваясь, вновь возвращается к себе, подобно пространству-времени Эйнштейна (называемому “блок” универсума) или бесконечности бесконечно тонких лент Мёбиуса, пересекающих друг друга в точке своего изгиба. Однако (г), что касается конечных пользователей знака в отличие от точки-спрута, все наблюдения и отношения должны оставаться внутри: отсутствует глобальное видение неотъемлемых правил, соизмеримых с квантовой теорией, опровергнувшей классический взгляд на субъекта / объект и наблюдателя / наблюдаемое. И (д) не может быть полного описания целого, так как в соответствии с пластичной «книгой утверждений» Пирса логические связи не сохраняются неизменными на протяжении всего времени и так как мы с нашим собственным ограниченным числом приспособлений и органов чувств никогда не сможем обрабатывать все знаки в один и тот же момент» [Дили, 2017, с. 175–176].

При кажущейся экзотичности такой интерпретации знака (семиотического средства) и невозможности его операционального использования в нем нет ничего необычного так как, это лишь немного расширяет построение самого Ч. Пирса, у которого каждая вершина треугольника «Знак – Объект – Интерпретанта» разворачивается в аналогичные треугольники, причем допустимо большое число таких итераций [Пирс, 2000, с. 169–195].

По сути же, это развернутое описание герменевтического круга [Богин, 2001] при том, что герменевтика в данной трактовке семиотики явля-

ется ее частью. Поэтому утверждение о том, что «мы... никогда не сможем обрабатывать все знаки в один и тот же момент» не совсем точно и радикально антигерменевтично – так, герменевтические круги (ср. ленты Мёбиуса) трактуются Г.И. Богиным как фиксация рефлексии и ее перевыражение одновременно в трех поясах – мысли-коммуникации, порождающем семантизирующее понимание, мысленных представлений с когнитизирующим пониманием и в поясе чистого мышления, в котором достигается распредемечивающее понимание. Развитие такой способности продвигает и к одновременной обработке большого числа знаков.

Приводимая трактовка семиотических средств, не взирая на ее ментальность, принципиально процессуальна, но панхронична (как теория речевых актов и прагмалингвистика).

Линии, фигурирующие у Меррелла, сопоставимы со схемообразующими нитями, рассматриваемыми во разделе «2. Схемообразующие нити» гл. 4 [Богин, 2001], содержащем набросок их типологии, примеры их выявления и приемов работы с ними (<https://studfile.net/preview/7439420/page:76/>). Некоторые другие, из числа 105 техник понимания Г.И. Богина, могут быть различены в приводимом описании спрута, превращая его постижение из какой-то фантастической мистерии в, хотя бы частично, операционально разрешимую задачу. Замечание о том, что «каждое щупальце должно иметь глаз на своем конце, чтобы «видеть» все иные знаки-точки одновременно», напоминает описание, например, таких существ как херувимы в религиозных текстах¹.

Еще одной эманацией обсуждаемого фантастического спрута может быть целообраз, холоморф (нем. – *Gesamtgestalt*, в английском переводе – *holomorphe*) выдающегося эволюциониста, основателя современной кладистики В. Геннига [Hennig, 1950; Hennig, 1966]. *Gesamtgestalt* слагается семафоронтами – минимальными различимыми отрезками жизненного цикла организма. Семафоронты связаны токогенетическими связями, отражающими онтогенез. Если эти связи семафоронтов удастся проследить и упорядочить во времени, то можно восстановить индивиды, изменяющиеся в онтогенезе. *Gesamtgestalt* является такой совокупностью семафоронтов, объединенных токогенетическими отношениями. Современный исследователь [Batista, 2020, f. 112] так представляет один из узлов *Gesamtgestalt*'а (рис.).

¹ Так, Иоанн Златоуст указывает, что «Херувимы полны глаз: спина, голова, крылья, ноги, грудь – все наполнено глаз, потому что премудрость смотрит всюду, имеет повсюду отверстие око» [Творения ... , 1900, с. 751]. Царь Давид описывает херувимов как средство передвижения Бога: «воссел на херувимов и полетел» (Пс. 17:11); частый эпитет Бога в Ветхом Завете – «Сидящий на херувимах» (1Цар. 4:4, 2Цар. 6:2, Ис. 37:16 и т.д.). Быстрота передвижения херувимов говорит об их пребывании во многих точках глазастого пространства, соотнося происходящее в них, что обнаруживает херувимов как время, единое для разных мест. Так трактуемый знак связывает то, что дано одновременно.

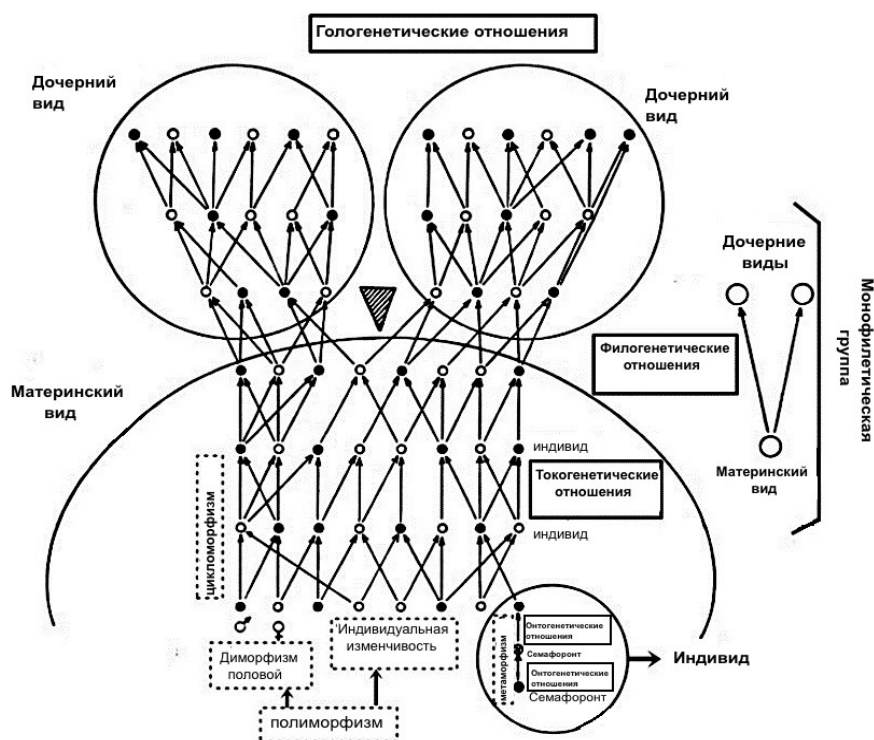

Рис.

Глобальная структура Gesamtgestalt'a будет с точностью до выполнения биогенетического закона напоминать филогенетическое древо. Однако, дополнением к нему будут две группы структур. Во-первых, это будут фазы онтогенеза после репродуктивного периода вплоть до процессов трупобразования и последующей фоссилизации со всеми ее стадиями [см. Ефремов, 1950]. Во-вторых, фазы гаметогенеза, автономного существования гамет до оплодотворения и деградации гамет, не принявших участия в оплодотворении. С их учетом филогенетическое древо должно обретать еще и нисходящую ветвь, приводящую к одноклеточной зиготе. Если принять во внимание, что с течением онтогенеза потенциальный полиморфизм возрастает (К.Х. Уоддингтон представлял это в виде конусов), а онтогенез организма имеет квазициклический характер (причем с токогенетическими связями за счет полового процесса), узел Gesamtgestalt'a, содержащий семафоронты одного вида будет подобен тору с неравным сечением (т.е. чему-то вроде калача), наиболее толстая часть которого будет соответствовать поздним стадиям онтогенеза, а наиболее узкая – зиготам.

Таким образом, оказывается, что химерический спрут, возможно, описывает не только семиотические средства, но и организмы.

Это обстоятельство весьма примечательно. Сама идея выделения семафоронтов завязана на набор признаков, которые соответствуют знакам-индексам в трактовке Пирса. Семафоронты слагают *Gesamtgestalt*, который может быть неплохо представлен химерическим спрутом, для чего у биологов есть довольно много материала. Далее предстоит описать *Gesamtgestalt* семиотическими средствами, которые также являются химерическими спрутами. Таким образом есть некоторое подобие изучаемого и средств представления о нем, что крайне интересно с методологической точки зрения, в частности, может оказаться, что такие семиотические средства будут наделены биоморфными внутренними разрешающими структурами, что обеспечит адекватное описание биологического материала [Чебанов, 2013].

Таким образом обнаруживается, что знак (семиотическое средство) понимается Меррелом по сути дела герменевтически, а семиотика в таком случае охватывает все многообразия знаковости, как это и предполагал Дж. Дили. Это важно для расширенного эволюционного синтеза, предполагающего включение в него представлений о знаковости, разрабатываемых в семиотически осознаваемой биологии, которая может осмысливаться и как биосемиотика, и как биолингвистика, и как биогерменевтика. Приводимый же образ спрута передает постоянную подвижность биологического смысла.

Список литературы

- Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – Тверь, 2001. – 731 с.
- Дили Дж. Зоосемиотика и антропосемиотика // Критика и семиотика. – 2017. – № 1. – С. 140–188.
- Ефремов И.А. Тафономия и геологическая летопись. Кн. 1. Захоронение наземных фаун в палеозое. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 178 с.
- Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – Москва : Логос, 2000. – 416 с.
- Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» // Семиотика: антология. – Москва ; Екатеринбург, 2001. – С. 165–226.
- Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе. – Санкт-Петербург : Изд. СПб Духовной Академии, 1900. – Т. 6.
- Чебанов С.В. Теоретическая биология в биоцентризме: замысел и реализация // Холизм и здоровье. – 2013. – № 1(8). – С. 3–17.
- Чебанов С.В. Нужна ли часть вне целого? (К статье А.В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики») // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 153–169.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Основные типы представлений о природе языка // *Acta et commentationes universitatis tartuensis*. – Tartu, 1990. – Выпуск 911. – С. 112–136.
- Batista R.P.L. Dissecando a sistemática filogenética hennigiana. – João Pessoa, 2020.
- Deely J. Basic of semiotics. – Indiana : Indiana University Press, 1990. – 149 p.
- Deely J. On 'semiotics' as naming the doctrine of signs // *Semiotica*. – 2006. – № 158. – P. 1–33.
- Efremov I.A. Taphonomy and geological annals. Book 1. Burial of terrestrial fauna in the Paleozoic. – Moscow ; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 179 p.
- Hennig W. Grundzüge einer Theorie der phylogenetischen Systematik. – Berlin : Deutscher Zentralverlag, 1950. – 370 p.
- Hennig W. Phylogenetic Systematics. – Urbana : University of Illinois Press, 1966. – 263 p.

Merrell F. An Uncertain Semiotic // The Current in Criticism: Essays on the Present and Future of Literary Theory. – 1988.

Sergey Chebanov¹
Sign as a chimerical octopus

Abstract. The abundance and diversity of discussions about the categories of description of language and speech required the distinction of 5 basic doctrines (hermeneutics, philology, linguistics, semiotics and pragmalinguistics), which has proven to be heuristic. On the contrary, J. Deely interprets all options for comprehending of signness as semiotics. F. Merrell's interpretation of the sign as an octopus emphasizes the processuality of the sign and corresponds to its most differentiated comprehension in hermeneutics, which is relevant for biosemiotics as a component of an expanded evolutionary synthesis.

Keywords: semiotics; extended evolutionary synthesis; J. Deely; F. Merrell.

For citation: Chebanov S. (2023). Sign as a chimerical octopus. METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2, P. 7–13. DOI: 10.31249/metod/2023.02.01

References

- Batista, R.P.L. (2020). *Dissecando a sistemática filogenética hemigiana*. João Pessoa.
- Bogin, G.I. (2001). *Obtaining the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics*. http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimanije.pdf (In Russ.)
- Chebanov, S.V. (2013). Theoretical biology into biocentrism: intention and implementation. *Holizm i zdorovye*, 1(8), 3–17. (In Russ.)
- Chebanov, S.V. (2023). A part outside the whole? (To Anton Zimmerling's article «Really: syntactics without semiotics?»). *Slovo.ru: Baltic accent*, 14(4), 153–169. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9 (In Russ.)
- Chebanov, S.V., Martynenko G.Ya. (1990). Basic types of conceptions of the language nature. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 911, 112–136. (In Russ.)
- Chrysostom, J. (1900). *The works of our Holy Father Saint John Chrysostom Archbishop of Constantinople translated into Russian*, vol. 6. *Saint Petersburg Theological Academy*. (In Russ.)
- Deely, J. (1990). *Basic of semiotics*. Indiana University Press.
- Deely, J. (2006). On 'semiotics' as naming the doctrine of signs. *Semiotica*, 158, 1–33.
- Deely, J. (2017). Zoosemiotics and Anthrosemiotics. *Critique & Semiotics*, 1, 140–188. (In Russ.)
- Efremov, I. A. (1950). *Taphonomy and the geological record. Book 1. Burial of terrestrial fauna in the Paleozoic*. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Hennig, W. (1950). *Grundzüge einer Theorie der phylogenetischen Systematik*. Deutscher Zentralverlag.
- Hennig, W. (1966). *Phylogenetic systematics*. University of Illinois Press.
- Merrell, F. (1988). An uncertain semiotic. In C. Koelb & V. Lokke (Eds.), *The current in criticism: Essays on the present and future of literary theory*. Purdue University Press.
- Peirce, Ch.S. (2000). *Selected philosophical works*. Logos. (In Russ.)
- Peirce, Ch.S. (2001). From the work "Elements of logic. Grammatica speculative." *Semiotics: Anthology*, 165–226. (In Russ.)

¹ **Sergey Chebanov**, St. Petersburg State University; s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

Ильин М.В.¹

Семиозис как генезис химерического спрута²

Аннотация. Нынешняя семиотика является важнейшей сферой антропокосмического существования, а также комплексом различных научных и академических традиций его изучения. Статья намечает два контрастных подхода. Один строится вокруг всеохватной целостности семиозиса, а другой фокусируется на его базовом элементе – знаке. Предложенный Мерреллом образ химерического спрута отражает первый подход. Пельц предлагает называть его семиозикой. Семический, знакоцентричный подход доминирует в современной ‘доктрине знаков’. Неотложной научной задачей является поиск путей сочетания обоих подходов и обеспечения семо-семиозисной полноты семиотического знания.

Ключевые слова: семиотика; семиология; сигнифика; семиозика; семический и семиозисный подходы; Ч.С. Пирс; Е. Пельц; Дж. Дили; Ф. Меррелл.

Для цитирования: Ильин М.В. Семиозис как генезис химерического спрута // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 14–21. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.02

На третьем десятке своей жизни Чарльз Сандерс Пирс [Peirce, 1869] нашел главное, пожалуй, призвание своей жизни и нащупал безграничную отрасль человеческого разумения (understanding), которую вслед за Джоном Локком назвал семиотикой [Locke, 1690]. Эту отрасль знаний с разных сторон и разными способами нащупывали уже в течение двух с лишним тысячелетий величайшие умы, включая Аристотеля, стоиков, индийских грамматиков и логиков, схоластов и прочих ученых людей. Однако именно Пирсу принадлежит честь придать данной отрасли разумения-когниции³ если и не целостность (такое вряд ли вообще возможно), то, по меньшей мере, ее общие контуры. Эту работу Пирс продолжил до конца своей жизни и при всех успехах так и не достиг хотя бы относи-

¹ **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ; milkhaililyin48@gmail.ru

² Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта.

³ По-русски данную отрасль уместно именовать *осмыслением*, т.е. порождением, генезисом смыслов и работы с ними.

тельной завершенности своего великого делания, *magnus opus*. Об этом можно только сожалеть, однако нас, продолжателей его семиотического (скорее даже *семиоизисного* – о чем ниже) дела и делания это обстоятельство скорее стимулирует, чем огорчает.

Среди последователей Пирса немало богатых на выдумки людей. Одному из ярчайших среди них Флойду Мерреллу (Floyd Merrell) довелось создать великолепный образ химерического спрута (*Chimerical Octopus*), «чье тело является точкой, а щупальца – бесконечным числом линий, исходящих из этой точки и готовых быть втянутыми в один или несколько других знаков-точек, которые затем становятся его интерпретантой и поэтому иным знаком-точкой» [Merrell, 1988]; цит. по [Дили, 2017, с. 175]. Чтобы придать этому на первый взгляд абстрактному образу наглядность, Меррелл предлагает вообразить, что «каждое щупальце должно иметь глаз на своем конце, чтобы “видеть” все иные знаки-точки одновременно» [Дили, 2017, с. 176].

Данный образ заслуживает специального обсуждения, однако возвратимся к пирсовскому семиозисно-семиотическому начинанию. Его величие и масштаб стали одновременно причиной неизбежной «неудачи». «Нет вершин без пропастей» (*Pas de sommets sans abîmes*), как точно заметил Пьер Тейяр де Шарден [Teilhard de Chardin, 1956, p. 199]. Пирс начал осваивать грандиозную отрасль сверхчеловеческого когнитивного освоения-осмысления информации как вселенского по охвату синехистского семиозиса. Одновременно он стремился придать этому феномену вполне конкретный научный смысл и инструментальное выражение. Это вынудило воспитанного в академических традициях своего времени исследователя искать конкретную точку опоры. Он нашел ее в виде знака – элементарной единицы безбрежного и изменчивого семиозиса. Правда это вынудило его бесконечно умножать разновидности знаков, поскольку каждое их употребление фактически было равносильно возникновению новой уникальной и неповторимой элементарной единицы. Отсюда многочисленные вариации в определении знаков, в выделении их типов и разновидностей. В конечном счете Пирс построил десятисоставный набор знаков, который только в целом и с существенными оговорками покрывал основное поле семиозиса, а фактически оставался открыт и на каждом новом шаге требовал использования прагматической максимы, создания инструментальных понятий типа квази-разума и т.п.

Меррелл берет в основном ключевые идеи Пирса и дает им максимально полное развертывание. Это неудивительно, потому что у Пирса многие идеи лишь намечены. Большая часть пирсовских сочинений существует в каких-то фрагментах. Им Меррелл пытается дать возможно полную развертку. Он идет не просто вслед за Пирсом, но дальше него, не извращая при этом его аутентичный замысел, а придавая ему динамику и широту. Собственно пирсовский синехизм и тюхизм предполагают подобную максимально полную развертку или генезис осмысления. Меррелл

следует этой установке. Оказывается, что генезис химерического спрута и стоящее за ним развертывание семиозиса-осмысления можно продолжать бесконечно долго. Спрут растет, у него на каждом щупальце появятся глаза, а эти глаза обращаются сами на себя. Каждый глаз на его теле и щупальцах становится локусом вращения пирсовского знака-треугольника, порождающего все новые и новые инстанции (instances) обозначения.

Семиотический феномен, модусы его использования и изучения

Большинство авторов, пишущих о *семиотике*, исходят из того, что за этим термином стоит, во-первых, единое и целостное явление, а во-вторых, столь же единая и целостная наука о нем. Данная интуиция вполне оправдана и продуктивна – особенно в контексте академических занятий и университетского преподавания. Однако одновременно приходится признать, что жизнь значительно шире традиционной академической сферы. Фактически сформировались куда больше вполне своеобразных научных и даже интеллектуальных традиций. Среди них С.В. Чебанов выделяет пять. Они тесно переплетаются друг с другом, но весьма своеобразны и представляют единый феномен смыслообразования и работы со смыслами с разных сторон и в разных оптиках или, точнее, модусах.

Помимо соответствующих академических подходов и научных дисциплин речь может идти также о принципиально различных типах знания и коммуникации, а также сформировавшихся на их основе сферах занятий. Это касается знания не только *предметов* изучения, но и *способов* такого предметного познания и, шире, *модусов* прагматической жизнедеятельности. Такие способы и сферы включают коммуникативную и мыслительную деятельность – для современных людей вполне специализированные и во многом автономные, но имеющие общие интегральные практики общения, эволюционно исходные и базовые. Это также художественная деятельность по самовыражению и объединению людей – словесность, искусство и то, что обобщенно мы именуем культурой. К ней близко примыкают, а частично смыкаются с нею прочие виды деятельности по упражнению и развитию прочих человеческих сил и способностей, включая спорт, психосоматические практики развития, здорового образа жизни и т.п.

В число больших типов осмысленных человеческих практик входит также специализированные хозяйственные и социально-политические предназначения человеческой жизнедеятельности вплоть до производства товаров и услуг, установления и поддержания правопорядка, целенаправленного планирования политик человеческого благополучия и инструментально-ресурсного обеспечения.

Существуют также комплексные практики на стыках нескольких типов. К ним относятся, например, различные виды оздоровительных

(исправляющих психосоматические сбои) практик от знахарства, лечения и врачевания до современных направлений медицины.

Все эти человеческие занятия и практики осмысленны и в высокой степени предопределены как своей семиотической подосновой, так и современными средствами содержательного прагматического взаимодействия, т.е. изощренными семиотическими приемами и ресурсами. Такие приемы, ресурсы и накопленные в ходе антропоцена артефакты включают логономические системы производства и его финансового обеспечения, урегулирования конфликтов, принятия и осуществления политических решений, транспортного обеспечения, организации быта и т.п. Материализуемые в артефактах человеческие порядки от дорожных систем до вывоза мусора, от отопления жилищ до организации празднеств и досуга строятся на семиотической основе и разворачиваются в ее логике и инструментальных возможностях. Это позволяет и даже требует изучать не только семиотику языка и речи или кино и спорта, но также всего массива человеческой жизнедеятельности.

Семиотика, сигнифика, семиология, семиозика...

Феномен осмысления во всех его проявлениях изучается уже свыше двух с лишним тысячелетий, однако именно Пирс по праву считается начинателем его современного научного изучения. Им были намечены два базовых концептуальных комплекса, находящихся в отношениях дополнительности. Это означивание (*semiosis*) как процесс и знак (*sign*) как базовый момент, своего рода архимедова точка опоры (*πῆ στῶ*) для процесса семиозиса.

Дополнительность семиозиса и его движущих моментов не была до конца осмыслена и артикулирована Пирсом. Соответственно научный аппарат и общие построения получили однобокое развитие, тщательная проработка отдельных аспектов сочеталась с довольно приблизительной. Осталось немало белых пятен и лакун. В целом сказались стереотипы обыденного языка с их форсированием номинализации и привычные образцы научных практик концептуализации и аргументации. В результате Пирс сконцентрировался на создании крайне изощренных схем различных типов знаков, которые при всей своей эвристичности отрывали знаки от означивания. Семиозис же остался лишь общим фоном для усилий Пирса и существенной проработки не получил.

Сам Пирс и другие исследователи оказались перед необходимостью выбора. Чему отдать предпочтение, что сделать опорой своих построений – целостность процесса смыслопорождения, семиозиса, или атомарным проявлениям этого процесса, его элементарным единицам, т.е. знакам? Выбор ведет к разным и во многом даже контрастным результатам. В одном случае возникнет «доктрина знаков» по Дили или, точнее, «искусство

моделирования смыслов с помощью знаков, осуществляемое коммуникантами». В другом – задачей станет создание «искусства моделирования смыслов ради взаимного понимания коммуникантами друг друга». Подобное искусство было удачно названо выдающимся польским логиком и семиотиком Ежи Пельцем семиотикой (semiotics). Таким образом, в целостном научном комплексе семиотики выделяются две крайности, два полюса: процессоцентричный семиотический (semiotic) и знакоцентричный семический (semic).

Прагматические устремления Пирса помогли ему постоянно видеть и учитывать достижение коммуникантами взаимопонимания, однако школа математики, логики и схоластики заставляла его формализовывать такое видение в терминах знаков. В ходе продолжавшихся всю его творческую жизнь колебаний между полюсами семиотики и семиотики Пирс детальнее и основательнее проработал знаковую, семиотическую и даже скорее семантическую часть огромного поля осмысления.

Его усилия были подхвачены в последнем десятилетии позапрошлого века Викторией Уэлби, которая стала создательницей сигнифики (significs). Эта научная концепция связала гигантскую сферу осмысления с конкретными процессами и инстанциями сигнификации, обозначения, а исходно метафоризации [Welby, 1893]. Тем самым был усилен акцент на процессуальность, но одновременно фокусе оказались конкретные проявления сигнификации, а с этим и знаки. Подобно пирсовской концепция Уэлби оставалась двойственной.

Дальнейшее научное освоение семиотической сферы получило заметный крен в сторону использования знаков как отправного момента исследований и фактически привело к господству «доктрины знаков». Этому в решающей степени способствовало создание Фердинандом де Соссюром лингвоцентричной семиологии. Она решительно повлияла даже на весьма оригинального продолжателя пирсовского дела Чарльза Морриса, фактически создавшего операционально удачное обобщение пирсовской семиотики с более отчетливым профилированием трех основных типов знаков и уровней (измерений) семиотики. Именно оно продолжает служить стандартной основой нынешних академических и научных интерпретаций семиотики.

Альтернативная семиотическая трактовка процессов смыслообразования и осмысления развивалась довольно успешно, но на первый взгляд периферийно с уклоном в философию и психологию. Особенно важными были усилия философа Людвиг Витгенштейна, психолога Карла Бюлера, а впоследствии вклад широкого круга логиков и когнитивистов. Мощное обновление семиотического мышления и научного аппарата осуществил Томас Себеок (Тамаш Шебек) и подхватившая его идеи плеяда биосемиотиков (К. Кулль, Й. Хофмайер, С.В. Спириков, А. Шаров и др.).

Не слишком заметной, увы, оказалась уже упоминавшаяся попытка Ежи Пельца решительно акцентировать альтернативный подход «от семи-

озиса». Он сохранил, однако, исходную двойственность, но попытался ее сбалансировать и трактовать две базовые альтернативы как взаимно дополняющие друг друга. Пельц модифицировал «взгляды Пирса и Морриса и позаимствовал различие между деятельностью и ее продуктами у Казимежа Твардовского [Твардовский, 1912]». Это позволило ему «рассматривать семиозис как деятельность, которая в некоторых случаях производит знаки вместе с отдельными семиозисными свойствами или семиозисными отношениями, а иногда и семиозику, т.е. полноту (totality) семиозисных свойств знаков или всю полноту семиозисных отношений, включая и знаки как ее элементы» [Pelc, 2000, p. 428].

Намеченная на рубеже тысячелетий Пельцем перспектива в последнее время стала привлекать внимание исследователей перевода [Jia, 2019; Jia, 2020; Jin, 2021; Niu, 2020; Niu, Hemchua, 2022; Torres-Martinez, 2020]. Не менее важны, а фактически уже отмечены значимыми достижениями разработка С.Т. Золяном и его коллегами концепций семиопозиса и прагмасемантики [Золян, 2021; Золян, 2023; Между миром..., 2021].

Намеченная в статье перспектива позволяет артикулировать актуальную научную задачу – поиск способов соединения двух контрастных подходов (семического и семиозисного) и обеспечения полноты семосемиозисного знания в рамках целостной семиотики.

Список литературы

- Дили Дж. Зоосемиотика и антропосемиотика // Критика и семиотика. – 2017. – № 1. – С. 140–188.
- Золян С.Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. – 2021. – № 1. – С. 57–77.
- Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте : коллективная монография / под. ред. С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — 461 с.
- Bühler K. Sprachtheorie. – Jena : Fischer, 1934. – 434 S.
- Jia H. Semiospheric translation types reconsidered from the translation semiotics perspective // *Semiotica*. – 2019. – N 231. – P. 121–145.
- Jia H. Reconsidering Semiospheric Translation Types: A reply to Professor Torres-Martínez // *Chinese Semiotic Studies*. – 2020. – Vol. 6, N. 4. – P. 581–601.
- Jin Y. Redefining the object of semiotic studies (Doctor's thesis). – Hong Kong : Lingnan University, 2021. – 167 p.
- Locke John. *An Essay Concerning Humane Understanding*. – 1st ed. – London : Thomas Basset, 1690. – 383 p.
- Merrell F. An Uncertain Semiotic // *The Current in Criticism: Essays on the Present and Future of Literary Theory*. – Purdue University Press, 1988. – P 243–264.
- Morris Ch.W. Signs, Language and behavior. – New York : Prentice-Hall, 1946. – 365 p.
- Niu M. Semiotics and Semiosics: the Terminological Connotations and Conceptual Relations // *International Journal of New Developments in Education*. – 2020. – Vol 2, N 3. – P. 4–13.
- Niu M., Hemchua S. Translation semiotics and semiotic translation: clarification of disciplinary intension and concept // *Chinese Semiotic Studies*. – 2022. – Vol. 18, № 2. – P. 205–229.

- Peirce C.S. Questions concerning certain faculties claimed for man // *The Journal of Speculative Philosophy*. – 1868. – Vol. 2, № 2. – P. 103–114.
- Pelc J. Semiosis and semiotics vs. semiotics // *Semiotica*. – 2000. – N 128. – P. 425–434.
- Teilhard de Chardin P. *Le phénomène humain*. – Paris : Editions du Seuil, 1956. – 348 p.
- Torres-Martínez S. On the origins of semiotic translation, the role of semiosis in translation and translating and the nature of sign systems: Response to Jia // *Semiotica*. – 2020. – N 236/237. – P. 377–394.
- Twardowski K. O czynnościach i wytworach. Kilka uwag z pogranicza psychologii, gramatyki i logiki // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia Uniwersytetu lwowskiego przez króla Jana Kazimierza*. – Lwów : nakł. Uniwersytetu Lwowskiego, 1912. – Tom 2. – S. 1–33.
- Welby V. Meaning and metaphor // *Monist*. – 1893. – N 3. – P. 510–525.

Mikhail Ilyin¹

Semiosis as genesis of a chimerical octopus

Abstract. The current semiotics is the most important sphere of anthropocosmic fulfillment, as well as a complex of various scientific and academic traditions of its study. The article outlines two contrasting approaches. One is built around the all-encompassing integrity of semiosis, while the other focuses on its basic element, the sign. Merrell's proposed image of a chimerical octopus reflects the first approach. Pelc suggests calling it semiotics. A semic, sign-centered approach dominates the current 'doctrine of signs'. An urgent scientific task is to find ways to combine both approaches and ensure the semio-semiotic completeness of semiotic knowledge.

Keywords: semiotics; semiology; signification; semiotics; semic and semiotic approaches; C.S. Peirce; E. Pelc; J. Deeley; F. Merrell.

For citation: Ilyin M. (2023). Semiosis as genesis of a chimerical octopus. *METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION*. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 14–21. DOI: 10.31249/metod/2023.02.02

References

- Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie*. Fischer. 434 S.
- Deeley, J. (2017) Zoosemiotics and anthroposemiotics. *Criticism and semiotics*. No. 1. 140–188. (In Russ.)
- Jia, H. (2019). Semiospheric translation types reconsidered from the translation semiotics perspective. *Semiotica*, 231, 121–145.
- Jia, H. (2020). Reconsidering semiospheric translation types: A reply to professor Torres-Martínez. *Chinese Semiotic Studies*, 16(4), 581–601.
- Jin, Y. (2021). *Redefining the object of semiotic studies*. Lingnan University.
- Locke, J. (1690). *An Essay Concerning Humane Understanding* (1st ed.). 1 vols. Thomas Basset.
- Merrell, F. (1988). An uncertain semiotic. In C. Koelb & V. Lokke (Eds.), *The current in criticism: Essays on the present and future of literary theory*. Purdue University Press.
- Morris, Ch.W. (1946). *Signs, Language and behavior*. Prentice-Hall.

¹ **Mikhail Ilyin**, Institute of information for social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia); mikhaililyin48@gmail.ru

- Niu, M. (2020). Semiotics and Semiosics: the Terminological Connotations and Conceptual Relations. *International Journal of New Developments in Education*, 4–13.
- Niu, M., & Hemchua, S. (2022). Translation semiotics and semiosic translation: clarification of disciplinary intension and concept. *Chinese Semiotic Studies*, 18(2), 205–229.
- Peirce, C.S. (1868). Questions concerning certain faculties claimed for man. *The Journal of Speculative Philosophy*, 2(2), 103–114.
- Pelc, J. (2000). Semiosis and semiosics vs. semiotics. *Semiotica*, 128(3/4), 425–434.
- Teilhard de Chardin P. (1956) *Le phénomène humain*, P.: Editions du Seuil, 348 p.
- Torres-Martínez, S. (2020). On the origins of semiosic translation, the role of semiosis in translation and translating and the nature of sign systems: Response to Jia. *Semiotica*, 2020 (236/237), 377–394.
- Twardowski K. (1912) O czynnościach i wytworach. Kilka uwag z pogranicza psychologii, gramatyki i logiki. // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia Uniwersytetu lwowskiego przez króla Jana Kazimierza. Tom II. Lwów: nakł. Uniwersytetu Lwowskiego. 1-33
- Welby V. (1893). Meaning and metaphor. *Monist*, 3, 510–525.
- Zolyan S.T. (2021). Semiopoesis: Formation of meaning in molecular genetics and biosemiotics. *Critique and Semiotics*, 1, p. 57–77. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1- (In Russ.)
- Zolyan S.T., Tulchinsky G.L. Ed. (2021). *Mezhdú mirom i yazykom: smysl i tekst v kommunikativnom prostranstve [Between the world and language: meaning and text in the communicative space]*. Baltic Federal University named after I. Kant Publ. (In Russ.)
- Zolyan, Suren T. (2023). Pragmatics as a Self-Generation of a Subjecton-Its Own. *Voprosy Filosofii*, 7, 93–103. (In Russ.)

Золян С.Т.¹

Сотворение знака как семипойезис²

Аннотация. В статье на примере из текста из «Философских исследований» Л. Витгенштейна автор поясняет логику внутренних закономерностей семиозиса и показывает, что знакопорождение является имманентным свойством самой знаковой системы. Аутопойетический подход к обоснованию семиозиса также подкрепляется учениями био-семиотики и молекулярной генетики о генетическом кодировании. Примером подобной знаковой системы может служить генетический код, который включает как схемы соотнесения между нуклеотидами и аминокислотами, а затем и аминокислотами и белками, так и операции по их регуляции и последующему взаимодействию с контекстом (средой). Для такого понимания знаковых систем важную роль играют принципы семиотики Пирса, устанавливающие медиацию между объектом и интерпретантой, а также учение о «самоформах» («эйгонах»), выдвинутое рядом исследователей.

Ключевые слова: семиотика; знак; семипойезис; Витгенштейн; генетический код; самопорождение; самоформы.

Для цитирования: Золян С.Т. Сотворение знака как семипойезис // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 22–27. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.03

Анализ знаковых отношений в языке Соссюр предложил начать с простейших систем, справедливо полагая, что языковой знак есть результат многократного усложнения исходного семиозиса. Но тем не менее он не может не сохранять в себе наиболее общие базовые характеристики, наглядно проявляющиеся при обращении к простейшим знаковым системам. Однако при выборе простейших систем Соссюр указывает, скорее, на вырожденные суррогаты естественного языка, его перекодировки, а не на собственно знаковые системы (морская сигнализация, азбука Морзе, азбука для слепых). Тем самым он рассматривает не простейшие, а вырожденные формы преобразования означающих наисложнейшей знаковой системы, что вряд ли могло способствовать уяснению семиозиса.

¹ **Золян Сурен Тигранович**, д-р филол. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта; surenzolyan@gmail.com

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» № 22-18-00383, в ИНИОН РАН.

Между тем простейшими знаковыми системами скорее следует считать не упрощенные вторичные варианты естественного языка, а те, где возникает само знаковое отношение. Возьмем хрестоматийный пример, который Витгенштейн приводит как образец простейшей языковой игры и в то же время как расхожее представление о семантике языкового знака (которое он возводит к Августину Блаженному):

Ну, а представь себе такое употребление языка: я посылаю кого-нибудь за покупками. Я даю ему записку, в которой написано: «Пять красных яблок». Он несет эту записку к продавцу, тот открывает ящик с надписью «яблоки», после чего находит в таблице цветов слово «красный», против которого расположен образец этого цвета, затем он произносит ряд слов, обозначающих простые числительные до слова «пять» я полагаю, что наш продавец знает их наизусть, и при каждом слове он вынимает из ящика яблоко, цвет которого соответствует образцу. Так или примерно так люди оперируют словами. Но как он узнает, где и каким образом положено наводить справки о слове «красный» и что ему делать со словом «пять»? Ну, я предполагаю, что он действует так, как я описал. Объяснениям где-то наступает конец. Но каково же значение слова «пять»? Речь здесь совсем не об этом, а только о том, как употребляется слово «пять» [Витгенштейн, 1994].

Продолжим аналогию Витгенштейна и повторим вопрос: как лавочник понимает значение слов «красный» и «пять». Простейший путь (в духе радикального перевода Виллиарда Куайна) предположить, что нет таких объектов как яблоки, а есть яблоки – красные, желтые, зеленые и т.д. Но у лавочника, по описанию Витгенштейна, нет отдельного ящика для красных яблок, все они в одном, откуда лавочник в состоянии выбрать именно красные. Цвета у лавочника перенесены на особые бумажки. То есть физические цвета перенесены в знаковую форму – экстенционалом записанного на записке слова «красный» оказывается некоторый знак (бумажка красного цвета), и именно эта бумажка оказывается экстенционалом множества красных предметов, в частности красных яблок. Но сама бумажка также является красным предметом, то есть знаком самого себя. Экстенционал произведен от признака объекта знака (цвет бумажки), и сам же порождает знак (бумажка, обозначающая красный цвет)¹.

Не ясно и то, что есть интерпретация и слова «пять». Не вдаваясь в дискуссию о семантике и онтологии чисел, обратим внимание на то, что знаком пять оказывается не произнесение этого слова, а окончание счета. Выделение множества из пяти объектов (яблок) оказывается производным от операции терминации, прекращения счета. Не само название слова «Пять», а то, что на этом слове счет прекращается, функционирует как

¹ Попутно заметим, что подобный процесс достаточно распространен для метонимического словоразования: бордо – вино, цвет вина – цвет; и в обратном направлении – синенькие – овощ синего цвета – баклажаны.

знак того, что завершается процесс отбора красных яблок. Прекращение счета не является ни знаком и ни операцией (разве что нулевыми). Это тот случай, когда нечто функционирует как знак не будучи знаком. Например «плохой запах в лавке» может служить как сигнал-предостережение (сюда не ходи). Но в данном случае операции функционирования не-знаков как знаков формализованы: все они детерминированы исходной командой «пять красных яблок».

Между словами, написанными в записке, и объектами, находящимися в лавке возникает некоторое отношение, которое, пока не уточняя необходимых условий, можно определить как отношение смысла. Возникает нечто вроде петли между объектом и тем же объектом, но уже объектом-как-знаком. Объект, становясь знаком, приобретает смысл. Знак смысла становится смыслом знака, и наоборот. Красная бумажка становится знаком и операцией соотношения: 1) себя самой с самой собой; 2) с некоторым подмножеством яблок. Возникает новая форма бытия объекта – это СЕМИО-БЫТИЕ, когда объект раздваивается на объект и знак.

Безусловно, для описания подобных отношений необходимо отказаться от принятого лингвистического понимания знака как некоторого субститута, связанного с объектом некоторыми социальными конвенциями. Обращение к био-семиотическим процессам позволяет элиминировать конвенциональные и социально детерминированные характеристики знака. Так, еще в 1964 г. на это обратил внимание Ю.С. Степанов:

Можно наметить следующие ступени семиозиса в биологических системах связи. 1. Всякое явление есть знак самого себя, в этом случае явление как объект и то же явление как знак полностью тождественны: это нулевая ступень знаковости; например, нормальное существование семьи пчел есть знак нормального существования семьи пчел. (Конечно, с известной, узкой точки зрения, это вообще не знак. Однако мы вправе описать это явление и как знак [Степанов, 1964, с. 69].

Характерны колебания исследователя – можно ли считать подобное явление знаковым? Безусловно, можно, но для этого было необходимо кардинально поменять само понимание знака, что было сделано в конце 80-х годов итальянским микробиологом Джорджио Проди:

«В этом отношении общая система, изложенная Пирсом, также может быть не-человеческой, поскольку процесс семиозиса происходит везде, где посредством интерпретанты осуществляется медиация между интерпретатором и вещью... Что мы должны сделать, так это пойти дальше и устранить на самом элементарном этапе значения не только интенциональность, но и медиацию. Знак – это не то, что представляет собой нечто иное. Это природный объект, который соответствует чему-то другому (и является функцией чего-то другого)» [Prodi, 2021, p. 117–118].

Биосемиотика и молекулярная генетика предоставляют возможность уяснить логику внутренних закономерностей семиозиса и убедиться в том, что **знакопорождение есть имманентное свойство системы управления**

информационными процессами и может не предполагать обладающего сознанием субъекта. Возникают хорошо известные в теоретической кибернетике самоформы, так называемые «эйгены»: формы $AA (A) = A(A) = A$ [Kauffman, 2003]. В том числе и такие: Слово «знак» есть знак для слова русского языка «знак». Слово «Знак» есть и обозначение знака, и само является знаком. Эйгены – все то же отображение объекта в самого себя, когда он становится объектом-как знаком, а в дальнейшем уже отображение (перевод) знака в мета- и коннотативные формы. Сам себя описывающий объект становится знаком. Он не замещает себя – хотя это и может быть частным случаем, но он репрезентирует себя. Нарисованный виноград есть нарисованный виноград¹.

Это приводит к радикальному изменению понимания прагматики и замену главенствующего в ней наделенного волей и сознанием (разумом) субъекта **субъектностью как характеристикой самой знаковой системы**. Возможна прагматика, в которой механизмы интерпретации не связаны с каким-либо внешним существом или организмом, но рассматриваются как **аутопоэтические операции**, выполняемые самой знаковой системой. В этом мы можем опираться на принципы, которые предложил Чарльз Пирс. Парадоксально, но в триаде Пирса «*знак-объект-интерпретанта*» знак является результатом семиотических операций, которые могут не предполагать разумного агента; они могут осуществляться своеобразным «квазиразумом», «квазиговорящим», «квазиинтерпретатором», которые определяются посредством операций со знаками и являются имманентными самому знаку. В других семиотических мега-системах (культура, язык, семиосфера в целом) также можно выделить коммуницирующие сущности, аналогичные «квазиразуму» и «квазиговорящим». Можно указать на идею Ю.М. Лотмана о том, что любая субсемиосфера (или семиотическая монада) имеет свое собственное семиотическое «я». Соответственно, можно рассматривать прагматику как систему операций, определяющую взаимодействие между знаковой системой и контекстом ее актуализации. Перефразируя Ю.М. Лотмана: знаковая система действует как субъект и сама по себе объект. Или, говоря словами Юрия Тынянова, прагматика – это знаковая система в ипостаси *говорящего лица*.

¹ Хотя Маркс пишет: «Но ни одна вещь не может быть своим собственным символом. Нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а кажущийся виноград» [Маркс, 1959, с. 94], именно он описывает этот процесс на примере превращения металлических монет в знаки самих себя: Чем дольше монета обращается при неизменной скорости обращения или чем быстрее ее обращение в продолжение одного и того же промежутка времени, тем больше ее бытие в качестве монеты отделяется от ее золотого или серебряного бытия. То, что остается, – это *magis nominis umbra* (тень великого имени.) [там же, с. 90]; таким образом, всякая золотая монета самим процессом обращения в большей или меньшей степени превращается в простой знак, или символ, своей субстанции [там же, с. 94].

Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный способ обоснования семиотики своими собственными средствами. Языком в таком случае следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем [Эко, 1998, с. 53].

Список литературы

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть 1 / составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой ; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 1–74.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург, 1998. – 538, [5] с.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – Т. 13. – С. 1–167.
- Степанов Ю.С. О предпосылках лингвистической теории значения ВЯ. – 1964. – № 5. – С. 66–74.
- Kauffman L.H. Eigenforms – Objects as Tokens for Eigenbehaviors // *Cybernetics and Human Knowing*. – 2003. – Vol. 10, № 3/4. – P. 73–90.
- Prodi Giorgio *The Material Bases of Meaning*. – Tartu : Semiotics Library 22 : University of Tartu Press, 2021. – 219 p.

Suren Tigranovich Zolyan¹ Creation of the sign as semipoiesis

Annotation. In the article, using an example from the text of «Philosophical Investigations» by L. Wittgenstein, the author explains the logic of the internal laws of semiosis and shows that sign generation is an immanent property of the sign system itself. The autopoietic approach to the substantiation of semiosis is also supported by the teachings of biosemiotics and molecular genetics about genetic coding. An example of such a sign system is the genetic code, which includes both correlation schemes between nucleotides and amino acids, and zetas and amino acids and proteins, as well as operations for their regulation and subsequent interaction with the context (environment). For such an understanding of sign systems, an important role is played by the principles of Peirce’s semiotics, which establishes mediation between the object and the interpretante, as well as the doctrine of «self-forms» («egons»), put forward by a number of researchers.

Keywords: semiotics; sign; semipoiesis; Wittgenstein; genetic code; self-generation.

For citation: Zolyan S.T. (2023) Creation of the sign as semipoiesis // *METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION*. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 22–27. DOI: 10.31249/metod/2023.02.03

¹ **Zolyan Suren Tigranovich**, doctor of Philology sciences, prof. of Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; surenzolyan@gmail.com

References

- Eco, U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing structure. Introduction to Semiology]*. Petropolis. (In Russ.)
- Kauffman, L.H. (2003). Eigenforms – Objects as tokens for eigenbehaviors. *Cybernetics and Human Knowing*, 10(3–4), 73–90.
- Marx, K. (1959). *Toward a critique of political economy*. State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)
- Prodi, G. (2021). *The Material Bases of Meaning*. Tartu Semiotics Library 22, University of Tartu Press.
- Stepanov, Ju.S. (1964). On the prerequisites of the linguistic theory of meaning. *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 66–74.
- Wittgenstein, L. (1994). Philosophical investigations. In *Philosophical works, vol. 1*, 1–74. (In Russ.)

Суховерхов А.В.¹

ОТ ОНТОЛОГИИ ЗНАКА И ЯЗЫКА К СЕМИОТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ

Аннотация. В статье предложен методологический «онтологический поворот» в исследовании информации, знаковых систем и языка. Показано, что семиотическая теория пошла больше по пути гносеологического (когнитивного, эпистемологического) анализа процесса репрезентации, что привело к рассмотрению знака как продукта деятельности индивидуального организма, к функциональному подходу в теории информации и значения. В работе обосновывается *субстанциональный подход* к информации, в связи с чем рассматриваются теории естественных и виртуальных знаков, разработанные Т. Ридом, Р. Милликан, Д. Дили, В. Нёт и другими исследователями. Естественные или индексальные знаки (знаки, причинно связанные с обозначаемым) рассматриваются как основание для объективного познания, как необходимое условие происхождения конвенционального языка в человеческом сообществе и базис для построения теории семиотического реализма. Д. Дили, В. Нёт показали, что знаки могут (виртуально) существовать до появления жизни во Вселенной и нести информацию не зависимо от того, интерпретирует их кто-либо или нет. Например, реликтовое излучение, останки динозавров и в настоящем, и в будущем будут использоваться как неисчерпаемый источник информации о событиях прошлого. Отмечены также исследования, в которых *необходимым* условием возникновения конвенционального языка считаются естественные знаки (индексальность) и включенность языка в прагматический контекст, соотнесенность с действительностью.

Ключевые слова: семиотический реализм; естественные знаки; индексальные знаки; происхождение языка; экологическая лингвистика; семиотика; биосемиотика.

Для цитирования: Суховерхов А.В. От онтологии знака и языка к семиотическому реализму // МЕТОД : Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13. Т. 3, № 2. – С. 28–41. – DOI: 10.31249/metod/23.02.04

¹ Суховерхов Антон Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия; sukhoverkhov.ksau@gmail.com

© Суховерхов А.В. 2023

1. Проблема онтологического статуса информации и знака

В XX в., такими советскими и российскими исследователями, как Р.Ф. Абдеев, И.Б. Новик, А.Д. Урсул, П.В. Копнин, Д.И. Дубровский и др., проводились исследования и научные дискуссии, направленные на установление природы информации [Дубровский, 1980; Абдеев, 1994; Лысак, 2015]. Согласно И.В. Лысак, эта многолетняя дискуссия выявила три подхода: субстанциональный, атрибутивный и функциональный [Лысак, 2015]. Сторонники *субстанционального подхода* (например, В.А. Гадасин, Б.Б. Кадомцев) считали, что информация имеет онтологический статус, наряду с материей и сознанием, и существует независимо от субъекта познания / интерпретации [Лысак, 2015, с. 13]. Информация является «необходимой стороной существования объектов любой природы» [Кулешов, 2015, с. 32] и характеризуется как некий *порядок* системы, зафиксированный в пространстве и времени [Лысак, 2015, с. 13]. Близкие к нему сторонники *атрибутивного подхода* (например, Р.Ф. Абдеев, И.Б. Новик, А.Д. Урсул) рассматривали информацию как свойство и атрибут материи, существующую, например, в форме «структурной информации» [Абдеев, 1994].

Актуализация дискуссии о субстанциональности информации произошла и XXI в. благодаря исследованиям в области квантовой и цифровой физики (digital physics) [Wheeler, 2018; Vedral, 2018]. Ряд ученых из этих областей радикализировали субстанциональный подход утверждая, что вся действительность есть информационная система и «в реальности все состоит из информации» [Vedral, 2018, с. 173].

Разработчики *функциональной теории* информации (например, П.В. Копнин, Д.И. Дубровский, М. Янков) утверждали, что информация есть свойство высокоорганизованной материи (информация возникает вместе с жизнью), она предполагает самоорганизующиеся системы, которые обладают процессами управления и познания, а значения и смыслы всегда функциональны, а не субстанциональны [Дубровский, 1980]. Такой же подход стали развивать в нашем столетии в отношении природы информации в живых и технических системах [Godfrey-Smith, 2007; Mann, 2020].

Аналогичные научные дискуссии и сейчас проходят и в области исследования онтологической природы знака и языка [Sukhoverkhov, Gare, 2024]. В частности, среди семиотиков получил популярность спор о том, является ли кость динозавра потенциальным знаком (virtual sign), который несет информацию, даже если ее никто не интерпретирует [Deely, 1990; Petrov, 2013]. Одни мыслители (например, Д. Дили и В. Нёт) стали утверждать, что знаки, или, в их теории виртуальные знаки (virtual signs) существуют независимо от того, интерпретирует их кто-либо или нет. Поэтому, с точки зрения эволюции, «виртуальные знаки» существовали до появления живых систем [Nöth, 2001]. Например, для ученых-исследователей разных эпох

реликтовое излучение, останки динозавров или древняя книга будут потенциально содержать информацию не независимо от того, «читает» их кто-либо или нет в данный исторический момент времени.

Другие исследователи не согласились с таким подходом к знаковым системам. В частности, многие семиотики и биосемиотики, находясь под влиянием теории «Уmwельта» (нем. Umwelt – «окружающий мир») Якоба фон Иксюля, стали утверждать, что у разных видов есть свой «умwельт-пузырь» (umwelt bubble), определяющий значения предметов, явлений и процессов [von Uexküll, 2010; Tønnessen, 2021]. Например, предметно-смысловой и семиотический мир бактерий или муравьев отличается от мира людей, несмотря на то, что мы живем в одной предметной реальности. Поэтому необходимо говорить о том, что смысл и информация принадлежат субъекту интерпретации, а не самим вещам, функционирующим в познании или деятельности живых организмов как знаки. Этот подход был поддержан и развит, в частности, радикальными конструктивистами в теории языка и познания. По их мнению, системы, способные к познанию, автопоэтичны и самореферентны, т.е. порождают смыслы из себя, из своих целей и задач [Brier, 2003; Fischer, 1997; Maturana, Varela, 1991].

Такой радикальный конструктивизм и функционализм в теории познания и семиотике может вести, как писали в советских учебниках по философии, «к субъективному идеализму, к утверждению о невозможности познания объективной реальности». С этой точки зрения, понимание информации как исключительно субъективного феномена противоречило бы успешной практике познания и использования, например, общих законов физической реальности.

Популярность и «убедительность» конструктивистского подхода в семиотике (биосемиотике) связана, на наш взгляд, с построением семиотической теории исключительно на гносеологических основаниях (исходя из декартовского *cogito ergo sum* и берклианского *esse est percipi*) [Суховерхов, 2005; Sukhoverkhov, Gare, 2024] и исключения или минимизации онтологических и эволюционных факторов в объяснении познания и информации.

Уже сейчас, в XXI в., исследования природы информации в квантовой физике побудили ряд ученых высказывать предположение, что информация также объективна, как материя, пространство и время [Information and the nature of reality ... , 2014; Litchfield, 2022; Vedral, 2018]. В других науках информация также все больше начинает рассматриваться именно как фундаментальное свойство Вселенной, определяющее сущность и развитие биологических и социальных систем [Chalmers, 2022; Different perspectives on nature of information ... , 2018]. Как отмечают Б.Б. Кадомцев и К.К. Колин «Информация пронизывает все уровни организации материи – от квантовых систем до мегагалактических образований. Именно она определяет направление развития всех эволюционных процессов во Вселенной,

является той главной первопричиной, под воздействием которой и осуществляется эволюция» [Колин, 2005, с. 44–45].

Важно отметить, что основатель семиотики Ч. Пирс также занимал реалистическую позицию в отношении знаков, а в теории познания придерживался позиции *критического реализма* (Critical Common-Sensism). По словам Пирса, в своем учении он объединил положения философии здравого смысла и положения критической философии Канта [Пирс, 2000, с. 182, 217–218]. Кроме того, ему принадлежит радикальное утверждение, перекликающееся с современной квантовой физикой: «Вся вселенная... пронизана знаками, если только она не состоит исключительно из знаков» (The entire universe... is perfused with signs if it is not composed exclusively of signs) [Peirce, 1935, p. 448]. В контексте такого реализма знак (репрезентант) определяется Пирсом как самостоятельная вещь, которая обладает «Репрезентативным Качеством» и не зависит «необходимым образом ни от того, определяет ли он в действительности какой-либо Интерпретант, ни от того, имеет ли он Объект» [Пирс, 1999, с. 76].

Учитывая сказанное, мы стараемся исследовать возможности применения в биосемиотике и семиотике концепции, основанной на эпистемологическом реализме и онтологическом подходе к информации. К непосредственным задачам статьи относится рассмотрение теорий происхождения языка с точки зрения концепции естественных знаков и «прагматического поворота» в лингвистике, направленное на поиск новых теоретико-методологических оснований исследований в области биосемиотики и биолингвистики.

2. Онтологические основания «семиотического реализма»

Ч. Пирс, развивая идеи здравого смысла, говорит, что мы познаем реальность не только в форме феноменов сознания или «качеств», но и в виде осознания/ощущения некоторой материальной силы, которая противостоит или содействует нам [Пирс, 1999, с. 11–28]. Позднее, в теории восприятия Дж. Гибсона, это явление получило название аффорданса (affordance) [Gibson, 1979]. Оно означает, что познание и деятельность субъекта не является полностью произвольным, но детерминировано обстоятельствами или средой, в которую вписывается организм (живая система). В терминах семиотики и теории здравого смысла Т. Рида, данное явление описано через понятие «естественные знаки» (у Пирса «индексальные знаки»). Это знаки, которые причинно связаны со своим обозначаемым. Именно они позволяют организмам ориентироваться в пространстве искать пищу или избегать хищников, а в более развитой форме и вводить их в заблуждение (например, посредством мимикрии). По мнению Т. Рида, все, что мы знаем о механике, астрономии, оптике, сельском хозяйстве, садоводстве, химии и медицине, основано на толковании и знании

естественных знаков [Рид, 2000, с. 150–151]. «Все наше познание, выходящее за наши изначальные восприятия, приобретается опытом и заключается в истолковании естественных знаков» [Рид, 2000, с. 324]. В современных исследованиях для описания таких знаков Рут Милликен использует в качестве синонимов понятия «корневой знак» (root sign), инфознак (infosign), а также понятие естественная информация (natural information) [Millikan, 2013; Millikan, 2017].

Для прояснения обсуждаемой проблематики возьмем в качестве примера упомянутую выше кость динозавра. С одной стороны, мы можем согласиться со сторонниками функционального подхода к информации и теории «Умвельта», что кость будет нести *разную* информацию для разных видов живых существ и для разных ученых (геологов, археологов, биологов, химиков), изучающих ее и ее расположение в слоях земли. С этой точки зрения можно даже утверждать, что семиотический и содержательно-информационный потенциал окаменелостей динозавра безграничен. С другой стороны, информация, которую несут эти останки или геологические слои земли, в котором они находятся, *не является произвольной*. Информация *детерминирована* не только субъектом познания, но и свойствами самих этих окаменелостей и их расположением. Поэтому останки динозавра несут одну, специфичную для них информацию, а, например, камни, расположенные рядом, совершенно другую.

Живые организмы не конструируют реальность произвольно, но опираются в своих действиях и познании на ту среду, в которой они живут и которая отражает деятельность других организмов или просто другие физические процессы. Это означает, что среда обладает определенными свойствами, детерминантами, выступающими в качестве ориентиров, оснований, знаков для действий и познания. Рыба, чтобы плыть, должна опираться на свойства воды, а птица, чтобы лететь, должна отталкиваться от свойств воздуха. Чтобы найти нужное направление куда плыть или лететь, живые организмы должны опираться на объективные ориентиры (знаки) в среде и искать пищу по наличию объективных признаков этой пищи в среде. Таким образом, среда так или иначе содержит в себе информацию. Не учитывая это, теория восприятия, интерпретации и познания попадет в тупик, что сделает невозможным построение корректной теории деятельности, реализующейся в окружающей действительности.

В этом контексте интересен пример эхолокации, которую используют, в частности, летучие мыши и дельфины. Согласно Ч. Пирсу, «знаком может быть что угодно, что определяет нечто другое» [Пирс, 1999, с. 93]. Эхолокация является примером такого знака, она и определяет, и определяется структурой окружающего мира, позволяя моделировать картину мира летучим мышам и дельфинам. В этом смысле причинно-следственные отношения являются в некотором смысле семиотическими, так как в таких отношениях одно явление выявляет и выявляется другим, а в эхолокации эти отношения не просто выявляются, но целенаправленно создаются.

Легендарный Шерлок Холмс «считывал» именно такие причинно-следственные знаки в действительности (по Пирсу, знаки-индексы), восстанавливая картину происшедшего или анализируя человека, пришедшему к нему.

3. Парадокс конвенциональности и проблема происхождения языка

В современных исследованиях происхождения языка можно встретить споры, сходные с вышеупомянутыми дискуссиями о природе информации и знака [Smith, 2006; Суховерхов 2015; Berwick, Chomsky, 2016]. В вопросе о происхождении языка можно выявить две крайние позиции. Первая, наиболее популярная в когнитивных науках (cognitive sciences), основана на гносеологическом/менталистском подходе и опирается на априоризм И. Канта. Она представлена нативизмом Н. Хомского, С. Пинкера и их последователями. В этом подходе язык рассматривается как врожденная *компетенция* или особый модуль, расположенный в мозгу [Pinker, 2013]. Согласно Н. Хомскому, язык как *внутренняя компетенция* (I-Language) независим от «внешнего языка» (E-Language) – социальных символических систем и практик коммуникации [Araki, 2017]. В рамках этого подхода интенциональность языка (способность к репрезентации, соотносению) рассматривается производной от интенциональности сознания. Сами по себе процессы физического мира (знаковые средства) не обладают лингвистическим смыслом, смысл коренится исключительно в сознании воспринимающего или интерпретирующего субъекта.

«Звук является лингвистической единицей (символом) только в том случае, если говорящие или лежащие в их основе языковые системы приписывают ему фонологические, синтаксические и семантические свойства: и это не свойства в мире, а свойства, мысленно представленные в сознании говорящих» [Smith, 2006, с. 438].

В противоположном (социокультурном) подходе, язык рассматривается как социальный по своей природе (например, социокультурный подход Л. Выготского, Д. Эверетта, В. Тойберта) [Vygotsky, Luria, 1994; Everett, 2012]. Язык – это *внешняя система* (инструмент, орудие), которая должна быть интериоризирована в процессе социализации (инкультурации). При этом «языковая компетенция» не врождена, а приобретает в обществе из практики коммуникации. Поэтому смысл принадлежит не столько индивидуальному сознанию, сколько общественной практике.

«Смысл нельзя найти ни в сознании говорящих и слушающих, ни в отнесении фрагмента текста к какой-то воспринимаемой или метафизической реальности. Смысл – это то, чем обмениваются и чем делятся в ходе дискурса. Смысл социален, а не ментален» [Teubert, 2010, с. 208].

Однако, если рассмотреть эти противостоящие друг другу теории с точки зрения происхождения языка, возникают определенные парадоксы. Во-первых, если верна точка зрения, что первичным является внутренний, ментальный язык (I-Language), а внешний (E-language) является производным от него, то лингвистическая компетенция должна возникнуть в ходе эволюции в результате какой-то случайной генетической мутации [Berwick, Chomsky, 2016]. Однако, если допустить, что эта мутация случайна, происходит у отдельных индивидов и не программирует жестко специфику знаковых средств (орудий) для коммуникации, то как эти уникальные индивидуумы смогут понять друг друга (преодолеть «пузырь умвельта»)? Они будут производить неизвестные знаки и сигнализировать друг другу через разные каналы связи, вкладывая разные значения. Примером этого парадокса может являться 52-герцовый кит, которого называли «самым одиноким китом в мире», из-за того, что его частота песен не распознавалась другими китами, общающимися в диапазоне 15-25 герц [Mulvaney, 2021]. Рассмотренная проблема происхождения внутреннего языка (I-Language) может быть названа в его честь «парадоксом одинокого кита».

Социокультурный подход к происхождению языка также является парадоксальным, если рассмотреть его с точки зрения конвенций. Парадокс состоит в следующем: если язык является продуктом условного соглашения (конвенций), то это соглашение необходимо формулировать еще на каком-то языке, который тоже должен являться продуктом соглашения и так *ad infinitum*. Чтобы остановить бесконечность конвенций, необходимо допустить такой исходный язык, который был бы понятен непосредственно, без всяких соглашений (например, язык жестов или действий) [Рид, 2000, с. 140–141]. Такой естественный, а не конвенциональный язык, должен быть информативным по природе, а не по соглашению и быть универсальным, чтобы быть понятным всем (многим). Соответственно, парадокс в понимании социокультурного происхождения языка можно назвать «парадоксом конвенциональности».

Для решения описанных парадоксов нам опять понадобится теория естественных знаков и реализм в теории познания. Еще Т. Рид отмечал, что в основе происхождения конвенционального языка лежат упомянутые выше «естественные знаки» и «естественный язык» (the language of nature) и чем более язык насыщен естественными знаками, тем более он экспрессивен и понятен [Рид, 2000, с. 140–142].

Исследованием того, что вещи как бы сами говорят за себя и живые существа способны использовать «язык вещей» и действий как основу коммуникации занимались многие философы прошлого – Гераклит, П. Флоренский, С.Н. Булгаков, М. Хайдеггер, А.Ф. Лосев, а также современные авторы – Р. Милликан, Д. Бар-Он и другие. Такой объектно-ориентированный подход получил развитие и в так называемых экологических подходах к языку и восприятию, в исследованиях ситуативности (situatedness) и индек-

сальности языковых значений, имеющих междисциплинарный характер. Подробнее см.: [Суховерхов, 2005; Суховерхов, 2014].

Согласно экологическому подходу, языковые значения имеют основания не только в самом языке (традициях его применения) или мышлении отдельного человека, но и в окружающей действительности, язык возникает (*emerges*) из актуальных ситуаций, в которой происходит речь [Garner, 2004, с. 42–43]. В связи с этим, представительница экологической психологии Э.С. Рид критикует теории, согласно которым язык обозначает идеи или ментальные репрезентации. По ее мнению, язык является частью действительности и действий, именно они создают объективные основания для взаимного понимания и координации совместных действий, а не врожденные знания языка [Reed, 1996, с. 154–155]. Поэтому для объяснения появления языка (помимо мышления и общества) мы должны добавить еще одного игрока – окружающую действительность, которая несет информацию, позволяет прояснять смыслы используемых знаков, создает скаффолдинг (*англ. scaffolding* – строительные леса) для действий и коммуникации. Говорит не только то, *чем* говорят и не только тот, *кто* говорит, но и то, *о чем* говорят.

В своей недавней работе исследовательница коммуникации Дорит Бар-Он показывает популярность в XXI в. прагматического подхода (*'pragmatics-first' approach*) в объяснении происхождения языка, который близок к экологическому подходу [Bar-On, 2021]. В объяснении перехода от сигналов животных к языку человека она отмечает значимую роль теории естественных знаков, предложенную Рут Милликан. Согласно ей, мы выводим информацию из сигналов коммуникации также, как мы это делаем из естественных знаков – опираясь на опыт и прагматический контекст [Millikan, 2006]. В связи с этим исследователи в области биологической антропологии Р.М. Зайфарт и Д.Л. Чейни отмечают: «Повсеместное распространение прагматики в сочетании с относительной редкостью семантики и синтаксиса предполагает, что по мере развития языка семантика и синтаксис строились на основе сложных прагматических выводов» [Seyfarth, Cheney, 2017, с. 340].

На определенном этапе развития языка, вероятно, сформировались местные «традиции» общения, что привело к социальному наследованию языка (средств общения) и навыков общения, формированию языковых правил и предписаний. Эти «языковые правила» стали социально распределенными и относительно независимыми от конкретных индивидов, которые порождают (поддерживают) язык. Как отмечали такие авторы как Э. де Кондильяк, Л.С. Выготский, а также сторонники «лингвистического детерминизма», язык в его распределенной и культурно воплощенной форме начинает выступать опорой для индивидуального и социального развития, основой для формирования и трансляции абстрактного и научного мышления [Суховерхов, 2015]. На этом этапе для понимания эволюции языка необходимо включить в модель его развития теорию социаль-

ной памяти и негенетических систем наследования [Данилова, Суховерхов, 2015].

Заключение: реализм vs конструктивизм

В.А. Лекторский в своих работах предлагает осуществить синтез конструктивизма и реализма в рамках «конструктивного реализма» [Лекторский, 2015]. Он отмечает, что конструирование реальности не исключает самой реальности. Стол сконструирован человеком, но он реален. Кроме того, разные субъекты (живые организмы) воспринимают стол по-разному, но разное восприятие не исключает стол, как основы восприятий. Действительно, понимание ощущений, восприятий и идей как знаков реальности не исключает самой реальности. «Языковая картина мира» не исключает сам мир. Многообразие форм репрезентации мира (мифологическое, художественное, философское, научное) не исключают существование репрезентируемой действительности. Тем не менее семиотический и гносеологический реализм должны допустить, что содержание познания определяется не только объектом познания, но и биологическим строением, целями и содержанием памяти субъекта познания или действия. С другой стороны, конструктивизм должен признать, что, например, эхолокация дельфина, направлена на выявление рельефа дна и поиска рыбы. «Картина мира» дельфина и эффективность его действий определяется не только дельфином, но и реальным рельефом дна и выявленным расположением рыбы.

В этом смысле можно говорить о двояком содержании информации и репрезентации, она и объектна и субъектна. Возможно, для решения этого парадоксального дуализма необходимо применить принцип комплементарности и принцип неопределенности, которые используются в квантовой физике, но при этом не исключать ведущую роль действительности и причинной детерминации в возникновении, развитии и эволюции живых систем и средств коммуникации.

Список литературы

- Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – Москва : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
- Данилова М.И., Суховерхов А.В. Природные основания происхождения культуры // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 109. – С. 608–623.
- Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. – Москва : Высшая школа, 1980. – 286 с.
- Колин К.К. Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. – 2005. – № 2. – С. 43–51.
- Кулешов А.В. Онтология возникновения информации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2015. – № 2. – С. 27–41.

- Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2015. – № 1(43). – С. 19–26.
- Лысак И.В. Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. – 2015. – № 2. – С. 9–26.
- Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. – Москва, 1999. – 672 с.
- Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – Санкт-Петербург, 2000. – 316, [2] с.
- Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. Санкт-Петербург, 2000. – 352 с.
- Суховерхов А.В. Лингвистический детерминизм, кумулятивная эволюция и рост научного знания // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2015. – №. 105. – С. 105–127.
- Суховерхов А.В. Природа знака как проблема теории познания : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Москва, 2005. – 174 с.
- Суховерхов А.В. Современные тенденции в развитии эколлингвистики // *Язык и культура*. – 2014. – № 3(27). – С. 166–175.
- Суховерхов А.В. Эволюционная теория: поиск новых парадигм // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2014. – № 101. – С. 1463–1486.
- Araki N. Chomsky's I-language and E-language // *Hiroshima Institute of Technology Research*. – 2017. – Vol. 51. – P. 17–24.
- Bar-On D. How to do things with nonwords: pragmatics, biosemantics, and origins of language in animal communication. // *Biology & Philosophy*. – 2021. – Vol. 36, N 6. – P. 1–25.
- Berwick R.C., Chomsky N. Why only us: Language and evolution. – Cambridge : MIT press, 2016. – 224 p.
- Brier S. The cybersemiotic model of communication: An evolutionary view on the threshold between semiosis and informational exchange // *tripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. – 2003. – Vol. 1, N 1. – P. 71–94.
- Chalmers D.J. Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. – Penguin, UK, 2022. – 544 p.
- Deely J. The Basics of Semiotics. – Bloomington : Indiana University Press, 1990. – 164 p.
- Different perspectives on nature of information: scientific, technical and sociocultural approaches / D. Yemelyanov, R. Conijn, D. DeWitt, A. Sukhoverkhov // *Философия и наука в условиях глобальных изменений*. – Краснодар, 2018. – С. 15–26.
- Everett D.L. Language: The cultural tool. – Vintage, 2012. – 368 p.
- Fischer B. Toward a constructivist epistemology: Johann Gottfried Herder and Humberto Maturana // *The European Legacy*. – 1997. – Vol. 2, N 2. – P. 304–308.
- Garner M. Language: An ecological view. – Bern : Peter Lang, 2004. – 260 p.
- Godfrey-Smith P. Information in biology // *The Cambridge companion to the philosophy of biology*. – 2007. – P. 103–119.
- Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. – Bloomington : Indiana University Press, 1979. – 332 p.
- Information and the nature of reality: from physics to metaphysics / Davies P., Gregersen N.H. (Eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 506 p.
- Litchfield G. Matter-Information Equivalence // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. – 2022. – Vol. 18, N 2. – P. 457–466.
- Mann S.F. Consequences of a functional account of information // *Review of Philosophy and Psychology*. – 2020. – Vol. 11, N3. – P. 669–687.
- Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Vol. 42. – Springer Science & Business Media, 1991. – 146 p.
- Millikan R. Varieties of meaning. The MIT Press. – Cambridge, 2006. – 254 p.

- Millikan R.G. Natural information, intentional signs and animal communication. // S. Ulrich (Ed.). *Animal communication theory: Information and influence*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – P. 133–146.
- Millikan R.G. *Beyond concepts: Unicepts, language, and natural information*. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 256 p.
- Mulvaney K. The search for the loneliest whale in the world // *The Guardian*. – 2021. – July 13. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/13/loneliest-whale-in-the-world-search>
- Nöth W. Protosemiotics and physicosemiosis // *Σημειωτική-Sign Systems Studies*. – 2001. – Vol. 29, N 1. – P. 13–26.
- Peirce C. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 5. – Cambridge : Belknap Press, 1935.
- Petrov P. Mixing signs and bones: John Deely's case for global semiosis // *Σημειωτική-Sign Systems Studies*. – 2013. – Vol. 41, N 4. – P. 404–423.
- Pinker S. *Language, cognition, and human nature: selected articles*. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 385 p.
- Reed E.S. *Encountering the world: toward an ecological psychology*. – New York : Oxford University Press, 1996. – 224 p.
- Seyfarth R.M., Cheney D.L. The origin of meaning in animal signals // *Animal Behaviour*. – 2017. – Vol. 124. – P. 339–346.
- Smith B. Why we still need knowledge of language // *Croatian Journal of Philosophy*. – 2006. – Vol. 6, N 18. – P. 431–457.
- Sukhoverkhov A.V., Gare A.E. Ontology and semiotics of memory // *Pathways to the Origin and Evolution of Meanings in the Universe*. – 2024. – C. 85–99.
- Teubert W. *Meaning, discourse and society*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 300 p.
- Tomasello M. *Origins of human communication*. – Cambridge, MA ; London, UK : MIT Press, 2008. – 408 p.
- Tønnessen M. Making the umwelt bubble of the modern synthesis burst // *Biosemiotics*. – 2021. – Vol. 14, N 1. – P. 121–125.
- Vedral V. *Decoding reality: the universe as quantum information*. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 229 p.
- von Uexküll J. *A foray into the worlds of animals and humans: with a theory of meaning* / Trans. J.D. O'Neil. – Minneapolis : The University of Minnesota Press, 2010. – 248 p.
- Vygotsky L.S., Luria A. Tool and Symbol in Child Development // R. Van Der Veer, J. Valsiner (Eds.). *The Vygotsky Reader* (pp. 99–175). – Oxford : Blackwell Publishers, 1994. – P. 99–175.
- Wheeler J.A. Information, physics, quantum: The search for links // *Complexity, Entropy, and the Physics of Information* / W.H. Zurek (Ed.). – Addison-Wesley, Redwood City, 2018. – P. 309–336.

Anton Sukhoverkhov¹

From ontology of sign and language to semiotic realism

Abstract. The article proposes a methodological «ontological turn» in the study of information, sign systems and language. It is shown that the semiotic theory went more along the path of gnoseological (cognitive, epistemological) analysis of the representational process, which led to the consideration of the sign as a product of the activity of an individual organism, a functional approach in the theory of information and meaning. The paper gives a ground for the substantial

¹ **Anton Sukhoverkhov**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia; sukhoverkhov.ksau@gmail.com

approach to information and in this regard reviews the theories of natural and virtual signs developed by T. Reid, R. Millikan, D. Deely, V. Noth and other researchers. Natural or indexical signs (signs causally related to the signified) are considered as the necessary basis for objective cognition, the condition for the origin of conventional language in the human community and the basis for constructing the theory of semiotic realism. D. Deely, V. Noth showed that signs can (virtually) exist before the appearance of life in the Universe and carry information, regardless of whether someone interprets them or not. For example, relic radiation, the remains of dinosaurs, both in the present and in the future, will be used as an inexhaustible source of information about past events. In this paper, the attention is also given to the studies that have shown how natural signs (indexality) and the built-in language in a pragmatic context, its correlation with reality are considered a necessary condition for the emergence of a conventional language.

Keywords: semiotic realism; natural signs; indexical signs; the origin of language; ecolinguistics; semiotics; biosemiotics.

For citation: Sukhoverkhov A.V. (2023). From ontology of sign and language to semiotic realism. METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 28–41. DOI: 10.31249/metod/23.02.04

References

- Abdeev, R.F. (1994). *Philosophy of information civilization*. VLADOS. (In Russ.)
- Araki, N. (2017). Chomsky's I-language and E-language. *Hiroshima Institute of Technology Research*, 51, 17–24.
- Bar-On, D. (2021). How to do things with nonwords: pragmatics, biosemantics, and origins of language in animal communication. *Biology & Philosophy*, 36(6), 1–25.
- Berwick, R.C., Chomsky, N. (2016). *Why only us: Language and evolution*. MIT press.
- Brier, S. (2003). The cybersemiotic model of communication: An evolutionary view on the threshold between semiosis and informational exchange. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 1(1), 71–94.
- Chalmers, D.J. (2022). *Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy*. Penguin UK.
- Colin, K.K. (2005). The Nature of Information and the Philosophical Foundations of Informatics. *Open Education*, 2, 43–51. (In Russ.)
- Daniilova, M.I., Sukhoverkhov, A.V. (2015). Natural foundations of the origin of culture. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 109, 608–623. (In Russ.)
- Davies, P., & Gregersen, N.H. (Eds.) (2014). *Information and the nature of reality: from physics to metaphysics*. Cambridge University Press.
- Deely, J. (1990). *The Basics of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Dubrovsky, D.I. (2005). *Information, consciousness, brain*. Higher school, 1980. (In Russ.)
- Everett, D.L. (2012). *Language: The cultural tool*. Vintage.
- Fischer, B. (1997). Toward a constructivist epistemology: Johann Gottfried Herder and Humberto Maturana. *The European Legacy*, 2(2), 304–308.
- Garner, M. *Language: An ecological view*. Peter Lang. 2004.
- Gibson, J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Bloomington: Indiana University Press.
- Godfrey-Smith, P. (2007). Information in biology. In *The Cambridge companion to the philosophy of biology*, (pp. 103–119). Cambridge University Press.
- Kuleshov, A.V. (2015). Ontology of the emergence of information. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, 2, 27–41.

- Lektorsky, V.A. (2015). Constructivism vs realism. *Epistemology & Philosophy of Science*, 1(43), 19–26. (In Russ.)
- Litchfield, G. (2022). Matter-Information Equivalence. *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*, 18(2), 457–466.
- Lysak, I.V. (2015). Information as a general scientific and philosophical concept: basic approaches to definition. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, 2, 9–26. (In Russ.)
- Mann, S.F. (2020). Consequences of a functional account of information. *Review of Philosophy and Psychology*, 11(3), 669–687.
- Maturana, H.R., & Varela, F.J. (1991). *Autopoiesis and cognition: The realization of the living* (Vol. 42). Springer Science & Business Media.
- Millikan, R. (2006). *Varieties of meaning*. The MIT Press.
- Millikan, R.G. (2013). Natural information, intentional signs and animal communication. In S. Ulrich (Ed.), *Animal communication theory: Information and influence* (pp. 133–146). Cambridge University Press.
- Millikan, R.G. (2017). *Beyond concepts: Unicepts, language, and natural information*. Oxford University Press.
- Mulvaney, K. (2021, July 13) The search for the loneliest whale in the world. The Guardian. Access mode: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/13/loneliest-whale-in-the-world-search>
- Nöth, W. (2001). Protosemiotics and physicosemiosis. *Σημειωτική-Sign Systems Studies*, 29(1), 13–26.
- Peirce, C. (1935). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 5. Cambridge: Belknap Press.
- Peirce, Ch.S. (1999). *Logical foundations of the theory of signs*. Moscow. (In Russ.)
- Peirce, Ch.S. (2000). *The Essentials of Pragmatism*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Petrov, P. (2013). Mixing signs and bones: John Deely's case for global semiosis. *Σημειωτική-Sign Systems Studies*, 41(4), 404–423.
- Petrushenko, L.A. (1971). *Self-movement of matter in the light of cybernetics*. Science. (In Russ.)
- Pinker, S. (2013) *Language, cognition, and human nature: selected articles*. Oxford University Press.
- Reed, E.S. (1996). *Encountering the world: toward an ecological psychology*. New York: Oxford University Press.
- Reid, T. (2000). *An inquiry into the human mind: on the principles of common sense*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Seyfarth, R.M., & Cheney, D.L. (2017). The origin of meaning in animal signals. *Animal Behaviour*, 124, 339–346.
- Smith, B. (2006). Why we still need knowledge of language. *Croatian Journal of Philosophy*, 6(18), 431–457.
- Sukhoverkhov, A.V., & Gare, A.E. (2024). Ontology and semiotics of memory. *Pathways to the Origin and Evolution of Meanings in the Universe*, 85–99.
- Sukhoverkhov, A.V. (2005). *The nature of the sign as a problem of the theory of knowledge*. Dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Moscow. (In Russ.)
- Sukhoverkhov, A.V. (2014). Evolutionary theory: the search for new paradigms. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, 101, 1463–1486. (In Russ.)
- Sukhoverkhov, A.V. (2014). Modern trends in the development of ecolinguistics. *Language and Culture*, 3(27), 166–175. (In Russ.)
- Sukhoverkhov, A.V. (2015). Linguistic determinism, cumulative evolution and the growth of scientific knowledge. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 105, 105–127. (In Russ.)
- Teubert, W. (2010). *Meaning, discourse and society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomasello, M. (2008). *Origins of human communication*. MIT Press.

- Tønnessen, M. (2021). Making the umwelt bubble of the modern synthesis burst. *Biosemiotics*, 14(1), 121–125.
- Vedral, V. (2018). *Decoding reality: the universe as quantum information*. Oxford University Press.
- Von Uexküll, J. (2010). *A foray into the worlds of animals and humans: with a theory of meaning*. Trans. J.D. O'Neil. Minneapolis: The University of Minnesota Press.
- Vygotsky, L.S., & Luria, A. (1994). Tool and Symbol in Child Development. In R. Van Der Veer, & J. Valsiner (Eds.). *The Vygotsky Reader* (pp. 99–175). Oxford: Blackwell Publishers.
- Wheeler, J.A. (2018). Information, physics, quantum: The search for links. In W.H. Zurek, (Ed.), *Complexity, Entropy, and the Physics of Information*, Addison-Wesley, Redwood City. 309–336.
- Yemelyanov, D., Conijn, R., DeWitt, D., & Sukhoverkhov, A.V. (2018). Different perspectives on nature of information: scientific, technical and sociocultural approaches. In *Philosophy and Science in the context of Global Changes* (pp. 15–26). Krasnodar.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДИСКУССИИ

DOI: 10.31249/metod/2023.02.05

Куль К., Чебанов С.В.¹

Произвольность, случайность и мотивированность в языке и семиотике²

Аннотация. Представляемая работа посвящена обсуждению ключевых представлений и терминов, используемых для описания отношения означающего и означаемого языковых знаков: произвольности, случайности, мотивированности, свободы, своеволия. Обращается особое внимание на то, что произвольность не исключает мотивированности или строгой упорядоченности – таким может быть произвол коммуникантов, которым и присущ произвол. Случайность же – это соответствие характера связи означающего и означаемого некоторому распределению вероятностей, независящее от воли коммуникантов.

Ключевые слова: произвольность; случайность; мотивированность; немотивированность; свобода, своеволие.

Для цитирования: Куль К., Чебанов С.В. Произвольность, случайность и мотивированность в языке и семиотике // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из общественных дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13. Т.3. № 2. – С. 42–46. – DOI: 10.31249/metod/23.02.05

В нашей недавней дискуссии [Куль 2022; Чебанов, 2022] остались недостаточно проясненными некоторые важные для семиотики понятия, связанные с соответствующей терминологией общей семиотики.

В *Cours de linguistique générale* Ф. де Соссюра как первый принцип утверждается [Saussure, 1995, p. 100], что «*Le lien unissant le signifiant au signifié est arbitraire*» («связь, объединяющая означающее и означаемое, произвольна»). Наименование его «первым принципом» ясно говорит о том, что он был критически важным для семиологии. Но что именно означает, что знак произволен (*arbitraire*, на английском *arbitrary*)?

¹ **Куль Калеви**, PhD, профессор биосемиотики, Тартуский университет, Тарту, Эстония; kalevi.kull@ut.ee; **Чебанов Сергей Викторович**, доктор филологических наук, профессор кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

² Исследование выполнено за счет гранта PRG314 и гранта Российского научного фонда № 22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» в ИНИОН РАН.

Ответ на этот вопрос касается двух слоев семантики – общеязыковой и профессиональной.

С общеязыковой точки зрения в английском языке *arbitrary* согласно словарю Merriam-Webster¹ имеет три значения, два из которых представлены двумя вариантами. Первый вариант первого значения связывает *arbitrary* со случайностью: «существующее или возникающее на первый взгляд случайно или наудачу или как капризный и безосновательный акт воли» (*existing or coming about seemingly at random or by chance or as a capricious and unreasonable act of will*).

Аналогичная ситуация существует и в русском языке: «Понятие “в произвольном порядке” означает, что элементы или явления располагаются без определенного порядка [...] элементы могут быть переставлены или выбраны случайным образом»². Подтверждает это и Национальный корпус русского языка, демонстрируя высокую частоту сближения произвольности и случайности, которая присутствует даже у выдающихся мыслителей и ученых (включая лингвистов)³.

Таким образом, в обоих языках существует сближение (вплоть до отождествления) произвольности и случайности, причем иногда оно осуществляется очень серьезными и глубокими мыслителями, причем профессионально работающими с языком. Поэтому такое отождествление оказывается обычным (но не обязательным) в профессиональном общении статистиков, математиков, ученых и инженеров разных специальностей и т.д.

Однако с «произвольностью» в русском языке существует еще одна проблема. Наиболее распространенный толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает два значения «произвольный»: «1. Ничем не стесняемый, свободный [...] 2. Основанный на произволе», при том, что произволу дается только два негативных значения: «1. Своеволие, самовластие. [...] 2. Необоснованность, отсутствие логичности»⁴. По сути, речь идет об энантиосемии, поскольку свобода и своеволие по своей природе противоположны.

Портал Грамота.ру эту энантиосемию раскрывает еще полнее, давая две основные трактовки (не считая третьей, относящейся к спорту) «произвольный»: «1. Ничем не стесняемый, свободный, производимый по собственному желанию [...] (неосновательный, не обязательный для данного

¹ <https://www.merriam-webster.com/dictionary/arbitrary>

² «Что означает в произвольном порядке» – <https://uchet-jkh.ru/i/cto-oznaczaet-v-proizvolnom-poryadke/>

³ Например у таких как Е.В. Рахилина, К.С. Аксаков, О.А. Шмеман, биосемиотик В.Ф. Турчин, А.Л. Чижевский, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Ю.Н. Тынянов, Ф.К. Сологуб, К.И. Чуковский, философы разных направлений Л.И. Аксельрод (Ортодокс), Н.И. Бухарин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, М. Мамардашвили (с отсылкой к Декарту), В.С. Соловьёв, Н.Н. Страхов, П.Н. Ткачëв, О.Г. Флоровский и т.д. (по корпусу <https://ruscorpora.ru/>)

⁴ https://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%9F*&pg=286&ind=N

случая, не убедительный). 2. Производимый самовольно, по своему усмотрению»¹, что еще более усиливается трактовкой производящего слова в отсылке к Большому толковому словарю: «ПРОИЗВОЛІ [...] 1. Собственный выбор, собственное желание. [...] 2. Своеволие, деспотизм [...] 3. Произвольность, необоснованность»².

«Произвольный», таким образом, оказывается связанным, прежде всего, с чем-то необязательным, нарушающим ход вещей, искажающим гармонию, но, вместе с тем, обнаруживающим свободу, что нарушает энантиосемантическую симметрию блага и порока. Однако эта симметрия восстанавливается, если взглянуть во внутреннюю форму слова и обратиться к этимологии.

Произвольный – это порождаемый волей, так что каковы личность человека, каковы его устремления, каков строй его внутреннего мира, таковыми будут и его волевые, произвольные действия: они могут быть глубокими и светлыми, а могут быть взбалмошными и придурковатыми; последние в сочетании с властью сделают из человека тирана.

Такая трактовка произвольности допускается языком, так что, следуя ей, получив задание расположить в произвольном порядке числа или слова, конкретный испытуемый может расположить их в идеальном порядке, следуя положению этих чисел на числовой оси, а слов – в алфавитном порядке и это будет произвольный порядок, который будет наиболее полным выражением свободы для данного человека в его текущем состоянии. Однако такое расположение может отвергаться интервьюером как не произвольное.

Таково положение с произвольностью в общезыковой семантике. Если же обратиться теперь к семиотике, то обнаруживается следующее.

Знак как знаковый процесс или семиозис имеет две стороны: (1) замысел при порождении и (2) интерпретацию при рецепции, которые осуществляются участниками семиотического взаимодействия, в том числе, живыми существами (что рассматривается в биосемиотике).

Организмы, насколько они свободны в своем выборе, могут свободно подбирать что-то в пространстве, в котором они действуют. Сказать «свободно» синонимично означает «произвольно». Это означает, что в рамках (*sic!*) свободного выбора можно выбрать любое, любое без особых ограничений. Но это то же самое, что случайно? На первый взгляд может показаться, что это одно и то же, однако между ними есть глубокая разница.

Скажем, выбирать елочку на какой-то площадке можно и произвольно, и случайно. Для того чтобы это делать случайно, нам нужна процедура рандомизации, обеспечивающая случайность понимаемую как рав-

¹ <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=all>

² [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%BB&mode=slovare&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%BB&mode=slovare&dicts[]=42)

новероятность (или соответствие какому-то другому распределению вероятности), как это делается, например, в геоботанических исследованиях. Если же такой процедуры нет, то выбор произволен. В случае произвольного выбора действительно присутствуют разные, как внешние так и внутренние обстоятельства, в том числе мотивированность (например, «чтобы жене понравилось»). Это будет произвольность со стороны агента, осуществляющего выбор между возможными вариантами.

Когда получатель сообщения что-то интерпретирует, то, несмотря на (или же, благодаря) свободу интерпретации, возникающая связь и придаваемый смысл произвольны, поскольку, в принципе, все ощущаемое может быть связано (ассоциировано) с тем, что запомнилось, вообразилось или ощущалось. Однако при такой свободе выбора связь, которая будет произвольно установлена, будет зависеть от многих аспектов – от контекста, опыта, памяти, потребностей; поэтому связь, которая будет создана, не случайна, а при том, что хотя она в определенной степени и свободна, она в некоторой степени мотивирована. Эта мотивированность и делает выбор произвольным.

Таким образом, разница между случайностью и произвольностью заключается в следующем: произвольность зависит от мотивации, а случайность – нет. Мотивация – это особенность партиципантов, агентов. Соответственно, произвольность характеризует агентов. Произвольность, тем самым, всегда исходит от агента (так как она требует выбора), а случайность агента не требует. При этом если произвольность является существенным свойством семиозиса, то случайность всегда внешняя по отношению к семиозису.

Важно также обратить внимание на взаимоотношение произвольности и мотивированностью. Произвольность и мотивированность (выбора, интерпретации, отношения) не противоположны (хотя это часто именно так принимается, во всяком случае во французском, английском, русском), а всегда неразрывно связаны вместе в семиозисе. Следует отметить что здесь наше понимание в определенном плане не совсем соответствует тому, что имеется в «Курсе общей лингвистики» у Соссюра. В «Курсе» часто произвольность и мотивированность понимаются как оппозиция, в то время как мотивированность является составляющей произвольного выбора (см. также: Куль, 2023).

Список литературы

- Куль К. Целью расширенного синтеза является включение семиозиса // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин : ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН, РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – Москва, 2022. – Вып. 12, Т. 2, № 3. – С. 10–26. – DOI: 10.31249/metodquarterly/02.03.01
- Чебанов С.В. Эрос неохватного. О статье Калеви Кулля «Целью расширенного синтеза является включение семиозиса» // МЕТОД : московский ежеквартальник трудов из

- обществоведческих дисциплин : ежеквартал. науч. изд. / под ред. М.В. Ильина ; ИНИОН, РАН, центр перспект. методологий соц.-гуманит. исследований. – Москва, 2022. – Вып. 12, Т. 2, № 3. – С. 27–45. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.03.02
- Kull K. 2023. Freedom in living beings: Arbitrariness and the forms of semiotic indeterminacy // Biglari, Amir (ed.) *Open Semiotics*. – Paris : L'Harmattan, 2023. – Vol. 4 : *Life and its Extensions*. – P. 81–97.
- Saussure F. de. *Cours de linguistique générale* / Préf. et éd. de Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration d'Albert Riedlinger ; éd. critique préparée par Tullio De Mauro. – Paris : Payot, 1995. – 1030 p.

Kalevi Kull, Sergey Chebanov¹
Arbitrariness, chance and motivation in language and semiotics²

Abstract. The presented work is devoted to a discussion of the key concepts and terms used to describe the relationship between the signifier and the signified of linguistic signs: arbitrariness, random, motivation, freedom, self-will. Particular attention is paid to the fact that arbitrariness does not exclude motivation or strict orderliness – this can be the arbitrariness of communicants, who are inherent in arbitrariness. Randomness is the correspondence of the nature of the connection between the signifier and the signified to a certain probability distribution, independent of the will of the communicants.

Keywords: arbitrariness; random; motivation; motivelessness; freedom; self-will.

For citation: Kull K., Chebanov S.V. (2023) Arbitrariness, chance and motivation in language and semiotics. *METHOD. Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION*. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 42–46. DOI: 10.31249/metod/2023.02.05

References

- Chebanov, S.V. (2022). Eros of a non-encompassed. About Kalevi Kull's article “The aim of the extended synthesis is to include semiosis.” *METHOD: Moscow Quarterly of Social Studies*, 2(3), 27–45. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.03.02 (In Russ.)
- Kull, K. (2022). The aim of the extended synthesis is to include semiosis. *METHOD: Moscow Quarterly of Social Studies*, 2(3), 10–26. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.03.01 (In Russ.)
- Kull, K. (2023). Freedom in living beings: Arbitrariness and the forms of semiotic indeterminacy. In: Biglari, Amir (Ed.), *Open Semiotics*, vol. 4: *Life and its Extensions*. L'Harmattan, 81–97.
- Saussure, F. de (1995 [1916]). *Cours de linguistique générale*. (Préf. et éd. de Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration d'Albert Riedlinger; éd. critique préparée par Tullio De Mauro.) Payot.

¹ **Kull Kalevi**, PhD, Professor, Department of Semiotics, University of Tartu, Tartu, Estonia, kalevi.kull@ut.ee; **Chebanov Sergey**, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mathematical Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University; s.chebanov@gmail.com , s.chebanov@spbu.ru

² Research supported by grant PRG314 and grant No. 22-18-00383 of the Russian Science Foundation “Interdisciplinary methodological foundations of extended evolutionary synthesis in the sciences of life and society” at INION RAN.

Кузнецова В.В.¹

**К вопросу о произвольности, случайности
и (не)мотивированности языкового знака²**

Отклик на ст. Куль К., Чебанов С. Произвольность, случайность и мотивированность в языке и семиотике

Аннотация. В отклике обсуждается вопрос корректности перевода французского термина *arbitraire* на русский язык, а также дается возможная интерпретация проблемы произвольности языкового знака в контексте русской религиозно-философской мысли, возникшей в период Серебряного века и получившей название «философия имени».

Ключевые слова: произвольность; случайность; мотивированность; немотивированность; философия имени.

Для цитирования: Кузнецова В.В. К вопросу о произвольности, случайности и (не)мотивированности языкового знака // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 47–52. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.06

Разнообразие переводов на русский язык французского термина *arbitraire*, с одной стороны, вносит значительную путаницу в понимание самого французского термина – того его узкого значения, в котором он был использован в «*Cours de linguistique générale*» [Saussure, 1995]. С другой же стороны, русскоязычная терминологическая ситуация не только может предлагать довольно широкое поле для интерпретаций самого «*Cours...*», но и позволяет выстраивать собственные, специфические для русскоязычного пространства теории произвольности/случайности/(не)мотивированности языкового знака.

¹ Кузнецова Вера Владиславовна, студентка кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; st099991@student.spbu.ru

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» в ИНИОН РАН.

С общеязыковой точки зрения, слово *arbitraire* во французском языке может быть как существительным, так и прилагательным, причем значения слова будут варьироваться в зависимости от того, какой частью речи оно является. Слово *arbitraire* как прилагательное имеет два значения (согласно самому распространенному толковому словарю широкого пользования Larousse [Larousse, s.a.]):

1. *Qui résulte d'un libre choix et ne répond à aucune nécessité logique!* Тот, который является результатом свободного выбора и не отвечает какой-либо логической необходимости.

В качестве синонимов к первому значению даются следующие слова: *artificiel* (искусственный, рукотворный, неестественный, фальшивый) – *fantaisiste* (фантастичный, причудливый, воображаемый) – *gratuit* (бесплатный, безвозмездный, даровый, беспричинный) – *immotivé* (немотивированный) – *injustifi* (неоправданный, причем в юридическом смысле). Если резюмировать объем первого значения, то на первый план выходит сема беспричинности, безосновательности, беспочвенности, неаргументированности и, что крайне важно, предельной индивидуальности (основательность, наличие убедительных доводов будут выступать как результат общепринятости, нормированности, справедливости не в конкретном индивидуальном прецеденте, но *вообще*).

2. *Qui dépend de la volonté, du bon plaisir de quelqu'un et intervient en violation de la loi ou de la justice!* То, что зависит от воли, своеволия кого-либо и нарушает закон или противоречит нормам справедливости.

Синонимами второго значения выступают следующие слова: *despotique* (деспотичный) – *injuste* (несправедливый) – *tyrannique* (тиранический). Во втором своем значении слово *arbitraire* «обрастает» социально-юридическими коннотациями и «высвечивает» сему самовластия, произвола, самодурства, самовольности, самочинности, самоуправства.

Во французско-русском словаре К.А. Ганшиной [Ганшина, 1977, с. 58] дан следующий список значений, в целом укладывающийся в приведенные выше определения: произвольный, самоуправимый, беззаконный. Однако акцент сделан именно на социально-юридических коннотациях слова *arbitraire*.

Исходя из охарактеризованного выше объема значения слова *arbitraire*, его перевод на русский язык словом «случайный» не вполне адекватен. Однако если проследить семантические отношения слов «случайность» и «произвольность» в русском языке (как это было сделано в статье К. Кулля и С. Чебанова [Кулль, Чебанов, наст. изд.]), можно заключить, что эти два слова, с одной стороны, представляют собой сближенную по значению синонимическую пару, а с другой стороны, могут выступать как семантическая оппозиция: «...произвольность зависит от мотивации, а случайность – нет» [Кулль, Чебанов, наст. изд.]. С этой точки зрения, более адекватным переводом на русский язык слова *arbitraire* (в первом значении) может быть прилагательное «случайный», а во втором

значении – «произвольный», но при условии, что объем значения прилагательного «произвольный» будет ограничен коннотациями социально-юридического характера (беззаконный, тиранический и т.д.).

Если же обращаться к специфике использования термина *arbitraire* в «Cours...» [Saussure, 1995], в котором произвольность и мотивированность понимаются как оппозиция, то можно предположить, что перевод термина должен варьироваться в зависимости от того, о чем идет речь – о языке (*langue*) или же о речи (*langage*). Языковой знак, понимаемый как единица системы языка, не может быть произвольным, он не мотивирован, но языковой знак, используемый говорящим непосредственно в живой речи, т.е. как компонент речи, произволен, «смутно» мотивирован (как результат свободного, *волевого* выбора).

Кроме того, слово «произвольность», понимаемое в русском языке в том числе и как самовластие, беззаконие, самочинность (т.е. в значении: нарушение чина, самовольность), своеволие (исходя из этимологии), может приобретать и религиозные коннотации: произвольно данное имя (слово) – это имя, данное человеком самовластно, т.е. «без участия Бога». В этом случае возникает довольно интересная семантическая оппозиция случайности – произвольности: произвольное имя – неподлинное¹ имя, тогда как случайное имя, наоборот, – подлинное имя, ибо «случай» в данном контексте оказывается синонимичен «чуду», в том числе и «Божьему чуду» (эта проблема обсуждается также в работах Дж. Хота «Бог после Дарвина. Богословие эволюции» [Хот, 2011] и С.В. Чебанова [Чебанов, 2011, с. 624]).

Случайность может пониматься также и с математической точки зрения: случайность – это такая непредсказуемость, при которой можно оценить возможность события через его вероятность, при этом вероятность есть предел частоты событий. В данном контексте оказываются важными скорее общелитературные значения слов «случайность», «случай», включающие в себя и коннотации судьбы, божественного вмешательства, чуда и т.д., и коннотации бессилия, безволия человека в ситуации, и коннотации «рандомного» выбора (ср. англ. «randomness» – «chance» – «accident»). В данном контексте проблема произвольности/случайности/(не)мотивированности языкового знака может быть интерпретирована через призму философии имени, в частности – работ А.Ф. Лосева «Философия имени» [Лосев, 1993а] и «Вещь и имя» [Лосев, 1993б].

Прежде чем говорить собственно об имени, необходимо дать разграничение понятий «смысл» и «значение» (данное разграничение в целом укладывается в то, которое было дано Г. Фреге в статье «О смысле и зна-

¹ Понятия подлинности/ неподлинности не вполне адекватны в данном контексте (см. этимология слова «подлинный» — <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BF/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>), более точным будет термин «сущностное/ несущностное имя» (подробнее об этом см. ниже).

чений» [Фреге, 2000]): значение есть результат логического осмысления вещи, т.е. значение равно объекту как аналитическому «конструкту», построенному на основе физиологически воспринятой вещи, тогда как смысл, порожденный либо произвольно (самовластно), либо случайно, есть иррациональное «соприкосновение» с вещью, т.е. данность вещи в индивидуальной для человека ситуации. Лосев рассматривает категорию имени как нечто, не тождественное звуку («фонеме», «физической энергии»): «имя – тоже есть смысл¹» [Лосев, 1993б, с. 816], т.е. имя называет, прежде всего, смысл вещи, ее сущность. Подобное понимание имени позволяет предположить, что не всякое слово является именем, так как не всякое слово обладает смыслом ровно в той степени, в какой оно называет вещь, т.е. «сущностность» слова будет зависеть от того, как человек использует имя для номинации вещи – произвольно или случайно. Случайное имя как «сущностное» имя есть результат несамовластной номинации вещи, номинации, которая «укладывается» в некий Божественный порядок вещей: значение (=объект) совпадает со смыслом (=вещью)².

«Не ищите реальности только в безымянном, бессловесном и хаотическом» [Лосев, 1993а, с. 622]. Лосев критикует рационалистически-субъективистический подход к вещи, согласно которому реальность вещи есть ее необдуманность, непереуменность ее в разум, «ее одинокое и бессмысленное существование» [Лосев, 1993а, с. 622]. По Лосеву, вещь, названная *сущностным* именем, не превращается в объект, она остается вещью (объект как названная сущностным именем вещь есть сама вещь). Сущностное имя, таким образом, есть скелет, стержень «тела» слова, а переводя на язык лингвистики, есть онтологическая связь между означающим и означаемым знака, выражаемая в совпадении значения и смысла слова.

Таким образом, в русском языке терминологическая ситуация со словами «произвольный» и «случайный» усложняется контекстно возникающей энантиосемией этих слов: и «произвольный», и «случайный» потенциально содержат в себе возможность быть синонимами как понятия «мотивированность», так и понятия «немотивированность», которые – при интерпретации через призму философии имени А.Ф. Лосева – выражаются в категориях «сущностность» и «несущностность».

¹ Лосев настаивает на том, что смысл есть не всегда «интеллектуальный смысл»: «Смысл – это бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и над-логическому» [Лосев, 1993б, с. 816]; можно предположить, что это «движение по лестнице» в категориях лингвистики будет выражаться «движением» от смысла к значению.

² «Имя вещи есть сама вещь, но вещь не есть имя» [Лосев, 1993б, с. 810].

Список литературы

- Ганшина К.А. Французско-русский словарь. – Москва : Русский язык, 1977. – 912 с.
- Куль К., Чебанов С. Произвольность, случайность и мотивированность в языке и семиотике. – Наст. изд.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Бытие. Имя. Космос. — Москва : Мысль, 1993а. – С. 613–801.
- Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие. Имя. Космос. – Москва : Мысль, 1993б. – С. 802–880.
- Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. – Москва : Аспект пресс, 2000. – С. 230–247.
- Хот Дж. Бог после Дарвина. Богословие эволюции. – Москва : ББИ, 2011. – XII, 236 с.
- Чебанов С.В. Метафизика будущего и селекционный рандомизм. Джон Хот. Бог после Дарвина. Богословие эволюции / пер. с англ. Л. Ковтун ; под ред. А. Лысакова, П. Лебедева. – Москва : ББИ, 2011. – XII + 236 с. – (Богословие и наука). – Страницы: богословие, культура, образование, 2011 т. 15 № 4 с. 621–630.
- Larousse [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/arbitraire/4951> s.a. (дата обращения: 21.12.2023).
- Saussure, Ferdinand de. *Cours de linguistique générale* / Préf. et éd. de Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration d'Albert Riedlinger ; éd. critique préparée par Tullio De Mauro. – Paris : Payot, 1995[1916]. – 235 p.

Vera Kuznetsova¹

On the issue of arbitrariness, randomness and (un)motivation of a linguistic sign

Abstract. The article discusses the issue of the correct translation of the French term *arbitraire* into Russian, and also provides a possible interpretation of the problem of the arbitrariness of a linguistic sign in the context of Russian religious and philosophical thought, which arose during the Silver Age and was called the “Philosophy of the Name.”

Keywords: arbitrariness; randomness; motivation; unmotivation; Philosophy of the Name.

For citation: Kuznetsova V.V. (2023) On the issue of arbitrariness, randomness and (un)motivation of a linguistic sign // METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 47–52. DOI:10.31249/method/23.02.06

References

- Chebanov, S.V. (2011). Metaphysics of the future and selection randomness. John Hot. God after Darwin. Theology of evolution. *Pages: theology, culture, education, (15)4*, 621–630. (In Russ.)
- Frege, G. (2000). On sense and significance. In *Logic and logical semantics* (pp. 230–247). Aspect Press. (In Russ.)
- Ganshina, K.A. (1977). *French-Russian dictionary*. Russian language. (In Russ.)
- Hot, J. (2011). *God after Darwin*. Theology of evolution, vol. 12. BBI. (In Russ.)
- Kull, K., Chebanov, S. (2023). Arbitrariness, chance and motivation in language and semiotics. *METHOD: Moscow Quarterly of Social Studies*, [this issue] (In Russ.)

¹ **Kuznetsova Vera**, student of the Department of History of Foreign Literatures, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; st099991@student.spbu.ru

- Larousse (n.d.). *Larousse dictionary*. Retrieved April 13, 2024, from <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/arbitraire/4951>
- Losev, A.F. (1993b). Thing and name // In *Genesis. Name. Space* (pp. 802–880). Mysl. (In Russ.)
- Losev, A.F. (1993a). Philosophy of the name. In *Genesis. Name. Space* (pp. 613–801). Mysl. (In Russ.)
- Saussure, F. de. (1995 [1916]). *Cours de linguistique générale*. (Préf. et éd. de Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration d'Albert Riedlinger; éd. critique préparée par Tullio De Mauro.) Payot.

ЗНАКИ В СЕМИОЗИСЕ

DOI: 10.31249/metod/2023.02.07

От редакции.

Вводный комментарий к рукописной записи Пирса 1907 года¹

Для цитирования: От редакции. Вводный комментарий к рукописи записи Пирса 1907 года // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 53–55. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.07

Публикуемый здесь текст Чарльза Пирса – это выдержки из так называемой рукописи MS 318. Рукопись датируется 1907 годом и содержит пять перемешанных между собой черновых вариантов статьи «Прагматизм» (Pragmatism), которую автор собирался направить в журнал *The Nation* в форме письма редактору [Robin, 1967; Peirce, 1998, p. 398].

Рукопись распадается на набор фрагментов, которые не складываются в один целостный вариант текста. Уже предпринимались, однако, попытки тем или иным образом скомпилировать и опубликовать эти отрывки. Частично рукопись вошла в первый и пятый тома *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* (CP 1.560-562, 5.11-13, 5.464-496) [Peirce, 1931]. Кроме того, еще два реконструированных варианта статьи были опубликованы во втором томе издания *Essential Peirce* (EP 2:398-433) [Peirce, 1998]. Доступ к рукописи в ее оригинальном рассыпанном виде можно получить в онлайн-архиве Библиотеки Хоутона Гарвардского университета [Peirce, 1907].

В той форме, в которой выдержки из рукописи MS 318 представлены здесь, они ранее ни на английском, ни на русском языке не публиковались. Предложенная компиляция позволяет составить представление о фундаментальных категориях пирсовской философии, феноменологии и семиотики.

¹ Перевод фрагментов рукописи Пирса (перевод Т.А. Корнев, науч. ред И.В. Фомин) выполнен в рамках проекта «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» № 22-18-00383 при финансовой поддержке РФФ в ИНИОН РАН.

В текст включены фрагменты, в которых Пирс дает одно из своих объяснений сути прагматизма и представляет основы своей концепции «кайнопифагорейских» феноменологических категорий – *первичности*, *вторичности* и *третичности* (firstness, secondness, thirdness). Пирс также показывает, как на основе этой концепции может быть предложено понимание семиозиса как трехстороннего «взаимодействия» (coöperation) между знаковым средством, интерпретантом и объектом.

Важно также обратить внимание на то, что Пирс в этом тексте ведет речь не только о полноценных триадичных формах семиозиса, но и формулирует элементы концепции «квазизнаков». Эта концепция, как и вообще рассуждения Пирса об обнаруживаемой даже у микроорганизмов семиотической способности и присущих им формах «интеллекта», «пусть даже и самого низкого порядка», особенно актуальна для современной семиотики. Именно из этих идей Пирса во многом вырастают активно развивающиеся сегодня биосемиотические концепции протосемиозиса и тардосемиозиса [см.: Фомин, 2023].

Особенно значим в этом плане фрагмент, посвященный пирсовской классификации интерпретантов. Из категорий первичности, вторичности и третичности Пирс выводит три вида эффектов, производимых знаком. Он различает, соответственно, первичный *эмоциональный интерпретант* (вызываемое знака чувство (feeling)), вторичный *энергетический интерпретант* (побуждаемое знаком усилие (effort)) и третичный *логический интерпретант* (производимое знаком изменение привычки (habit-change)).

Вообще, понятие *привычки* занимает в философии и феноменологии Пирса одно из центральных мест. Согласно рассуждениям, которые можно найти в рукописи MS 318, смысл интеллектуальных концептов определяется именно как *привычное поведение* (habitual behaviour) в условном наклонении будущего времени (would-do). Иными словами, смысл предикации того или иного интеллектуального концепта состоит в утверждении, что «при всех мыслимых обстоятельствах определенного рода» субъект предикации будет вести себя определенным привычным образом. Именно в этом состоит одно из главных положений пирсовского прагматизма.

Список литературы

- Фомин, И.В. Семиотическая причинность как порождение знаков. О десяти видах интерпретантов // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 68–94. – DOI: 10.31249/method/2023.02.09
- Peirce C.S. The collected papers of Charles S. Peirce : 8 vols. / ed. Hartshorne C., Weiss P., Burks A.W. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1931.
- Peirce C.S. The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Volume 2. 1893–1913 / ed. Peirce Edition Project et al. – Bloomington : Indiana University Press, 1998. – xxxviii, 584 p.

Peirce C.S.S. *Pragmatism* [MS 318] // Houghton Library. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1907. – URL: <https://nrs.lib.harvard.edu/urn-3:fhcl.hough:12486126>
Robin R.S. *Annotated catalogue of the papers of Charles S. Peirce*. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1967. – 268 p.

From the editor.
Introductory commentary on Peirce's 1907 handwritten note

For citation.: From the editor. (2023) Introductory commentary on Peirce's 1907 handwritten note. *METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION*. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 53–55. DOI: 10.31249/metod/2023.02.07

References

- Fomin, I.V. (2023). Semiotic causality as the generation of signs. About ten types of interpretants. *METHOD: Moscow Quarterly of Social Studies*, 3, 2. P. 68–94. – DOI: 10.31249/method/2023.02.09 (In Russ.)
- Peirce, C.S. (1907). *Pragmatism* [MS 318]. Houghton Library, Harvard University. <https://nrs.lib.harvard.edu/urn-3:fhcl.hough:12486126>
- Peirce, C.S. (1931). *The collected papers of Charles S. Peirce* (C. Hartshorne, P. Weiss, and A. W. Burks, Eds.). Harvard University Press.
- Peirce, C.S. (1998). *The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893–1913)*. Indiana University Press.
- Robin, R.S. (1967). *Annotated catalogue of the papers of Charles S. Peirce*. University of Massachusetts Press.

Пирс Ч.С.

**Заметки о знаках, семиозисе, внешнем и внутреннем мире
из рукописи «Прагматизм» (1907)**

Аннотация. Публикуется текст Чарльза Пирса, представляющий собой выдержки из так называемой рукописи MS 318. Рукопись датируется 1907 годом и содержит пять перемешанных между собой черновых вариантов статьи «Прагматизм» (Pragmatism), которую автор собирался направить в журнал The Nation в форме письма редактору.

Ключевые слова: Прагматики; прагматизм; прагматизицизм; семиотика; знаки; семиозис; Пирс.

Для цитирования: Пирс Ч.С. Заметки о знаках, семиозисе, внешнем и внутреннем мире из рукописи «Прагматизм» (1907) // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из общественно-научных дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 56–67. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.08

5.464. Настало время объяснить, что такое прагматизм. [...] [П]рагматизм сам по себе не является ни доктриной метафизики, ни попыткой определить какую-либо истину вещей. Это всего лишь метод выяснения значений трудных слов и абстрактных понятий. Все прагматики всех мастей сердечно согласятся с этим заявлением. Что касается скрытых и косвенных последствий практики прагматического метода — это совсем другое дело.

465. Более того, все прагматики согласятся, что их метод установления значения слов и понятий есть не что иное, как тот экспериментальный метод, с помощью которого все успешные науки (в число которых никто в здравом уме не включил бы метафизику) достигли той степени уверенности, которая им по отдельности свойственна сегодня; этот экспериментальный метод сам по себе является не чем иным, как частным применением старого логического правила: «По плодам их узнаете их».

466. Помимо этих двух положений, с которыми прагматики согласны, **без исключений**, мы находим такие незначительные расхождения между взглядами одного и другого признанного последователя, которые можно найти в каждой здоровой и энергичной школе мысли каждой области исследований. [...]

467. Я понимаю прагматизм как метод установления значений не всех идей, а только того, что я называю «интеллектуальными понятиями»,

то есть тех, от структуры которых могут зависеть аргументы, касающиеся объективных фактов. Если бы свет, который при нынешних обстоятельствах пробуждает в нас ощущение синего цвета, всегда пробуждал бы ощущение красного, и наоборот, как бы велика ни была разница в наших чувствах, он не мог бы ничего изменить в силе каких-либо аргументов. В этом отношении свойства жесткого (также «твердого», hard) и мягкого цветов разительно контрастируют с качествами красного и синего; потому что, хотя красный и синий обозначают лишь субъективные чувства, твердый и мягкий выражают фактическое поведение вещи под давлением острия ножа. (Я использую слово «твердый» в его строгом минералогическом смысле: «выдержал бы лезвие ножа».) Мой прагматизм, не имеющий ничего общего с качествами чувства, позволяет мне считать, что предание такого качества – это именно то, что кажется, и не имеет ничего общего ни с чем другим. Следовательно, если бы два качества чувств можно было повсюду поменять местами, это не могло бы повлиять ни на что, кроме чувств. Эти качества не имеют никакого внутреннего значения, кроме самих себя. Однако интеллектуальные понятия – единственные знаковые обременения, которые правильно называются «концепциями», – по существу несут в себе некоторый смысл, касающийся общего поведения либо какого-то сознательного существа, либо какого-то неодушевленного объекта, и, таким образом, передают больше, а не просто какое-либо чувство. Но и больше, чем какой-либо экзистенциальный факт, а именно, «будущие действия», «будущие поступки» привычного поведения; и никакая совокупность реальных событий никогда не сможет полностью заполнить значение слова «будущего как такового». Но [прагматизм утверждает], что весь смысл предикации интеллектуального понятия заключается в утверждении, что при всех мыслимых обстоятельствах данного рода (или при той или иной более или менее неопределенной части случаев их осуществления, если бы предикация была модальной), субъект предикации вел бы себя определенным общим образом, т.е. он был бы истинным при данных эмпирических обстоятельствах (или при более или менее определенно установленной их пропорции, взятой в том виде, в каком они возникнут). это в том же порядке последовательности, в опыте).

468. Самым важным принципом, совершенно бесспорно, окажется это «ядро прагматизма», заключающееся в том, что весь смысл интеллектуального предиката состоит в том, что определенные виды событий могут происходить, время от времени, в ходе опыта, под влиянием определенных видов экзистенциальных условий – при условии, что их истинность может быть доказана. [...]

К сожалению, [...] все реальные доказательства прагматизма, которые я знаю – и, я почти не сомневаюсь, все, что нужно знать, – требуют столь же пристального и кропотливого напряжения внимания, как и любя, кроме самой трудной из математических теорем, при этом они добавляют к этому все те трудности логического анализа, которые заставляют

математика продвигаться с чрезвычайной осторожностью, если не боязливо. Но зрелое размышление привело меня к пониманию того, что, хотя эти обстоятельства сделали бы задачу совершенно безнадежной, такой, которую я никогда не мечтал взять на себя, задачей убедить читателей литературного журнала любым честным аргументом в истинности прагматизма и, следовательно, не позволяющей передать им идею этого метода, которая есть у опытного прагматика, но идею, полностью удовлетворяющую желание читателя, состоящую в том, чтобы дать ему возможность поместить прагматизм и его концепции в область его собственного мышления и примерно показать, как его концепции связаны с известными понятиями [могут быть даны].

Валентность понятий

469. Итак, я начинаю с первой идеи, на которую мне кажется желательным обратить ваше внимание. Каждому знакомо полезное, хотя и изменчивое и относительное различие материи и формы; и поразительно верно, что различия и классификации, основанные на форме, за очень редкими исключениями, более важны для научного понимания поведения вещей, чем различия и классификации, основанные на материи. Классификация химических элементов Менделеева, с которой в наши дни знакомы все образованные люди, дает яркую иллюстрацию этого, поскольку различия между тем, что он называет «группами», то есть различными вертикальными столбцами его таблицы, состоит в том, что элементы одной такой «группы» вступают в разные формы соединения с водородом и с кислородом из элементов другой группы; или, как мы обычно говорим, их валентности различаются; в то время как различия между тем, что он называет «периодами», то есть различными горизонтальными рядами таблицы, состоят в менее формальном, более материальном обстоятельстве, которое имеют их атомы, элементы одного «периода» – большей массы, чем элементы другого. Теперь каждый, кто хоть немного знаком с химией, знает, что, хотя элементы в разных горизонтальных рядах, но в одном и том же вертикальном столбце, всегда обнаруживают определенные заметные физические различия, их химическое поведение при соответствующих температурах весьма похоже; и все основные различия химического поведения между различными элементами обусловлены их принадлежностью к разным вертикальным столбцам таблицы.

5.469. Эта иллюстрация имеет гораздо большее отношение к прагматизму, чем кажется на первый взгляд; поскольку мои исследования логики родственных связей вне всякого здравого сомнения показали, что в одном отношении комбинации понятий обнаруживают замечательную аналогию с химическими комбинациями; каждое понятие имеет строгую валентность. (Это следует понимать в том смысле, что из нескольких форм

выражения, которые логически эквивалентны, та или те, чья аналитическая точность меньше всего подвергается сомнению из-за введения отношения совместного тождества, следует закону валентности.) Таким образом, сказуемое «синий» одновалентно, предикат «убивает» бивалентно (поскольку прямое и косвенное дополнения являются, если оставить в стороне грамматику, такими же субъектами, как и именительный падеж субъекта); предикат «дает» тривалентен, так как А отдает В С и т.д. Как валентность в химии носит атомарный характер, так и неразложимые понятия могут быть двухвалентными или трехвалентными. В самом деле, при тщательном соблюдении определений будет выглядеть трюизмом утверждение, что никакое соединение одновалентных и двухвалентных понятий само по себе не может быть тривалентным, хотя соединение любого понятия с тривалентным понятием может по своему усмотрению иметь большую или меньшую на единицу валентность, чем предыдущее понятие. Менее очевидным, но показательным является тот факт, что ни одно неразложимое понятие не имеет более высокой валентности. Среди моих статей есть фактический анализ гораздо большего числа, чем я хотел бы упоминать. Они по большей части более сложны, чем можно было бы предположить. Таким образом, отношение между четырьмя связями несимметричного атома углерода состоит из двадцати четырех тройственных отношений. Тщательный анализ показывает, что трем степеням валентности неразложимых понятий соответствуют три класса признаков или предикатов. Во-первых, существуют «первоначальности», или положительные внутренние свойства субъекта самого по себе; во-вторых, идут «второстепенности», или грубые действия одного субъекта или вещества на другой, независимо от закона или любого третьего субъекта; в-третьих, «третьестепенности», или ментальное или квазиментальное влияние одного субъекта на другого относительно третьего. Поскольку доказательство этого положения слишком жестко для инфантильной логики нашего времени (которая, однако, быстро пробуждается), я предпочел сформулировать его проблематично, как предположение, подлежащее проверке наблюдением. Тот небольшой вклад, который я внес в прагматизм (или, если уж на то пошло, в любую другую область философии), был целиком плодом этого вырастания из формальной логики и стоит гораздо больше, чем небольшая сумма остальных моих работ, как покажет время.

470. Следующим моментом (moment)¹ аргументации в пользу прагматизма является представление, что каждая мысль является знаком. Таково учение (doctrine) Лейбница, Беркли и мыслителей рубежа XVII и XVIII в. (the years about 1700). Все они были радикальными номиналистами, но было бы большой ошибкой полагать, что данное учение является исключительно номиналистическим. Я сам – схоластический реалист до вольно крайнего толка. Каждый реалист как таковой вынужден при-

¹ Пирс пишет о моменте аргументации, то есть о ее побуждающем факторе. – *Прим. ред.*

знать, что всякое обобщение (a general) является термином, а тем самым и знаком. А если он к тому же считает, что оно является идеальным образцом (an absolute exemplar), то такой платонизм выходит за рамки дилеммы номинализма и реализма. На деле учение о платоновских идеях принимали самые крайние номиналисты. Есть основания подозревать, что его разделял и сам Росцеллин¹.

472. Действие знака требует немного более тщательного рассмотрения. Позвольте мне напомнить вам упомянутое выше различие между динамическим (dynamical) или диадным (dyadic) действием и осмысленным (intelligent) или триадным (triadic) действием. Событие А может посредством грубой силы произвести событие В, и тогда событие В может, в свою очередь, произвести третье событие С. Тот факт, что событию С предстоит быть созданным В (C is about to be produced by В), никак не сказывается на производстве В посредством А. Это влияние невозможно, поскольку действие В по созданию С является случайным (contingent) будущим событием в момент производства В. Таково диадное действие, которое называется так потому, что каждый его шаг касается пары объектов.

473. Теперь же вообразим, что микроскопист сомневается (But now when a microscopist is in doubt) в том, руководимо ли движение микроскопического организма интеллектом, пусть даже самого низкого порядка (intelligence, of however low an order. Эта всегдашняя его проверка (the test) времен моего обучения в школе и, как я полагаю, применяемая до сих пор, состоит в том, чтобы выяснить, производит ли событие А второе событие В **как средство** для производства третьего события С или нет. Иначе говоря, микроскопист выясняет (asks), случится ли так, что В будет произведено, если оно, в свою очередь, произведет или с некоторой вероятностью (is likely to) произведет С, и не будет произведено, или же оно не произведет С и нет вероятности, что оно создаст его.

Предположим, например, что командир отделения или роты пехоты отдает команду: «Оружие к ноге!» Этот приказ, конечно, является знаком. То (the thing), что вызывает знак как таковое, называется речью, «реальным» («real»), а точнее, **существующим (existent)** объектом, представленным знаком. Знак определяется некоторым видом соответствия (by some species of correspondence) с этим объектом. В данном случае объект команды (the object of command) – стремление (the will) офицера, чтобы приклады мушкетов были опущены на землю. Тем не менее данное воздействие (the action) его воли на знак не просто диадно. Если бы он думал, что солдаты глухонемые, или не знают ни слова по-английски, или являются совершенно не обученными новобранцами, или не желают повиноваться, его воля, вероятно, не повлекла (would not produce) бы слова приказа. Однако хотя это условие (this condition) чаще всего выполняется, оно не

¹ **Иоанн Росцеллин** (*Johannes Roscelin*) (ок. 1050 – ок. 1122) – французский философ, теолог, первый крупный представитель номинализма. – *Прим. ред.*

является существенным для воздействия (*essential to the action*) знака. Так учащение пульса – это вероятный *симптом* лихорадки, а подъем ртути в обычном термометре или изгибание двойной металлической полоски в металлическом термометре – признак или, используя технический термин, *индекс* повышения температуры атмосферы, которая, тем не менее, действует на нее исключительно грубым и диадным образом. В этих случаях, однако, производится мысленное представление (*mental representation*) индекса, каковое ментальное представление называется *непосредственным объектом* знака (*immediate object of the sign*), и этот объект триадно производит намеренное (*intended*) или надлежащее (*proper*) воздействие (*effect*) знака строго посредством другого мысленного знака. То же, что этот триадный характер действия считается существенным (*essential*), подтверждается (*is shown*) тем фактом, что если для проверки какого-либо эффекта термометр динамически связан с нагревательным и охлаждающим аппаратами, то мы в обыденной речи (*in ordinary parlance*) не говорим о существовании некоего *семиозиса* (*semeiosis*), или воздействия (*action*) знака, а, напротив, говорим о существовании «автоматической регуляции» («*automatic regulation*») – идеи, противоположной в нашем сознании идее семиозиса. Для надлежащего сигнификативного исхода (*significate outcome*) знака я предлагаю название *интерпретант* знака (*the interpretant of sign*).

Интерпретанты. Пример императивной команды показывает, что интерпретант не обязательно должен принадлежать к ментальному модусу существования (*it need not be of a mental mode of being*). Является ли интерпретант обязательно неким триадным результатом (*a triadic result*) – это вопрос слов, то есть того, как мы ограничиваем охват (*extention*) термина «знак». Мне представляется удобным сделать триадическое производство интерпретанта существенным для «знака», назвав более широкое понятие [...], например, «квазизнаком».

В этих терминах очень легко (не опускаясь до тонкостей, которыми я не буду докучать вашим читателям) увидеть, что такое интерпретант знака. Это все то, что эксплицитно в самом знаке помимо его контекста и обстоятельств высказывания. Тем не менее возможно сомнение относительно того, где следует провести черту между интерпретантом и объектом. Будет удобно дать лишь беглый взгляд на этот вопрос применительно к пропозициям. Интерпретант пропозиции – это ее предикат, а ее объект – это вещи, обозначаемые ее субъектом или субъектами (включая грамматические объекты, прямые и косвенные и т.д.). Возьмем пропозицию «Обожженный ребенок избегает огня». Ее предикат можно рассматривать как все, что выражено или как «либо не обожжено, либо избегает огня», или «не был обожжен», или «избегает огня», или «избегает», или «истинно»; и это перечисление не исчерпывающее. Но где же должна проходить эта грань? На это я отвечаю, что если понимать цель этого предложения как сообщение информации, то к интерпретанту относится все, что описывает

качество или характер факта, к объекту – все, что, не делая этого, отличает данный факт от других, подобных ему; третья часть предложения, возможно, должна быть отведена под информацию о том, каким образом делается утверждение, какие гарантии его истинности предлагаются и т.д. Но я скорее склонен думать, что все это относится к субъекту. С этой точки зрения предикат – «либо не является ребенком или не был обожжен, либо не имеет возможности избегать огня или избегает огня»; субъект же – «любой отдельный объект, который интерпретатор может выбрать из универсума повседневного опыта».

* * *

Теперь необходимо обратить внимание на то, что существуют три вида интерпретантов. Наши категории их предполагают, и это предположение подтверждается тщательной проверкой на практике. Я называю их эмоциональным, энергетическим и логическим интерпретантом. Они заключаются, соответственно, в чувствах (feelings), усилиях (efforts) и сменах привычек (habit-changes). [...]

Каждый знак (все, что выполняет его функции как таковые) должен обладать эмоциональным интерпретантом. На этом основании происходит распознавание (recognizing) знака как такового. Очевидно, что не распознанный знак – это не знак вовсе.

Исполнение музыкального произведения может вызывать музыкальные эмоции, не будучи знаком. Но если слушатель распознает в нотах¹ музыкальные идеи или эмоции композитора, то музыка передает ему сообщение от композитора, и оно становится знаком. В таком случае эмоциональная интерпретанта оказывается вполне развитой.

Большинство знаков в силу своей способности означивать (significative capacity), пробуждают усилия, будь то активные усилия во внутреннем или внешнем мире, либо усилия по (inhibition) или самоограничению (self-restrain), из которых во многом состоит усилие по концентрации внимания. Событие может вызвать мысленное усилие, а не просто телесный рефлекс, не становясь при этом знаком. Однако если у кого-либо возникает определенное намерение (if one becomes definitely conscious), состоящее в противодействии сопротивлению или же в сопротивлении силе, то транслируется (conveyed) идея (notion) такого сопротивления или силы и тогда возникает знак.

Представим командира пехоты, отдающего приказ: «Ружье к ноге!» Поведение командира и все окружающие обстоятельства показывают, что это высказывание – выражение его наличной воли. И эта наличная воля – означаеый объект. Каждый солдат чувствует, что слова ему знакомы: это эмоциональный интерпретант. Вследствие послушания этой воле он оказывается побужден поставить свой мушкет прикладом на землю, как это

¹ Пирс не различает в данной формулировке нотные знаки и звуки. – *Прим. ред.*

заведено (in the regular way). Эффект такого действия – энергетический интерпретант.

Семиозис

484. Тем не менее это не вполне объясняет нам, какова природа сущностного воздействия (the essential effect) на интерпретатора, вызванного семиозисом знака (brought about by the semiosis of the sign), который конституирует логический интерпретант. Важно уяснить, что я имею в виду под *семиозисом*. Всякое динамическое действие или проявление грубой силы, физическое (physical) или психическое (psychical), имеет место либо между двумя субъектами [будь то они одинаково реагируют друг на друга, или один является агентом, а другой пациентом, полностью или частично] либо так или иначе является результатом таких действий между парами. Но под «семиозисом» я подразумеваю, напротив, действие или влияние, которое представляет собой или включает в себя некое взаимодействие (a соöperation) *трех* субъектов, таких как знак, его объект и его интерпретант, причем это трехстороннее влияние (tri-lateral influence) не раскладывается каким-либо образом на действия между парами. **Σημείωσις** {Sémeiösis} в греческом языке римского периода, еще во времена Цицерона, если я правильно помню, означало действие почти любого знака; и мое определение наделяет все, что действует таким образом, названием «знак».)

485. Хотя определение не требует, чтобы логический интерпретант (или, если на то пошло, любой из двух других интерпретантов) заключался в изменении сознания (to be a modification of consciousness). Все же отсутствие у нас опыта любого семиозиса, в котором это было бы не так, не оставляет нам иной возможности для начала (leaves us no alternative to beginning) нашего изучения его общей природы с предварительного предположения (provisional assumption), что, по крайней мере, интерпретант едва ли ни всегда (at least, in all cases) выступает настолько близким аналогом изменения сознания, чтобы наш вывод был довольно близок к общей истине. Нам остается только надеяться, что, как только этот вывод будет сделан, он может стать пригоден для такого обобщения, которое исключит любую возможную ошибку, связанную с ложностью этого предположения.

Читатель может удивиться, почему я просто не ограничу свое исследование психическим семиозисом, раз никакой другой не представляется столь уж важным (seems to be of much importance). Моя причина состоит в том, что слишком частая практика тех логиков, которые вообще не работают [с] каким-либо методом [или которые следуют] методу обоснования предположений науки логики результатами науки психологии, – в отличие от усмотрений здравого смысла относительно работы ума, наблюдениями, хорошо известными всем взрослым мужчинам и женщинам в здравом уме,

хотя и мало замечаемыми. Эта практика, по моему мнению, столь же необоснованна и ненадежна, как тот мост из романа «Кенилворт», который, будучи совершенно лишенным всякой опоры (support), привел бедную графиню Эми к гибели. Отсюда вытекает особенная необходимость практически непрерывных обращения к результатам науки логики для надежного установления фактов (truths) психологической науки привычное воззрение, будто одно отношение безусловно предполагает другое. Эти логики постоянно смешивают *психические* факты (truths) с *психологическими*, хотя различие между ними таково, что имеет приоритет над всеми другими, поскольку требует уважения любого, кто шагнет по тесному и узкому пути, ведущему к точному знанию.

Два мира

474. Я опускаю все, что только могу; но есть один факт, сам по себе чрезвычайно известный, который необходимо упомянуть как неотъемлемую часть основной идеи, обсуждаемой здесь. Это тот факт, что каждый человек обитает в двух мирах. Эти миры можно прямо отличить по внешнему виду. Но самое большое различие между ними, безусловно, состоит в том, что один из этих двух миров, Внутренний Мир, оказывает в отношении сравнительно слабое принуждение (compulsion), хотя мы можем прямыми усилиями, настолько незначительными, что они едва заметны, кардинально изменить его, создавая и уничтожая существующие в нем объекты; в то время как другой мир, Внешний Мир, для нас полон непреодолимых принуждений, и мы не можем изменить его ни в малейшей степени, кроме как одним специфическим видом усилия, мышечным усилием, и даже таким образом – можем изменить его очень немного.

487. Каждый здравомыслящий человек живет в двойном мире, внешнем и внутреннем мире, мире восприятий (percepts) и мире воображаемостей (fancies). [...] На человека могут оказывать продолжительное влияние его восприятия и его воображаемости. То, как они воздействуют на него, может зависеть от его личной врожденной предрасположенности и от его привычек.

Привычки отличаются от предрасположенностей (dispositions) тем, что они были приобретены как следствие действия принципа, в сущности, хорошо известного даже тем, чьи способности к рефлексии недостаточны для его формулировки. Принцип этот состоит в том, что многократно повторяющееся поведение одного и того же рода при сходных сочетаниях восприятий и воображаемостей производит тенденцию – сходные обстоятельства в будущем. Более того – важный принцип, что *привычка* – состоит в том, чтобы на самом деле вести себя подобным образом при подобных обстоятельствах в будущем. Более того, – вот в *чем суть*, – каждый человек более или менее контролирует себя, меняя свои привычки; и то,

как он будет действовать чтобы добиться этого эффекта в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют ему выполнять повторение желаемого поведения во внешнем мире, показывает, что он по сути хорошо знаком с **повторениями во внутреннем мире – вообразаемыми повторениями – которые, будучи изрядно усилены непосредственным усилием, производят привычки**, прямо как их производят повторения во внешнем мире; **и эти привычки будут иметь силу влиять на фактическое поведение во внешнем мире**; особенно, если каждое повторение сопровождается своеобразным мощным усилием, которое обычно уподобляется отдаче команды самому себе в будущем.

491. В каждом случае, после некоторых предварительных действий (preliminaries), деятельность принимает форму экспериментации (experimentation) во внутреннем мире; и вывод (если она приходит к определенному выводу) заключается в том, что при некоторых условиях интерпретатор сформирует привычку действовать определенным образом всякий раз, когда он может желать результата определенного вида. Настоящим и живым логическим выводом **является** эта привычка; словесная формулировка просто выражает ее. Я не отрицаю, что понятие, предложение или аргумент могут быть логическими интерпретантами. Я лишь настаиваю на том, что они не могут быть конечными логическими интерпретантами, поскольку они сами – знаки такого рода, который сам обладает логическим интерпретантом.

Сама по себе привычка, которая хотя и может быть знаком каким-то иным образом, не является знаком в том смысле, в каком знаком выступает знак, логическим интерпретантом которого она является. Привычка, сочлененная (conjoined) с мотивом и условиями, имеет действие в качестве своего энергетического интерпретанта; но действие не может быть логическим интерпретантом, поскольку ему не хватает обобщенности (generality).

Понятие, которое является логическим интерпретантом, является таковым лишь несовершенно. Оно в некотором плане отчасти имеет (partakes of) природу словесного определения и настолько же уступает привычке, во многом таким же образом, как словесное определение уступает реальному определению. Намеренно сформированная привычка к самоанализу – к самоанализу, поскольку она сформировалась с помощью анализа питавших ее упражнений – есть живое определение, истинный и окончательный логический интерпретант. Следовательно, наиболее совершенное объяснение понятия, которое могут передать слова, будет состоять в описании привычки, которую это понятие, как рассчитывается (is calculated to), произведет. Но как иначе можно описать привычку, как не описанием того рода действия, которое она вызывает, с указанием условий и мотива?

492. [...] Привычка отнюдь не является исключительно мысленным фактом. Эмпирически мы обнаруживаем, что приобретают привычки некоторые растения. Поток воды, который создает для себя русло, формирует

привычку. Каждый канавокопатель думает об этом именно так. Обращаясь к рациональной стороне вопроса, прекрасное нынешнее определение привычки, принадлежащее, я полагаю, какому-то физиологу (если я правильно припоминаю [...], Броун-Секару, который особенно настаивал на нем в своей книге о спинном мозге), не говорит ни слова об уме (mind). Зачем это нужно, если привычки сами по себе совершенно бессознательны, хотя чувства и могут быть их симптомами, и если только сознание – т.е. чувство – является единственным отличительным признаком ума?

5.492. [...] [Н]ичто, кроме чувства, не является исключительно мысленным.

493. Но из того, что я говорю это, не следует делать вывод, что я рассматриваю сознание как простой «эпифеномен»; хотя я искренне допускаю, что гипотеза о том, что это так, сослужила хорошую службу науке. По моему мнению, сознание может быть определено как такая совокупность (congeries) нерелятивных предикатов, сильно различающихся по качеству и интенсивности, которая симптоматична в отношении взаимодействия внешнего мира – мира тех причин, которые оказываются чрезвычайно навязчивы по отношению к модусам сознания, производя общее потрясение (with general disturbance), иногда доходящее до шока, и на которые воздействие оказывается лишь незначительно, и только особого рода усилием, мускульным усилием, – и внутреннего мира, по-видимому производного от внешнего, и поддающегося воздействию непосредственного усилия в разных его видах, и откликающегося на такое воздействие тонкими (feeble) реакциями; взаимодействие этих двух миров состоит главным образом из прямого действия внешнего мира на внутренний и косвенного действия внутреннего мира на внешний посредством привычек. Если это верное описание сознания, т.е. скопления чувств (congeries of feelings), то мне кажется, что сознание выполняет реальную функцию самоконтроля, так как без него или, по крайней мере, без того, симптомом чего оно является, решения (resolves) и упражнения внутреннего мира не могли бы повлиять на действительные детерминации и привычки внешнего мира. Я говорю, что они принадлежат внешнему миру, поскольку они суть не просто фантазии, а реальные действующие силы (agencies).

*Перевод Т.А. Корнева,
научн. ред. И.В. Фомина*

**Peirce C.S.
Notes on signs, semiosis, external and internal world
from the manuscript «Pragmatism» (1907)**

Abstract. A text by Charles Peirce is published, which is excerpts from the so-called manuscript MS 318. The manuscript dates from 1907 and contains five mixed drafts of the article

«Pragmatism», which the author intended to send to The Nation magazine in the form of a letter to the editor.

Keywords: Pragmatists; pragmatism; pragmatism; semiotics; signs; semiosis; Peirce.

For citation: Peirce C.S. (2023) Notes on signs, semiosis, external and internal world from the manuscript «Pragmatism» (1907) translation by T. Kornev, s. edited by I. Fomin // METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 56–67. DOI: 10.31249/method/2023.02.08

Фомин И.В.¹

**Семиотическая причинность как порождение знаков.
О десяти видах интерпретантов²**

Аннотация. Статья посвящена разработке концепции семиотической причинности и номенклатуры интерпретантов, производимых знаками. В качестве отправной точки в предлагаемой схеме используется идея Чарльза Пирса о том, что интерпретант сам по себе является знаком, который порождается другим знаком. Исходя из этого, в исследовании разрабатывается подход, который предполагает, что десятичастная классификация знаков Пирса может быть использована в качестве основы для классификации интерпретантов. В предлагаемой номенклатуре выделяются тональные интерпретанты (интерпретанты, являющиеся знаками-тонами), токенальные интерпретанты (интерпретанты, являющиеся знаками-токенами) и типальные интерпретанты (интерпретанты, являющиеся знаками-типами); иконические, индексальные и символические интерпретанты; рематические, пропозиционные и конклюдентные интерпретанты. Обсуждается, как такая систематика соотносится с триадами интерпретантов по Пирсу: с триадой непосредственного, динамического и конечного интерпретантов, а также эмоционального, энергетического и логического интерпретантов. Исследуется также, как данная номенклатура может быть использована для проведения различий между видами семиозиса, присущими разным видам агентов. В частности, демонстрируется, как она может быть применена для анализа различных био-семиотических и антропо-семиотических процессов, разворачивающихся при функционировании полноценных знаков и квазизнаков. Показывается, что для процессов протосемиозиса и тардосемиозиса, а также для некоторых случаев зоосемиозиса характерно редуцирование производства символических интерпретантов.

Ключевые слова: семиотическая причинность; интерпретант; начальный интерпретант; непосредственный интерпретант; динамический интерпретант; конечный интерпретант; эмоциональный интерпретант; энергетический интерпретант; логический интерпретант; знак; квазизнак; Пирс; семиотика.

Для цитирования: Фомин И.В. Семиотическая причинность как порождение знаков. О десяти видах интерпретантов // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из общественных дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 68–91. – DOI: 10.31249/method/2023.02.09

¹ **Фомин Иван Владиленович**, канд. полит. наук, независимый исследователь; fomin.i@gmail.com

² В основе этой статьи – опубликованный ранее на английском текст [Fomin, 2023].

Понятие *интерпретанта*, которое является центральным для данного исследования, – это одно из самых интересных понятий в семиотическом инструментарии Чарльза Пирса. В то же время, оно относится и к числу наиболее проблематичных. Особенно перспективной и важной эту категорию делает то, как Пирс использует ее, когда говорит о различных эффектах, производимых знаками. В связи с этим, без обсуждения этой категории трудно обойтись, если мы ставим перед собой задачу разработать теорию семиотической причинности.

К сожалению, попытки самого Пирса составить классификацию интерпретантов не привели к созданию устоявшейся и последовательной их систематики. Более того, если обратиться к рукописям Пирса, то его теория интерпретантов предстает как крайне подвижная. В своих попытках разработать классификацию интерпретантов Пирс часто от одной рукописи к другой переосмысляет ключевые понятия и меняет слова, используемые в качестве базовых терминов [Liszka, 1990].

В литературе, посвященной наследию Пирса, можно найти попытки, напр.: [Bergman, 2016; Eco, 1976; Fitzgerald, 1966; Liszka, 1990; Schmidt, 2022; Short, 1982] реконструировать его теорию интерпретантов, сделав из нее нечто более устойчивое. Однако это в свою очередь дает много поводов для споров – о том, какой именно вариант ее реконструкции является наиболее точным [см. напр.: Eco, 1976; Lalor, 1997; Liszka, 1990; Nöth, 2016; Short, 1996]. При создании любой такой реконструкции, всегда возникают вопросы о том, на каких фрагментах пирсовского наследия сосредоточиться, а какие оставить на периферии.

Исследование, представленное в этой статье, задумывалось скорее как «пирсистское», а не «пирсианское» [Eco, 1976, p. 1458]. В том смысле, что я не ставлю перед собой задачу предложить точную реконструкцию теории Пирса и не пытаюсь продемонстрировать, как со временем менялось его понимание систематики интерпретантов. Вместо этого я сосредоточусь на том, как некоторые идеи Пирса могут быть использованы для решения актуальных задач современной семиотики.

Я попытаюсь продемонстрировать, как основанная на семиотике Пирса классификация интерпретантов может быть применена в качестве теоретической основы, которая позволила бы нам провести фундаментальные различия между видами эффектов, производимых знаками. Такая систематика может быть полезна при анализе процессов функционирования знаков, осуществляемом в различных областях и дисциплинах семиотики, которые стремятся построить инструментарий семиотического анализа, полезный для семиотического объяснения различных биотических, культурных, социальных и политических процессов.

При этом я попытаюсь не столько разрешить те сложности, с которыми неизбежно сталкиваются попытки реконструировать пирсовскую систематику интерпретантов, сколько попробую как бы обойти большинство из таких сложностей. Для этого в качестве отправной точки я возьму

не идеи Пирса о различных видах интерпретантов, а другие элементы его семиотической теории. Таким образом, я надеюсь, что предлагаемая мною схема будет в основе своей идти по следам пирсовских рассуждений, но в меньшей степени будет привязана к запутанному корпусу его работ о видах интерпретантов.

Таким образом, я не ставлю своей целью предложить очередную реконструкцию теории интерпретантов Пирса. Скорее я стремлюсь выработать такую систематику семиотических эффектов, которая была бы полезна для проведения важных различий между видами семиозиса и способна дать представление о процессах интерпретации, когда речь идет об эмпирическом анализе не только антропосемиотического, но и более широкого биосемиотического материала (включая протосемиозис).

Семиотическая причинность

Для современной биосемиотики теория интерпретантов как теория семиотических эффектов особенно актуальна в контексте изучения семиотической агентивности. Этот вопрос важен, так как для объяснения функционирования живых существ как агентов, которые могут вести себя целенаправленно, «выбирая действия по отношению к знакам» [Sharov, Tønnessen, 2021a, p. 349], мы должны дополнить физическую причинность *семиотической причинностью*.

Как отмечает Йеспер Хоффмейер: «Кажущаяся целеориентированная природа (purposeful nature) живых систем становится возможна благодаря сложной сети семиотических элементов контроля (controls), с помощью которых биохимические, физиологические и поведенческие процессы подстраиваются под нужды системы. Работа этих семиотических элементов управления происходит и обеспечивается на различных уровнях. Такие семиотические элементы управления можно отличить от обычных детерминированных элементов управления благодаря встроенной в них способности предвидения, основанной на особом виде причинности, которую я здесь называю “семиотической причинностью”. Этим термином я обозначаю осуществление изменений, направляемых интерпретацией в каком-либо локальном контексте (under the guidance of interpretation in a local context)» [Hoffmeyer, 2007, p. 149].

Это также перекликается с концепцией смысла Джорджо Проди, который пишет: «Смысл в природе – это отношение соответствия между материальными состояниями, которые выступают как триггеры изменения: ...это существование объекта, значимого для конкретного изменения (т.е. способного вызвать такое изменение). Таким образом, смысл не является ни сущностью, присущей данному объекту, ни сущностью, присущей совокупности объектов системы» [Prodi, 1988, p. 195].

Категории семиотической причинности и смысла тесно переплетаются с пирсовской категорией интерпретанта. Фактически, семиотическая причинность проявляется в производстве *интерпретантов*. Интерпретант связан с чем-то внешним по отношению к агенту «таким образом, что отражает исторически и эволюционно приобретенную связь (integration)» между сенсорной системой агента и его моторными способностями [Hoffmeyer, 2007, p. 151]. Таким образом, семиотическая причинность всегда связана «с неким взаимодействием между внутренним и внешним» [Hoffmeyer, 2007, p. 153].

Классификация семиотических эффектов также может быть полезна при обсуждении различий между полноценными *знаками* и *квазизнаками*. Эти сюжеты можно проследить в работах самого Пирса, в которых он обсуждает, как можно различать знаки и квазизнаки [CP 5.473]¹ на основании того, какие интерпретанты они производят. В современных исследованиях по биосемиотике возникает важная задача разработки инструментария, позволяющего различать и анализировать различные виды семиозиса (в частности, *протосемиозис* и *эусемиозис*), присущие агентам, которые разнятся в плане присущей им функциональности, сложности и адаптивности [Sharov, Vehkavaara, 2015]. Разработка такого инструментария важна, поскольку она напрямую связана с концепцией «специфической для агентов интерпретации знаков» (agent-specific interpretation of signs), которая находится в фокусе биосемиотики и обеспечивает этой дисциплине «эмпирическую основу» [Sharov, Tønnessen, 2021a].

Разработка инструментария для анализа знаков с различной способностью порождать интерпретанты является важной задачей и в контексте социальной семиотики. В частности, это становится важным, когда речь идет об анализе так называемых «постсемиотических» образований (таких как «мемы» или «тардознаки»), которые могут быть теоретически представлены как знаки не имеющие интерпретантов или как знаки, в которых интерпретант редуцирован [Bennett, 2021, p. 191–205].

Что такое интерпретант?

Как я уже упоминал, элементы теории интерпретантов, которые можно найти в трудах Пирса весьма запутаны. Так, например, в некоторых рукописях Пирс утверждает, что интерпретант – это «ментальный эффект», «мысль» (EP 2:13), «идея» (CP 1.339) или «смысл» (MS [R] 318: 37), производимые знаком, в то время как в других своих работах он прямо утверждает, что интерпретант «не обязательно должен быть ментальным» [CP 5.473].

¹ Для цитат из Пирса я использую сокращения: CP = [Peirce, 1931–1966], EP = [Peirce, 1992–1998], ILS = [Peirce, 2014], и MS [R] = рукописи Пирса согласно [Robin, 1967; Robin, 1971].

Встречающиеся в работах Пирса классификации интерпретантов также значительно различаются между собой, см. обзор в: [Liszka, 1990], см. также: [«Interpretant», 2022].

Так, например, в (ILS 285) он представляет триаду «непосредственных», «динамических» и «конечных» интерпретантов следующим образом:

Теперь мы можем рассмотреть интерпретант тремя способами, или, скорее, есть три различные вещи, которые могут быть надлежащим образом рассмотрены как интерпретант. Ибо любая вещь, которую знак, *как таковой*, производит, может рассматриваться как интерпретант. И это может быть, во-первых, нечто сугубо субъективное, смутный эффект в сознании, произведенный знаком. Во-вторых, это может быть *действительное событие*, которое некоторые знаки порождают в силу того, что они фактически действуют как таковые. Например, пусть знаком будет команда, которую отдают военным, или приказ. Тогда мгновенно совершаемое действие целой шеренги людей будет динамическим интерпретантом, как я его называю. В-третьих, уместно говорить о конечном интерпретанте, имея в виду ту привычку, в производстве которой функция знака, как такового, оказывается исчерпана.

Другая известная пирсовская триада – это триада «эмоционального», «энергетического» и «логического» интерпретантов. Именно она представлена, например, в (MS [R] 318: 43) [Peirce, 1907]:

Теперь необходимо отметить, что существует три вида интерпретантов. Наши категории подсказывают их, и это предположение подтвердится при тщательном изучении. Я называю их эмоциональными, энергетическими и логическими интерпретантами. Это соответственно чувства (feelings), усилия (efforts) и изменения в привычек (habit-changes).

Приведем еще один пример. В (MS [R] 499(s): 4-5) можно найти триаду, разделяющую интерпретанты на «наивные», «динамические» и «нормальные»:

Объективный, или наивный, или рогативный (rogate) интерпретант, – это интерпретант, который знак порождает сам по себе, его самозначимость, безотносительно к возможности существования какого-либо другого. Динамический интерпретант – это эффект или результат, который знак действительно определяет, а нормальный интерпретант, – это истинный интерпретант, который знак должен производить. Его истинная значимость.

В поисках отправной точки для своего исследования я решил как бы отложить в сторону пирсовские классификации интерпретантов и сосредоточиться на других его идеях. Во-первых, я предлагаю обратить внимание самое широкое определение интерпретанта, которое дает Пирс. Согласно такому определению, интерпретант – это «любая вещь, на которую знак *как таковой* производит в качестве эффекта» (ILS 285). Во-вторых, я предполагаю, что интерпретант сам является знаком (это тоже пирсовская идея – интерпретант как «репрезентант, который определяется другим

репрезентаменом» (CP 5.138)). Основываясь на этих двух исходных концепциях, я попытался разработать схему, которая в некотором смысле может рассматриваться как более простое решение, чем систематика интерпретантов, предложенная самим Пирсом, поскольку она не предлагает никакой новой классификации интерпретантов, отдельной от классификации знаков.

Десять видов интерпретантов

Вместо отдельной классификации интерпретантов мы можем просто использовать пирсовскую десятичастую классификацию знаков. Эта классификация предполагает, в частности, различие между *тонами* (знаками, которые являются «абстрактными качествами»), токенами (знаками, которые фактически «существуют как отдельные объекты или события») и типами (знаками, которые являются общими «законами или привычками»). [Peirce, 2020, p. 146]. Исходя из этой классификации, если любой интерпретант – это «репрезентамен, который определяется другим репрезентаменом» (CP 5.138), мы можем классифицировать интерпретанты на (1) *тональные интерпретанты* (интерпретанты, которые являются тонами), (2) *токенальные интерпретанты* (интерпретанты, которые являются токенами) и (3) *типальные интерпретанты* (интерпретанты, которые являются типами). Другими словами, мы можем выделить три вида семиотических эффектов («изменений, направляемых интерпретацией» [Hoffmeier, 2007, p. 149]), различая случаи (1) когда знаки производят впечатления (производят *тональные интерпретанты*), (2) когда они являются причиной событий (производят *токенальные интерпретанты*) и (3) когда они вызывают привычки (производят *типальные интерпретанты*).

Деление знаков на десять видов, предложенное Пирсом, подразумевает также различие знаков на *иконические*, *индексальные* и *символические*, а также на *рематические* (*rhematic*), *пропозиционные* (*dicent*) и *конклюдентные* (*argumentive*). Эти две триады я предлагаю тоже применить для различения интерпретантов. По этому принципу из трех видов семиотических различий (тон, токен, тип; икона, индекс, символ; рема, пропозиция, заключение) и десяти видов знаков, которые возникают из них, мы можем вывести десятическую классификацию интерпретантов.

По сути, основываясь на идее, что интерпретанты сами являются репрезентаменами (которые возникают как эффекты других репрезентаменов), мы можем получить классификацию, которая различает десять видов интерпретантов: один вид тональных интерпретантов, три вида токенальных интерпретантов и шесть видов типальных интерпретантов (Таблица 1). Кроме того, поскольку реплики типальных знаков возникают как токенальные знаки «особого рода» (EP 2:294-295), я добавляю такие реплики

(репликативные интерпретанты) в классификацию как особые подвиды токенальных интерпретантов.

Таблица 1

**Десять видов интерпретантов как десять видов знаков.
(Классификация знаков основана на (ВП 2:289-299))**

Знак сам по себе	Знак по отношению к объекту	Знак по отношению к интерпретанту	ДЕСЯТЬ ВИДОВ ЗНАКОВ		ДЕСЯТЬ ВИДОВ ИНТЕРПРЕТАНТОВ
Тон	Икона	Рема	I	(Рематический иконический) тон	Рематический иконический тональный интерпретант
Токен	Икона	Рема	II	(Рематический) иконический токен	Рематический иконический токенальный интерпретант
	Индекс	Рема	III	Рематический индексированный токен	Рематический индексальный токенальный интерпретант
		Пропозиция	IV	Пропозиционный (индексальный) токен	Пропозиционный индексальный токенальный интерпретант
Тип	Икона	Рема	V	(Рематический) иконический тип	Рематический иконический типальный интерпретант
	Индекс	Рема	VI	Рематический индексальный тип	Рематический индексальный типальный интерпретант
		Пропозиция	VII	Пропозиционный индексальный легис-знак	Пропозиционный индексальный типальный интерпретант
	Символ	Рема	VIII	Рематический символ (тип)	Рематический символический типальный интерпретант
		Пропозиция	IX	Пропозиционный символ (тип)	Пропозиционный символический типальный интерпретант
		Заключение	X	Конклюдентный символ (тип)	Конклюдентный символический типальный интерпретант

Итак, полная номенклатура интерпретантов, которую я предлагаю, выглядит следующим образом:

- (I) Рематический иконический тональный интерпретант
- (II) Рематический иконический токенальный интерпретант
- (II-v) Репликативный рематический иконический интерпретант
- (III) Рематический индексальный токенальный интерпретант
- (III-vi) Репликативный рематический индексальный интерпретант
- (III-viii) Репликативный рематический символический интерпретант
- (IV) Пропозиционный индексальный токенальный интерпретант
- (IV-vii) Репликативный пропозиционный индексальный интерпретант
- (IV-ix) Репликативный пропозиционный символический интерпретант
- (IV-x) Репликативный конклюдентный символический интерпретант

- (V) Рематический иконический типальный интерпретант
- (VI) Рематический индексальный типальный интерпретант
- (VII) Пропозиционный индексальный типальный интерпретант
- (VIII) Рематический символический типальный интерпретант
- (IX) Пропозиционный символический типальный интерпретант
- (X) Конклюзионный символический типальный интерпретант

(I) Рематические иконические тональные интерпретанты

Итак, какие виды семиотических эффектов мы можем выделить, если будем использовать эту номенклатуру для классификации интерпретантов? Начнем с (I) *тональных интерпретантов*. Этот вид интерпретантов не имеет подклассов, так как тон обязательно является иконой и может быть интерпретирован только рематически (CP 2.254). В сущности, когда мы говорим о тональных интерпретантах как эффектах знаков, мы имеем в виду просто чувства, которые могут вызываться знаками. В этом отношении категория тонального интерпретанта близка к некоторым определениям *непосредственного* (immediate) интерпретанта у Пирса. В частности, мы можем концептуализировать тональный интерпретант как «качество впечатления, которое знак способен произвести» (CP 8.315). Это «потенциальный интерпретант», который составляет базовую «интерпретируемость или значимость знака» [Short, 1982, p. 286].

Производство тональных интерпретантов необходимо как начальная фаза семиотической причинности. Однако сам по себе тональный интерпретант – это просто возможность, смутный неопределенный нереферентный образ, который не существует как отдельная вещь или событие (CP 8.334). Чтобы действительно существовать и функционировать как знаки, тональные интерпретанты должны быть актуализированы в иконических токенах.

(II) Рематические иконические токенальные интерпретанты

(II) *Иконические токенальные интерпретанты* тоже всегда рематичны. Однако, в отличие от тональных интерпретантов, они существуют как реальные события. По сути, они возникают как события «распознавания знака как такового» (MS [R] 318: 44). Будучи иконическими знаками-токенами, эти интерпретанты основаны на единичности и подобии. Их можно описать как идеи, возникающие как «образы» или как «композиционные фотографии» образов, производимых знаками (EP 2:281). В разных случаях, в зависимости от того, какой знак распознается, иконический токенальный интерпретант может быть, например, идеей чувства, идеей усилия или идеей общего типа [Liszka, 1996, p. 26].

Рематические иконические токенальный интерпретанты могут возникать как реплики рематических иконических знаков-типов. В этом случае я предлагаю называть такие эффекты (II-v) *репликативными иконическими интерпретантами*.

(III) Рематические индексальные токенальные интерпретанты

Хотя иконические токенальные интерпретанты, как и любые иконические знаки, являются знаками в силу сходства, их функциональность как интерпретантов в значительной степени вытекает не из их сходства, а из их способности производить контраст. Интерпретанты конституируются не только распознанными образами как таковыми, а *изменениями* распознанных образов. (Здесь как раз уместно вспомнить рассуждения Хоффмейера о семиотической причинности как осуществлении «изменений, направляемых интерпретацией» [Hoffmeyer, 2007, p. 149].)

Как отмечает Пирс: «Чувство воздействия и нахождения под воздействием, которое является нашим ощущением реальности вещей, – как внешних вещей, так и нас самих, – можно назвать чувством Реакции. Оно не принадлежит какому-либо одному Чувству; оно возникает при разрушении одного чувства другим чувством. По сути, в нем участвуют две вещи, действующие друг на друга» (EP 2:4-5).

Пирс описывает способность знаков быть причиной усилий с помощью категории «энергетического интерпретанта». Важно отметить, что усилие, как о нем говорит Пирс, может быть как «мускульным», так и «умственным» (CP 5.475). Более того, Пирс рассматривает торможение, самоограничение и внимание тоже как виды усилий (MS 318: 44).

Несмотря на то что индексальные токенальные интерпретанты могут появляться как «умственные усилия», важно также учитывать, что пропозиционный токенальный интерпретант, даже когда он появляется как «умственное усилие», не тождественен «интеллектуальному понятию». Интеллектуальные понятия как таковые всегда имеют «общий характер», в то время как токенальный интерпретант – это всегда единичное конкретное событие (CP 5.475). Однако (III) *рематические индексальные токенальные интерпретанты* как конкретные события могут возникать как реплики рематических *символических* знаков-типов, которые являются интеллектуальными концептами. Такие интерпретанты я предлагаю называть (III-viii) *репликативными рематическими символическими интерпретантами*.

При этом, когда рематические индексальные токенальные интерпретанты возникают как реплики рематических *индексальных* знаков-типов, я называю их (III-vi) *репликативными рематическими индексальными интерпретантами*.

В целом, любое изменение знака-иконы можно рассматривать как минимальный индексальный интерпретант. Такой интерпретант является рематическим в том смысле, что он не представляет собой полной пропозиции. Он просто возникает как ощущение того, что *некая вещь* действует или на нее действуют. Однако, как только передается какая-либо информация о *вещи*, с которой ассоциируется усилие, мы имеем дело уже не с рематическим, а с пропозиционным индексом.

(IV) Пропозиционные индексальные токенальные интерпретанты

(IV) Пропозиционный индексальный токенальный интерпретант – это такой интерпретант, в котором семиотическая причинность проявляется в производстве пропозиции. Пропозиция, однако, не обязательно должна быть вербальной, поскольку она может возникнуть как любое действие, функционально релевантное в конкретной среде [Stjernfelt, 2014]. Это не означает, однако, что пропозиционные токенальные интерпретанты всегда должны возникать как «мышечные усилия». Они могут быть и «умственными усилиями».

Более того, пропозиционный индексальный токенальный интерпретант особого рода может появиться как реплика пропозиционного индексального знака-типа, пропозиционного символического знака-типа или знака-заключения. Я называю эти реплики *(IV-vii) репликативными пропозиционными индексальными интерпретантами*, *(IV-ix) репликативными пропозиционными символическими интерпретантами* и *(IV-x) репликативными конклюзионными символическими интерпретантами* соответственно.

(V) Рематические иконические типальные интерпретанты

Следующая группа интерпретантов, которую можно вывести, применяя десятичастную классификацию знаков Пирса к делению интерпретантов, – это группа типальных интерпретантов. В попытках самого Пирса построить систематику интерпретантов, все типальные интерпретанты, похоже, попадают в категорию *конечных* (final), поскольку конечный интерпретант определяется как любая привычка, «в производстве которой функция знака, как такового, оказывается исчерпана» (LS 285). В то же время, описание Пирсом знаков-типов (т.е. знаков, которые являются привычками) предполагает, что существует по крайней мере шесть видов таких знаков. Значит, можно утверждать, что может существовать и шесть различных видов типальных интерпретантов (или, если использовать оригинальные термины Пирса, шесть различных видов конечных интерпретантов).

Итак, начнем с первого вида типальных интерпретантов – с *(V) рематических иконических типальных интерпретантов*. Данный вид интерпретантов соответствует аспекту семиотической причинности, который заключается в том, что знаки могут производить привычки, которые позволяют агентам ставить вещи в соответствие с другими вещами на основе сходства между ними.

Иконические знаки-типы управляют иконическими знаками-токенами, которые возникают в качестве их реплик. Таким образом, привычки, которые производятся как иконические типальные интерпретанты, делают в конечном счете возможным распознавание конкретных иконических знаков-токенов. Более того, производство *(II-v) репликативных иконических интерпретантов* (см. выше) может также стать возможным в силу того, что в какой-то момент появился определенный иконический типальный интерпретант, который позволяет иконическим токенальным интерпретантам (как иконическим знакам-токенам) функционировать в качестве таковых.

(VI) Рематические индексальные типальные интерпретанты

Следующий класс типальных интерпретантов – индексальные типальные интерпретанты. Он имеет два подкласса, так как можно выделить два вида привычек, соответствующих рематическим и пропозиционным индексальным знакам-типам соответственно.

Когда мы говорим о *(VI) рематических индексальных типальных интерпретантах*, мы имеем в виду особый вид привычек. Эти привычки всегда инстанцируются в рематических индексальных знаках-токенах [Liszka, 1996, p. 51], т.е. они управляют знаками, которые требуют от агентов направить внимание на объект, потому что объект как-то повлиял на знак.

(VII) Пропозиционные индексальные типальные интерпретанты

(VII) Пропозиционные индексальные типальные интерпретанты это тоже привычки, основанные на индексальности. Однако, в отличие от рематических индексальных типальных интерпретантов, они не только обеспечивают привычное привлечение внимания к объектам, но и дают возможность «сообщить определенную информацию» относительно их объекта (EP 2:294) и, таким образом, представляют собой полноценные пропозиции. Пропозиционные индексальные типальные интерпретанты всегда инстанцируются в пропозиционных индексальных знаках-токенах, которые являются их репликами.

(VIII) Рематические символические типальные интерпретанты

Следующие три вида интерпретантов соответствуют семиотическим эффектам, которые возникают как символические знаки. В частности, это *(VIII) рематические символические типальные интерпретанты*, *(IX) пропозиционные символические типальные интерпретанты* и *(X) конклюдентные типальные интерпретанты*.

(VIII) Рематические символические типальные интерпретанты появляются как привычки, которые позволяют семиотической форме «порождать общее понятие» (EP 2:295). Чтобы функционировать таким образом, эти привычки, которые сами по себе существуют только как абстрактные общие типы, должны быть инстанцированы знаками-токенами. Этими знаками-токенами являются рематические индексальные токены «особого рода» (EP 2:295), в которых в каждом случае конкретное знаковое средство вызывает ассоциацию между знаком-типом и его объектом [Liszka, 1996, p. 2, 51]. Однако, чтобы такая инстанциация в рематическом индексальном знаке стала возможной, эти рематические символы должны изначально сформироваться как рематические символические типальные интерпретанты.

(IX) Пропозиционные символические типальные интерпретанты

(IX) Пропозиционные символические типальные интерпретанты – это пропозиционные привычки. Как и *(VIII) рематические символические типальные интерпретанты*, эти интерпретанты также являются знаками-типами, которые связаны со своими объектами «в силу ассоциации общих идей» (EP 2:295). Более того, они задействуют рематические символы для передачи смысла о своих объектах и рематические индексальные символы, чтобы «указать на субъект этой информации» (EP 2:296).

Будучи знаками-типами, эти интерпретанты являются не единичными пропозициями, а абстрактными законоподобными ассоциациями, основанными на общих идеях. Когда эти законоподобные пропозиции «сообщают реальные факты», можно сказать, что они инстанцируются пропозиционными токенами (и, следовательно, пропозиционными токенами интерпретантами).

(X) Конклюдентные символические типальные интерпретанты

Наконец, последний вид интерпретанта – это *(X) конклюдентный интерпретант*. Как и пять предыдущих видов, он также производится как знак-закон и, таким образом, является типальным интерпретантом. Более того, он всегда является символом, который может быть инстанцирован в пропозиционном токене. Конклюдентный интерпретант всегда состоит

из пропозиций, которые участвуют в нем в качестве предпосылок, и производит другую пропозицию в качестве своего заключения.

Назад к пирсовским интерпретантам

Как я уже упоминал, десятичастная классификация интерпретантов, которую я предлагаю, не является попыткой выработать какую-то «правильную» реконструкцию оригинальной классификации интерпретантов Пирса. Моя задача скорее состоит в том, чтобы найти в работах Пирса некоторые альтернативные концептуальные инструменты, которые позволили бы нам иметь «пирсовскую» классификацию интерпретантов, избегая при этом путаницы, порождаемой многоголосием его оригинальных классификаций интерпретантов. Тем не менее я считаю, что может быть полезно обсудить возможные параллели между оригинальными триадами интерпретантов Пирса и десятичастной классификацией, представленной в этой статье.

Некоторые из этих параллелей уже упоминались выше. В частности, понятие *(I) тонального интерпретанта* перекликается с одним из определений «непосредственного интерпретанта» у Пирса, в котором он определяется как «некая-либо фактическая реакция, но качество впечатления, которое знак способен произвести» (CP 8.315). Более того, *(II) иконические токенальные интерпретанты* также близки к «эмоциональным интерпретантам» у Пирса, если они определяются как чувство, которое действительно производится знаком, что в минимальной степени является чувством распознавания знака как такового. Тогда энергетические интерпретанты (как усилия, производимые знаками (CP 5.475)) могут быть приравнены к *(III) рематическим индексальным токенальным интерпретантам*.

Таким образом, десятичастная систематика интерпретантов предполагает, что триады непосредственного-динамического-конечного и эмоционального-энергетического-логического интерпретантов по Пирсу, по крайней мере, исходя из некоторых трактовок, являются не двумя версиями одной и той же классификации, а двумя различными ее уровнями. Таким образом, наиболее оптимальным способом согласования десятичастной классификации с двумя триадами, вероятно, будет предположение, что триада непосредственного-динамического-конечного интерпретантов соответствует триаде тонального-токенального-типального интерпретантов, в то время как триада эмоционального-энергетического-логического интерпретантов соответствует трем подклассам токенальных интерпретантов, которыми являются *(II) иконические токенальные интерпретанты*, *(III) рематические индексальные токенальные интерпретанты* и *(IV) пропозиционные индексальные токенальные интерпретанты* (табл. 2)¹.

¹ Таким образом, мой подход тяготеет к интерпретации пирсовской систематики интерпретантов, предложенной в: [Fitzgerald, 1966, p. 78].

Такая трактовка кажется оправданной, если исходить из того, что эмоциональные, энергетические и логические интерпретанты являются *фактическими* эффектами знаков, поскольку в этом случае они могут быть только знаками-токенами и должны рассматриваться как подвиды динамических интерпретантов (определяемых как «*фактическое событие*, которое некоторые знаки производят в силу того, что они действительно действуют как таковые» (ILS 285). Однако этот подход может работать только в том случае, если мы строго различаем «логический интерпретант» как *изменение привычки* («habit-change») (CP 5.476) и «конечный интерпретант» как *привычку*, «в производстве которой функция знака, как такового, оказывается исчерпана». (Понимание «логического интерпретанта» как смены привычки имеет смысл, поскольку подобно тому, как усилие возникает из «разрушения одного чувства другим чувством» (EP 2:4-5), привычка изначально может возникнуть только из смены усилия).

Таблица 2

**Параллели между десятичастной классификацией интерпретантов
и триадами непосредственного-динамического-конечного
и эмоционального-энергетического-логического интерпретантов**

Десять видов толкователей как десять видов знаков			Разделение интерпретантов по Пирсу	
I	Тональный интерпретант	Рематический иконический тональный интерпретант		Непосредственный
II	Токенальный интерпретант	Рематический иконический токенальный интерпретант	Эмоциональный	Динамический
III		Рематический индексальный токенальный интерпретант	Энергичный	
IV		Пропозиционный индексальный токенальный интерпретант	Логический	
V	Типальный интерпретант	Рематический иконический типальный интерпретант		Конечный
VI		Рематический индексальный типальный интерпретант		
VII		Пропозиционный индексальный типальный интерпретант		
VIII		Рематический символический типальный интерпретант		
IX		Пропозиционный символический типальный интерпретант		
X		Конклюдантный символический типальный интерпретант		

Пример: «Свисток»

Давайте теперь рассмотрим несколько примеров процессов, в которых возникают различные виды интерпретантов. Для начала мы можем обратить внимание на пример из работ самого Пирса (EP 2:4-5):

Необходимо распознать три различных состояния ума. Во-первых, представьте человека в мечтательном состоянии. Предположим, что он не думает ни о чем, кроме красного цвета. [...] Это крайне похоже на состояние ума, в котором что-то присутствует, без принуждения и без причины; это называется Чувство (Feeling). Кроме как в полусне, никто на самом деле не находится в состоянии чувства, чистого и простого. Но всякий раз, когда мы бодрствуем, что-то присутствует в уме, и то, что присутствует, без всякого принуждения или причины, – это чувство. Во-вторых, представьте, что наш сновидец вдруг слышит громкий и продолжительный паровой свисток. В тот момент, когда свисток начинает звучать, человек оказывается ошарашен. Он инстинктивно пытается убежать; он прижимает руки к ушам. Дело здесь, не столько в том, что человеку это неприятно, сколько в том, что звук себя ему насильно навязывает (*forces itself so upon him*). [...] Это ощущение действия и нахождения под воздействием [...] можно назвать ощущением Реакции. [...] В-третьих, давайте представим, что наш пробудившийся сновидец, не в силах отгородиться от пронзительного звука, вскакивает и пытается скрыться за дверь, которая, как мы полагаем, захлопнулась с грохотом в тот самый момент, когда раздался свист. Но, скажем, как только наш человек открывает дверь свист прекращается. Испытав значительное облегчение, человек решает вернуться на свое место и снова закрывает дверь. Однако не успевает он это сделать, как свист возобновляется. Человек спрашивает себя, не имеет ли к этому отношение закрытие двери, и снова открывает этот таинственный портал. Как только он открывает его, звук прекращается. Теперь он находится в третьем состоянии сознания: он Мыслит. То есть он осознает, что учится или проходит через процесс, в ходе которого обнаруживается, что явление подчиняется какому-то правилу или имеет познаваемый общий способ поведения.

Итак, если мы рассмотрим, какие интерпретанты появляются в описанных здесь процессах, начиная с момента, когда паровой свисток появляется как знак, вот как может выглядеть такой анализ.

Во-первых, мы можем аналитически выделить *(I) тональный интерпретант*, который представляет собой чувство, которое может быть вызвано свистком. Его можно представить себе как чувство, такое же, как чувство красного цвета, описанное в первой части. Это чувство до того, как оно будет распознано как единичное впечатление.

Во-вторых, поскольку свисток распознается как отдельный знак, он тем самым порождает *(II) иконический токенальный интерпретант*, образ звука свистка.

В-третьих, поскольку этот образ звука свистка осознается как нечто реально действующее на «сновидца», он вызывает усилие, которое минимально состоит в реактивном сосредоточении внимания на чем-то, что ошарашивает. Это усилие является *(III) рематическим индексальным токенальным интерпретантом*.

В-четвертых, появляется *(IV) пропозиционный токенальный интерпретант*, когда типичные действия по закладыванию ушей руками и попыткам убежать являются функциональной реакцией на пугающий звук.

В-пятых, возникает привычка, которая превращает закрывание двери в типичную форму поведения. Таким образом, появляется новый *(V) иконический типальный интерпретант*, который инстанцируется в *(III-v) репликативном иконическом токенальном интерпретанте*, который является фактическим событием, когда это типичное поведение распознается в качестве такового. Происходит также подкрепление привычки распознавать свисток как знак. Эта подкрепленная привычка также является *(V) иконическим типальным интерпретантом*.

В-шестых, возникает привычка концентрировать внимание на закрытии двери. Эта привычка является *(VI) рематическим индексальным типальным интерпретантом*. Она инстанцируется в *(III-vi) репликативном рематическом индексальном токенальном интерпретанте*, который является фактическим событием, когда внимание сосредоточено на закрытии двери. Другим *(V) рематическим индексальным типальным интерпретантом* является подкрепленная в итоге привычка фокусировать внимание на свистке.

В-седьмых, возникает привычка, согласно которой открывание двери является функциональной реакцией на свисток. Эта привычка является *(VII) пропозиционным индексальным типальным интерпретантом*. Она инстанцируется в *(IV-vii) репликативном пропозиционном индексальном токенальном интерпретанте* (логическом интерпретанте), который является фактическим событием, когда открывание двери было выполнено как адекватная реакция на свисток.

В-восьмых, возникает понятие о таком звуке, который не прекращается, пока не откроется дверь. Это понятие является *(VIII) рематическим символическим типальным интерпретантом*, который может быть инстанцирован рематическими индексальными знаками-токенами, которые являются *(III-viii) репликативными рематическими символическими токенальными интерпретантами*.

В-девятых, возникает привычная пропозиция, связывающая конкретный свисток с понятием звука, который не прекращается, пока не откроется дверь. Эта привычная пропозиция является *(IX) пропозиционным символическим типальным интерпретантом*. Она может быть инстанцирована пропозиционными индексальными знаками-токенами, которые являются *(IV-ix) репликативными пропозиционными символическими токенальными интерпретантами*.

В-десятых, может возникнуть заключение о том, что вообще такой свисток – это звук, который не прекращается, пока не откроется дверь, которое будет сделано на основании посылок, которые являются пропозициями о конкретных свистках, которые были связаны с понятием свистка, который не прекращается, пока не откроется дверь. Это (X) *конклюзионный типальный интерпретант*.

Как мы видим, десятичастная классификация интерпретантов хорошо ложится на иллюстрацию Пирса о том, как «чувство», «реакция» и «мышление» возникают и соотносятся друг с другом. По сути, мы можем переформулировать объяснение Пирса и сказать, что чувство состоит в производстве иконических тональных интерпретантов и иконических токенальных интерпретантов, реакция – это производство индексальных токенальных интерпретантов, а мышление – это производство типальных интерпретантов.

Пример: «Ружье к ноге!»

В предыдущем примере было показано, как может выглядеть полный процесс производства интерпретантов. Однако это не означает, что любой семиозис будет включать в себя производство всех десяти видов интерпретантов. Давайте теперь проанализируем случай, иллюстрирующий семиотический процесс, в котором производство интерпретантов редуцировано. Для этого мы можем рассмотреть еще один фрагмент из трудов Пирса (CP 8.315):

Значение любого знака для любого человека заключается в том, как он реагирует на этот знак. Когда капитан пехоты произносит команду «Ружье к ноге!», динамический интерпретант состоит в ударе мушкетов о землю, который совершают солдаты, или, скорее, это соответствующее действие их ума. В своих активных / пассивных формах динамический интерпретант бесконечно приближается к характеру конечного / непосредственного интерпретанта; и все же различие между ними абсолютно. Конечный интерпретант состоит не в том, как действует любой разум, а в том, как действовал бы каждый разум. То есть, он состоит в истине, которая может быть выражена в условном предложении такого типа: «Если бы с любым умом случилось то-то и то-то, то этот признак определил бы этот ум к такому-то и такому-то *поведению*». Под «поведением» я понимаю *действия* в соответствии с намерением самоконтроля. Никакое событие, происходящее с каким-либо разумом, никакое действие какого-либо разума не может составить истинность этой условной пропозиции. Непосредственный интерпретант состоит в *качестве* впечатления, которое знак способен произвести, а не в какой-либо фактической реакции. Таким образом, непосредственный и конечный интерпретанты представляются мне совершенно отличными от динамического интерпретанта и друг от друга.

Пирс часто использовал пример с солдатами, реагирующими на команду, в своих объяснениях о «динамических» интерпретантах (например: ILS 285; CP 8.315). Он также рассматривал этот случай, чтобы проиллюстрировать, что интерпретант «не обязательно должен быть ментальным» (CP 5.473). Более того, этот пример был недавно подробно проанализирован в работе [Bennett, 2021] как иллюстрация концепции квазизнаков, которая предполагает, что знаки, подобные этой команде, когда-то были полноценными знаками [Bennett, 2021, p. 194], но теперь превратились в тардознаки, т.е. знаки, которые «не имеют интерпретанта» [Bennett, 2021, p. 197]. Тардознаки – это «постсемиотические» сущности, перешагнувшие за порог символического. Они превращаются в «мемы» [Bennett, 2021, p. 195], которые воспроизводятся по привычке [Bennett, 2021, p. 194].

В свете этого представляется полезным попробовать применить десятичастную классификацию интерпретантов для анализа этого примера с командой «Ружье к ноге!» и показать, какие виды интерпретантов производятся в описанной ситуации и какие теоретически возможные семиотические эффекты в этом случае отсутствуют.

Итак, во-первых, можно заметить, что еще до того, как команда «Ружье к ноге!» вызывает реакцию, она производит (I) *тональный интерпретант* – качество впечатления, которое может возникнуть как эффект от звука команды.

Во-вторых, фраза «Ружье к ноге!» распознается как образ, подобный некоторым предыдущим случаям, когда использовались похожие команды. Таким образом, появляется (II) *иконический токенальный интерпретант*.

В-третьих, возникает (III) *рематический индексальный токенальный интерпретант* – внимание солдат сосредоточено на команде. Однако, что важно, этот интерпретант появляется как (III-vi) *репликативный рематический индексальный токенальный интерпретант*, т.е. как реплика существующего рематического индексального знака-типа (привычка обращать внимание на команду), и не как (по крайней мере, не обязательно как) (III-viii) *репликативный рематический символический токенальный интерпретант*, т.е. не как реплика рематического символического знака-типа (привычка, позволяющая знакам быть ассоциированными с общими понятиями).

В-четвертых, возникает (IV) *пропозиционный токенальный интерпретант*, который заключается в типичном мышечном усилии («удар мушкетов о землю»), произведенном в ответ на типичный вербальный сигнал («Ружье к ноге!»). Однако здесь, подобно тому, что я отметил в предыдущем параграфе, пропозиционный знак-токен возникает как (IV-vii) *репликативный пропозиционный индексальный знак-токен* (реплика привычки (пропозиционного индексального знака-типа) реагировать на типичную команду типичным усилием), но не как (IV-ix) *репликативный пропозиционный символический знак-токен*, то есть не как фактическая

пропозиция, управляемая пропозиционным символическим знаком-типом (привычная пропозиция, которая ассоциирует объект с некоторыми общими идеями).

В-пятых и в-шестых, не появляется никаких новых типальных интерпретантов – *(V) рематических иконических* или *(VI) рематических индексальных*. Однако существующие привычки, позволяющие команде быть *(V)* узнанной и *(VI)* замеченной, подкрепляются.

В-седьмых, также не возникает новых *(VII) пропозиционных индексальных типальных интерпретантов*, но подкрепляется существующая *(VII)* привычка реагировать на типичную команду типичным усилием.

В-восьмых, команда «Ружье к ноге!» не производит никаких *(VIII) рематических символических типальных интерпретантов*. Однако, возможно, она подкрепляет некоторые остаточные языковые привычки, которые связаны с использованием понятий «нога» и «ружье» в качестве *(VIII) рематических символических типальных интерпретантов*.

В-девятых и в-десятых, команда «Ружье к ноге!» не производит *(IX) пропозиционных* или *(X) конклюдентных символических типальных интерпретантов*.

Проведенный анализ, таким образом, может дать более детальное понимание случаев, в которых производство интерпретантов бывает редуцировано. По сути, этот пример показывает, что в случае с командой «Ружье к ноге!» не производятся символические типальные интерпретанты, а также репликативные токенальные интерпретанты, которые являются репликами символических знаков-типов.

Чтобы лучше проиллюстрировать эту специфику примера с командой «Ружье к ноге!», давайте сравним этот случай с другой ситуацией вербального семиозиса. Например, проанализируем процесс интерпретации фразы «Это ружье сломано».

Во-первых, фраза, действительно, способна производить определенное впечатление и, таким образом, имеет *(I) тонального интерпретанта*.

Во-вторых, когда слова этой фразы осознаются как таковые (будучи репликами этих же слов, услышанных ранее), возникает *(II) рематический иконический токенальный интерпретант*.

В-третьих, появляются *(III) рематические индексальные токенальный интерпретанты*, которые возникают как *(III-vi) репликативные рематические символические токенальные интерпретанты*, т.е. как реплики рематических символов, которыми являются слова «ружье» и «сломано» как конвенциональные знаки.

В-четвертых, также появляется *(IV) пропозиционный индексальный токенальный интерпретант*. Точнее, могут появиться три различных пропозиционных индексальных токенальных интерпретанта. Один из них может быть просто *(IV-ix) репликативным пропозиционным символическим токенальным интерпретантом*, т.е. интернализированной ментальной репликой пропозиционного символического знака «Это ружье сломано».

Также может возникнуть (*IV-x*) репликативный конклюдентный символический токенальный интерпретант – как реплика знака-заключения. Такого, например, как «это ружье следует починить». Наконец, еще одним пропозиционным индексальным токенальным интерпретантом может быть (*IV-vii*) репликативный пропозиционный индексальный токенальный интерпретант, то есть реплика пропозиционного индексального знака-типа, который предписывает определенную типичную реакцию как действие совершаемое в ответ на данную фразу. Например, это может быть попытка действительно починить сломанное ружье.

В-пятых, в-шестых и в-седьмых, возникает (*VII*) пропозиционный индексальный типальный интерпретант, который будет заключаться во вновь приобретенной или подкрепленной привычке, предписывающей типичное действие, например, починку ружья, т.е., (*V*) рематический иконический типальный интерпретант, который должен быть актуализирован как привычная реакция, т.е. (*VI*) рематический индексальный типальный интерпретант, на образ фразы типичной фразы «Это ружье сломано», т.е. на другой (*V*) рематический иконический типальный интерпретант.

В-восьмых, возникают (*VIII*) рематические символические типальные интерпретанты, которые представляют собой подкрепленные или измененные привычки интерпретации привычных вербальных рем, таких как «ружье» или «сломано».

В-девятых, фактическая пропозиция «Это ружье сломано» производится как (*VIII*) пропозиционный символический типальный интерпретант.

В-десятых, мы можем представить заключение, которое возникает как (*X*) конклюдентный типальный интерпретант этой фразы. Например, это может быть заключение «это сломанное ружье, поэтому его следует починить».

Итак, в этих двух примерах («Ружье к ноге!» и «Это ружье сломано») мы можем заметить, как вербальные тардознаки отличаются от полноценных вербальных знаков в плане их способности производить различные виды интерпретантов. В частности, это сравнение показывает, что, хотя тардознаки еще производят иконические и индексальные интерпретанты, их способность производить символические интерпретанты (как репликативные символические токенальные интерпретанты, так и символические типальные интерпретанты) редуцирована.

Особенно важно отметить, что при производстве пропозиционных токенальных интерпретантов, в тардознаках такие интерпретанты возникают только как реплики индексальных знаков-типов (то есть как репликативные пропозиционные индексальные токенальные интерпретанты), тогда как в полноценных знаках пропозиционные токенальные интерпретанты возникают еще и как репликативные символические токенальные интерпретанты.

Пример: Зоосемиозис и протосемиозис

В предыдущих примерах речь шла исключительно об антропосемиозисе. Однако сфера применения десятичастной классификации интерпретантов антропосемиозисом не ограничивается. Однако, поскольку семиотические агенты отличаются по своей адаптивности, сложности и функциональности, мы можем предположить, что формы семиозиса в них также различны. В частности, мы можем ожидать, что некоторые организмы, например, насекомые или бактерии, могут иметь более ограниченную способность к производству интерпретантов по сравнению с человеком. Но в чем именно состоит это различие? Давайте рассмотрим, как работает производство различных видов интерпретантов у насекомых на примере классического примера зоосемиозиса из трудов Якоба фон Иксюля [Uexküll, 1992, p. 321]; цит. по: [Князева, 2015]:

[Самка клеща] взбирается с помощью полного комплекта восьми ног на кончик выступающего сучка на излюбленном ею кусте, чтобы с достаточной высоты суметь упасть на пробегающее мимо маленькое млекопитающее или быть стряхнутой с куста и попасть на большее по размеру млекопитающее. Дорогу на свою сторожевую башню лишнее глаз животное находит с помощью общей светочувствительности кожи. О приближении добычи этот слепой и глухой разбойник с большой дороги может судить с помощью своего чувства обоняния. Нежный запах масляной кислоты, выделяемый кожными железами всех млекопитающих, действует на клеща как сигнал, чтобы покинуть свой сторожевой пост и стремительно упасть.

Во-первых, тот факт, что клещ действительно способен ощущать запах масляной кислоты, позволяет нам говорить о *(I) тональном интерпретанте*, который проявляется как чувство, которое запах масляной кислоты потенциально может вызвать у клеща.

Во-вторых, клещ действительно распознает запах масляной кислоты как некое типичное чувство. Таким образом, возникает *(II-v) репликативный иконический токенальный интерпретант*.

В-третьих, поскольку запах масляной кислоты сменяет прежнее чувство в клеще и тем самым создает усилие, мы можем говорить о *(III-vi) репликативном рематическом индексальном токенальном интерпретанте*.

В-четвертых, появляется *(IV-vi) репликативный пропозиционный индексальный токенальный интерпретант*, который является «естественной пропозицией» [Stjenfelt, 2014] – событие «клещ падает» работает как типичная функциональная реакция на запах масляной кислоты.

В-пятых, в-шестых и в-седьмых, в случае, если реакция действительно окажется функционально адекватной, и клещ удачно совершит соответствующее действие и выживет, он тем самым подкрепит свои привычки (т.е. *(V) рематические иконические*, *(VI) рематические индексальные* и

(VII) пропозиционные индексальные типальные интерпретанты), которые позволили произвести репликативные токенальные интерпретанты, упомянутые выше.

Что, как кажется, отсутствует в этом семиотическом процессе, так это производство (VIII, IX, X) символических типальных интерпретантов и (III-viii, IV-ix, IV-x) репликативных символических токенальных интерпретантов. Таким образом, мы можем увидеть много сходства между тардосемиотическим процессом вокруг команды «Ружье к ноге!» и этим зоосемиотическим процессом у клеща. Единственное различие между этими двумя примерами с точки зрения производства интерпретантов, по видимому, заключается в том, что «Ружье к ноге!» действительно сохраняет некоторые остаточные элементы производства символических интерпретантов.

Важно отметить, что если мы рассмотрим пример биосемиозиса с еще более редуцированной репрезентацией объектов, мы сможем увидеть ту же динамику производства интерпретантов, в которой производство символических типальных интерпретантов отсутствует, но тональные, токенальные и несимволические типальные интерпретанты производятся. Так обстоит дело, например, в случае протосемиозиса, который описывается в [Sharov, Vehkavaara, 2015]:

Бактериальные клетки используют белковые рецепторы, встроенные в цитоплазматическую мембрану, как инструменты для различения состояний окружающей среды. Рецепторы обладают высокой специфичностью в связывании определенных молекул (например, глюкозы), и после связывания они активируют внутриклеточные сигнальные молекулы, которые затем вызывают определенные действия, такие как вращение жгутиков (т.е. внешних белковых придатков) для продвижения бактериальной клетки вперед.

Здесь бактерии распознают изменения в окружающей среде, и эти изменения вызывают типичные функциональные усилия в ответ. Таким образом, в этом случае также возникают (I) тональный интерпретант и (II, III, IV) токенальные интерпретанты. Более того, поскольку успешно произведенная типичная реакция в конечном итоге подкрепляет соответствующие привычки (V) распознавания и (VI, VII) реагирования, то можно сказать, что также в этом случае производятся и несимволические¹ ти-

¹ Можно утверждать, что «естественные предложения», подобные тем, которые мы наблюдаем в примере с бактериями, производящими типичную реакцию на типичный сигнал, «должны быть описаны как символические» [Stjernfelt, 2014, p. 142]. Тогда различие между квазисемиозом и полноценным семиозом, которое, как я предполагаю, может быть проведено, в частности, на основании отсутствия или наличия символических интерпретантов, не выдерживается. Однако, даже если такая интерпретация категории символа у Пирса возможна, я не вижу достаточно веских аргументов, чтобы предполагать наличие символическости у знаков-пропозиций, которые можно объяснить без нее, т.е. как реплики не символических, а индексальных легизмов.

пальные интерпретанты. Таким образом, общий процесс семиозиса у бактерий, с точки зрения производства интерпретантов, не отличается от такового у клеща.

Заключение

Подводя итог, следует еще раз сказать, что, ставя перед собой задачу по выработке развернутой классификации интерпретантов, я, в первую очередь, рассматривал такую классификацию как элемент теории семиотической причинности. Предлагаемая мною схема основана на идее Пирса о том, что интерпретанты сами являются знаками, порожденными другими знаками. Основываясь на этой идее, я предложил использовать десятичную пирсовскую номенклатуру знаков в качестве основы для классификации интерпретантов.

В результате я сформировал десятичную классификацию интерпретантов, которая изоморфна пирсовской классификации знаков. Следуя принципам пирсовской систематики знаков, я предлагаю разделить интерпретанты на три вида: тональные интерпретанты (интерпретанты, которые являются знаками-тонами), токенальные интерпретанты (интерпретанты, которые являются знаками-токенами) и типальные интерпретанты (интерпретанты, которые являются знаками-типами). Я также различаю иконические, индексальные и символические интерпретанты, а также рематические, пропозиционные и конклюзионные интерпретанты. Кроме того, я выделяю специальные подклассы токенальных интерпретантов для токенальных интерпретантов, возникающих как реплики знаков-токенов.

Я проанализировал несколько примеров антропосемиотических (как вербальных, так и невербальных), зоосемиотических и протосемиотических процессов, исследуя, какие виды интерпретантов в них возникают. Анализ показал, что десятичное деление интерпретантов оказывается эффективно как для различения нюансов эффектов, возникающих в процессе семиозиса, так и для выделения различий между процессами семиозиса у разных видов агентов. В частности, я показал, что предложенная классификация интерпретантов хорошо согласуется с проводившимся Пирсом различением между чувством, реакцией и мышлением. В моей схеме чувство соответствует производству иконических тональных интерпретантов и иконических токенальных интерпретантов, реакция соответствует производству индексальных токенальных интерпретантов, а мышление соответствует производству типальных интерпретантов.

Я также показал, что тардознаки производят иконические и индексальные интерпретанты. Однако их способность производить символические интерпретанты, а также токенальные интерпретанты, которые являются репликами символических знаков, редуцирована. В этом отношении они очень похожи на другой вид квазизнаков – на протознаки. Таким

образом, различные виды квазизнаков, как я продемонстрировал, имеют сходные ограничения, когда речь идет о их способности производить интерпретанты.

Список литературы

- Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 30–44.
- Barbieri M.A. Mechanistic Model of Meaning // Biosemiotics. – 2011. – Vol. 4, № 1. – P. 1–4. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12304-010-9103-z>
- Bennett T.J. Detotalization and retroactivity: Black pyramid semiotics : Dissertation for defence for the Degree of Doctor of Philosophy (in Semiotics and Culture Studies). – Tartu : University of Tartu, 2021. – 238 p.
- Bergman M. Beyond Explication: Meaning and Habit-Change in Peirce's Pragmatism // Consensus on Peirce's Concept of Habit: Before and Beyond Consciousness / D.E. West & M. Anderson (eds.). – Springer International Publishing, 2016. – P. 171–197. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-45920-2_11
- Eco U. Peirce's Notion of Interpretant // MLN. – 1976. – Vol. 91, N 6. – P. 1457–1472. – URL: <https://doi.org/10.2307/2907146>
- Fitzgerald J.J. Peirce's Theory of Signs as Foundation for Pragmatism. – The Hague : Mouton, 1966. – 182 p.
- Fomin I. Poti-Interpretants, Sin-Interpretants, and Legi-Interpretants: Rethinking Semiotic Causation as Production of Signs // Biosemiotics. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09535-w>
- Garson J. Function and Teleology // A Companion to the Philosophy of Biology / John Wiley & Sons, Ltd. – 2007. – P. 525–549. – URL: <https://doi.org/10.1002/9780470696590.ch28>
- Hoffmeyer J. Semiotic Scaffolding Of Living Systems // Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis / M. Barbieri (ed.). – Springer Netherlands, 2007. – P. 149–166. – URL: https://doi.org/10.1007/1-4020-4814-9_6
- Interpretant // The Commens Dictionary: Peirce's Terms in His Own Words (New Edition) / M. Bergman & S. Paavola (eds.). – Commens, 2022. – URL: <http://www.commens.org/dictionary/term/interpretant>
- Lalor B.J. The classification of Peirce's interpretants // Semiotica. – 1997. – Vol. 114, N 1/2. – P. 31–40. – URL: <https://doi.org/10.1515/semi.1997.114.1-2.31>
- Liszka J.J. Peirce's Interpretant // Transactions of the Charles S. Peirce Society. – 1990. – Vol. 26, N 1. – P. 17–62.
- Liszka J.J. A general introduction to the semeiotic of Charles Sanders Peirce. – Indiana University Press, 1996. – xi, 151 p.
- Nöth W. Habits, Habit Change, and the Habit of Habit Change According to Peirce // Consensus on Peirce's Concept of Habit: Before and Beyond Consciousness / D.E. West & M. Anderson (eds.). – Springer International Publishing, 2016. – P. 35–63. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-45920-2_3
- Peirce C.S. On the System of Existential Graphs Considered as an Instrument for the Investigation of Logic. – MS [R] 499(s), 1906 [c.].
- Peirce C.S. Pragmatism. – MS [R] 318, 1907.
- Peirce C.S. The collected papers of Charles S. Peirce : Vol. 1–8 / C. Hartshorne, P. Weiss, & A.W. Burks (eds.). – Harvard University Press, 1931–1966.
- Peirce C.S., Houser N., Kloesel C.J.W. The essential Peirce: Selected philosophical writings : Vols. 1–2. – Indiana University Press, 1992–1998.

- Peirce C.S. Illustrations of the Logic of Science / C. de Waal (ed.). – Open Court, 2014. – 352 p.
- Peirce C.S. Charles S. Peirce. Selected Writings on Semiotics, 1894–1912 / F. Bellucci (ed.). – Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2020. – 333 p.
- Prodi G. Material bases of signification // *Semiotica*. – 1988 – Vol. 69, N 3/4. – P. 191–242. – URL: <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>
- Robin R.S. Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce. – University of Massachusetts Press, 1967. – xxviii, 268 p.
- Robin R.S. The Peirce Papers: A Supplementary Catalogue // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. – 1971. – Vol. 7, N 1. – P. 37–57. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40319603>
- Schmidt J.A. Peirce's evolving interpretants // *Semiotica*. – 2022. – Vol. 2022, № 246. – P. 211–223. – URL: <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0115>
- Sharov A.A., Vehkavaara T. Protosemiosis: Agency with Reduced Representation Capacity // *Biosemiotics*. – 2015. – Vol. 8, N 1. – P. 103–123. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12304-014-9219-7>
- Sharov A., Tønnessen M. Glossary // *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* / A. Sharov & M. Tønnessen (eds.). – Springer International Publishing, 2021a. – P. 349–360. – URL: <https://link.springer.com/content/pdf/bbm:978-3-030-89484-9/1>
- Sharov A., Tønnessen M. Historical Overview of Developments of Notions of Agency // *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* / A. Sharov & M. Tønnessen (eds.). – Springer International Publishing, 2021b. – P. 23–56. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_2
- Sharov A., Tønnessen M. Introduction // *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* / A. Sharov & M. Tønnessen (eds.). – Springer International Publishing, 2021b. – P. 3–21. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_1
- Sharov A., Tønnessen M. Semiosis // *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* / A. Sharov & M. Tønnessen (eds.). – Springer International Publishing, 2021b. – P. 189–223. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_7
- Short T.L. Life among the Legisigns // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. – 1982. – Vol. 18, N 4. – P. 285–310. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40319992>
- Short T.L. Interpreting Peirce's Interpretant: A Response To Lalor, Liszka, and Meyers // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. – 1996. – Vol. 32, N 4. – P. 488–541. – URL: <https://www.jstor.org/stable/27794984>
- Stjernfelt F. Natural Propositions: The Actuality of Peirce's Doctrine of Dicsigns. — Docent Press, 2014. – 328 p.
- Uexküll J.V. A stroll through the worlds of animals and men: A picture book of invisible worlds // *Semioica*. – 1992. – Vol. 89, N 4. – P. 319–391. – URL: <https://doi.org/10.1515/semi.1992.89.4.319>

Ivan Fomin¹

**Semiotic causality as the generation of signs.
About ten types of interpretants**

Abstract. The article is devoted to the development of the concept of semiotic causality and the nomenclature of interpretants produced by signs. The proposed scheme takes as its starting point Charles Peirce's idea that the interpretant is itself a sign that is generated by another sign. Based on this, the study develops an approach that suggests that Peirce's ten-part

¹ **Fomin Ivan Vladilenovich**, candidate of political sciences, independent researcher; fomin.i@gmail.com

classification of signs can be used as a basis for classifying interpretants. The proposed nomenclature distinguishes tonal interpretants (interpretants that are tone signs), token interpretants (interpretants that are token signs) and typical interpretants (interpretants that are type signs); iconic, indexical and symbolic interpretants; rhematic, propositional and conclusive interpretants. It is discussed how such a taxonomy relates to the triads of interpretants according to Peirce: with the triad of immediate, dynamic and final interpretants, as well as emotional, energetic and logical interpretants. It also explores how this nomenclature can be used to distinguish between the types of semiosis inherent in different types of agents. In particular, it is demonstrated how it can be applied to analyze various biosemiotic and anthrosemiotic processes that unfold during the functioning of full-fledged signs and quasi-signs. It is shown that the processes of protosemiosis and tardosemiosis, as well as some cases of zoosemiosis, are characterized by a reduction in the production of symbolic interpretants.

Keywords: semiotic causality; interpretant; initial interpretant; direct interpretant; dynamic interpretant; final interpretant; emotional interpretant; energy interpretant; logical interpretant; sign; quasi-sign; Peirce; semiotics.

For citation: Fomin I.V. (2023) Semiotic causality as the generation of signs. About ten types of interpretants. METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 68–91. DOI: 10.31249/method/2023.02.08

References

- Barbieri, M. (2011). A Mechanistic Model of Meaning. *Biosemiotics*, 4(1), 1–4. <https://doi.org/10.1007/s12304-010-9103-z>
- Bennett, T. J. (2021). *Detotalization and retroactivity: Black pyramid semiotics [Dissertation for defence for the Degree of Doctor of Philosophy (in Semiotics and Culture Studies)]*. University of Tartu.
- Bergman, M. (2016). Beyond Explication: Meaning and Habit-Change in Peirce's Pragmatism. In D.E. West & M. Anderson (Eds.), *Consensus on Peirce's Concept of Habit: Before and Beyond Consciousness* (pp. 171–197). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45920-2_11
- Eco, U. (1976). Peirce's Notion of Interpretant. *MLN*, 91(6), 1457–1472. <https://doi.org/10.2307/2907146>
- Fitzgerald, J.J. (1966). *Peirce's Theory of Signs as Foundation for Pragmatism*. The Hague: Mouton.
- Fomin, I. (2023). Poti-Interpretants, Sin-Interpretants, and Legi-Interpretants: Rethinking Semiotic Causation as Production of Signs. *Biosemiotics*. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09535-w>
- Garson, J. (2007). Function and Teleology. In *A Companion to the Philosophy of Biology* (pp. 525–549). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9780470696590.ch28>
- Hoffmeyer, J. (2007). Semiotic Scaffolding Of Living Systems. In M. Barbieri (Ed.), *Introduction to Biosemiotics: The New Biological Synthesis* (pp. 149–166). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/1-4020-4814-9_6
- Interpretant. (2022). In M. Bergman & S. Paavola (Eds.), *The Commens Dictionary: Peirce's Terms in His Own Words (New Edition)*. Commens. <http://www.commens.org/dictionary/term/interpretant>
- Knyazeva, H.N. (2015). The concept of "Umwelt" by Jakob von Uexküll and its significance for modern epistemology. *Voprosy filosofii*, 5, 30–44.
- Lalor, B.J. (1997). The classification of Peirce's interpretants. *Semiotica*, 114(1–2), 31–40. <https://doi.org/10.1515/semi.1997.114.1-2.31>
- Liszka, J.J. (1990). Peirce's Interpretant. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 26(1), 17–62.
- Liszka, J.J. (1996). *A general introduction to the semeiotic of Charles Sanders Peirce*. Indiana University Press.

- Nöth, W. (2016). Habits, Habit Change, and the Habit of Habit Change According to Peirce. In D.E. West & M. Anderson (Eds.), *Consensus on Peirce's Concept of Habit: Before and Beyond Consciousness* (pp. 35–63). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45920-2_3
- Peirce, C. S. (1906 [c.]). On the System of Existential Graphs Considered as an Instrument for the Investigation of Logic. MS [R] 499(s).
- Peirce, C. S. (1907). Pragmatism. MS [R] 318.
- Peirce, C. S. (1931-1966). *The collected papers of Charles S. Peirce* (C. Hartshorne, P. Weiss, & A.W. Burks, Eds.; Vols. 1–8). Harvard University Press.
- Peirce, C.S., Houser, N., & Kloesel, C.J.W. (1992–1998). *The essential Peirce: Selected philosophical writings* (Vols. 1–2). Indiana University Press.
- Peirce, C.S. (2014). *Illustrations of the Logic of Science* (C. de Waal, Ed.). Open Court.
- Peirce, C.S. (2020). *Charles S. Peirce. Selected Writings on Semiotics, 1894–1912* (F. Bellucci, Ed.). Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
- Prodi, G. (1988). Material bases of signification. *Semiotica*, 69(3–4), 191–242. <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>
- Robin, R.S. (1967). *Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce*. University of Massachusetts Press.
- Robin, R.S. (1971). *The Peirce Papers: A Supplementary Catalogue*. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 7(1), 37–57. <https://www.jstor.org/stable/40319603>
- Schmidt, J.A. (2022). Peirce's evolving interpretants. *Semiotica*, 2022(246), 211–223. <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0115>
- Sharov, A.A., & Vehkavaara, T. (2015). Protosemiosis: Agency with Reduced Representation Capacity. *Biosemiotics*, 8(1), 103–123. <https://doi.org/10.1007/s12304-014-9219-7>
- Sharov, A., & Tønnessen, M. (2021a). Glossary. In A. Sharov & M. Tønnessen (Eds.), *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* (pp. 349–360). Springer International Publishing. <https://link.springer.com/content/pdf/bbm:978-3-030-89484-9/1>
- Sharov, A., & Tønnessen, M. (2021b). Historical Overview of Developments of Notions of Agency. In A. Sharov & M. Tønnessen (Eds.), *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* (pp. 23–56). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_2
- Sharov, A., & Tønnessen, M. (2021c). Introduction. In A. Sharov & M. Tønnessen (Eds.), *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* (pp. 3–21). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_1
- Sharov, A., & Tønnessen, M. (2021d). Semiosis. In A. Sharov & M. Tønnessen (Eds.), *Semiotic Agency: Science beyond Mechanism* (pp. 189–223). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89484-9_7
- Short, T.L. (1982). Life among the Legisigns. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 18(4), 285–310. <https://www.jstor.org/stable/40319992>
- Short, T.L. (1996). Interpreting Peirce's Interpretant: A Response To Lalor, Liszka, and Meyers. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 32(4), 488–541. <https://www.jstor.org/stable/27794984>
- Stjernfelt, F. (2014). *Natural Propositions: The Actuality of Peirce's Doctrine of Dicisigns*. Docent Press.
- Uexküll, J.V. (1992). A stroll through the worlds of animals and men: A picture book of invisible worlds. *Semiotica*, 89(4), 319–391. <https://doi.org/10.1515/semi.1992.89.4.319>

СИГНИФИКА ВИКТОРИИ УЭЛБИ

DOI: 10.31249/metod/2023.02.09

СКРИПНИК К.Д.¹

СИГНИФИКА ВИКТОРИИ УЭЛБИ: ТЕМАТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Аннотация. В фокусе внимания статьи находятся идеи леди Виктории Уэлби, имя и работы которой стали предметом исследования после практически полувекового периода «умолчания». Явные ссылки на идеи сигнифики имеются лишь в работах Пирса и некоторых участников движения сигнифики в Нидерландах, относительно вскользь ее имя упоминается Б. Расселом, Ч. Огденом и некоторыми другими учеными. В отечественной литературе отсутствуют переводы работ Уэлби, хотя имеется небольшое число информационных, комментирующих и компаративных исследований. Цель статьи – продемонстрировать эксплицитные и возможные связи между теорией сигнифики, развитой в трудах леди Виктории Уэлби в разные периоды ее творчества, и более поздними работами. Автор считает возможным говорить о тематических и методологических параллелях между идеями Уэлби и работами Ч. Морриса, Л. Витгенштейна, П. Стросона, Р. Якобсона. В сигнифике значение рассматривается не только в референциальном смысле, но и в широком спектре факторов и зависимостей, среди которых немаловажную роль играют интенция, коммуникация, следствия и ценности. Сходным образом Ч. Моррис считал важнейшей задачей объединение общей теории знаков и общей теории ценностей. Выявляются параллели в понимании значения слова в сигнифике и в работах «позднего» Л. Витгенштейна, а также у Дж. Остина и Дж. Серля. Исследования роли метафоры и условий ее адекватного использования в сигнифике могут быть успешно интегрированы с подходом к метафорам в философии П. Стросона. Автор полагает, что имеются серьезные параллели в применении методологического инструментария, в частности метода аналогии и анализа. В случае последнего речь идет о сходстве сигнифики как метода и коннективного анализа П. Стросона; особое внимание уделено анализу значения как перевода в семиотическом смысле, связанном с понятием кода, и более позднему подходу к пониманию процедуры перевода у Р. Якобсона. С точки зрения автора, установление параллелей между теорией сигнифики и путей возможного их влияния на более поздние исследования открывает новые перспективы.

Ключевые слова: Уэлби; сигнифика; значение; метафора; теория перевода.

Для цитирования: Скрипник К.Д. Сигнифика Виктории Уэлби: тематико-методологическая ретроспектива // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Выпуск 13. Т. 3. № 2. С. 95–115. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.09

¹ Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор Южного федерального университета; skd53@mail.ru

© Скрипник К.Д. 2023

Введение

Когда в октябре 1903 г. в журнале *The Nation* [Peirce, 1979, p. 143–145] появилась рецензия Ч. Пирса на две книги, авторами которых были Б. Рассел и В. Уэлби, имя последней было мало знакомо американскому читателю. Столь же мало оно было знакомо и российскому читателю, когда на русском языке вышли обширные фрагменты писем Пирса к Виктории Уэлби [Пирс, 2000]. Имя и работы Уэлби в течение почти полувека были вне поля зрения исследователей. Интерес к ее наследию стал возрождаться благодаря публикации ее многочисленной переписки – не только с Пирсом, начало которой было положено упомянутой рецензией, но и со многими известными людьми ее времени. Статьи, посвященные личности и работам Уэлби, вышли и на русском языке¹.

Трудно объяснить причины подобного «умолчания», которое лишь изредка прерывалось упоминанием имени Виктории Уэлби. Так, известно, какую помощь она оказала Ч. Огдену, одному из авторов знаменитой книги «Значение значения» [Ogden, Richards, 1923], в которой тем не менее ее имя упомянуто только вскользь. Рассел, чье имя в рецензии Пирса стояло в одном ряду с именем Уэлби, выражал крайнее недовольство рецензией Пирса: хотя он состоял в корреспонденции с Уэлби, в одном из писем Филиппу Журдену [Grattan-Guinness, 1977, p. 111] он признавался в своем nepозволительном и даже «грубом» отношении к ней. Можно предположить, что в этом отчасти проявлялось общее понимание роли, положения и возможностей женщин в викторианскую эпоху, хотя ввиду высокого социального статуса Уэлби (она была крестницей и – в течение некоторого времени – фрейлиной королевы Виктории) невозможно было отказать в ответах на ее письма и сформулированные в них вопросы и взгляды. Даже Пирс в своей рецензии называет книгу Уэлби («*What is Meaning?*») «женской», утверждая, что отдельные ее части «слишком мужской ум может признать болезненно слабыми». Правда, вместе с тем он пишет об обеих книгах как о «двух действительно важных работах по логике» (рецензируемая книга Рассела – *The Principles of Mathematics*).

В работах, исследующих концепцию Уэлби, изложены ее базовые характеристики, однако нельзя говорить о всестороннем изучении данной концепции, потенциал которой представляется гораздо бóльшим. В отношении к идеям и книгам прошлого времени достаточно много «подводных камней» и различных подходов; уместно привести слова математика

¹ Перечень публикаций на русском языке по данным научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU насчитывает около 20 названий; укажу лишь фамилии авторов, работы которых чаще всего встречаются в указанной базе данных (в алфавитном порядке): О. Ирисханова, М. Киосе, В. Ляшов, Е. Шашлова и автор этих строк. В работах выразительно представлены как публикации самой Уэлби, так и исследовательская и комментаторская литература.

Ю. Манина: «Есть два разных способа читать старые тексты: при одном способе читатель стремится понять время, когда они были написаны, и культуру, к которой этот текст относился, при другом читатель стремится пролить свет на ценности и предрассудки нашего времени» [Манин, 2008, с. 17–18]. В своих размышлениях об истории математики Манин сознательно принимает, по его словам, «модернизаторскую» точку зрения. Отчасти в кильватере этой точки зрения в данном тексте предпринимается попытка продемонстрировать некоторые «продолжения» исследовательских тем, обсуждаемых Уэлби, и использованных ею методов анализа, рассуждения и обоснования в более поздних в работах даже тех авторов, которые ни в малой степени не упоминают ее имя, не ссылаются на ее работы.

Попытка может быть расценена как анахронизм и даже подвергнута критике за это, но, думаю, когда позиция формулируется сознательно, на первое место выходят несколько иные соображения. Первое: известно выражение, что «идеи витают в воздухе» и могут прийти в голову несвязанным друг с другом людям. Подобное совпадение лишней раз подчеркивает значимость и важность таких идей. Нечто похожее мы наблюдаем в случае с Уэмбли и Пирсом: размышляя о совпадении некоторых положений своей концепции и концепции Уэлби, Пирс в одном из своих писем оговаривается: «Не думаю, что я составил свои трихотомии в том виде, который они имеют, под влиянием Вашей книги, и вполне убежден, что никакое подобное влияние не имело места. Хотя, конечно, это могло получиться бессознательно. При чтении Вашей книги мой ум мог глубоко впитать Ваши идеи таким образом, что я этого теперь совершенно не помню. <...> причиной тому послужило наше общее стремление к истине» [Пирс, 2000, с. 318]. Второе: исследователи в различных областях знания могут и должны общаться «поверх» времени, в режиме диалога, явного или неявного, устного или письменного, реального или устанавливаемого «третьим лицом». Диалоговая природа знания вообще и гуманитарного в особенности стала, думаю, общепризнанной, хотя эта точка зрения прошла длительный путь своего утверждения – одной из вех на этом пути являются и работы Уэлби. (Нелишним будет еще раз акцентировать значимость ее эпистолярного наследия: она не только переписывалась с учеными, но и знакомила с их письмами других, помогая установить личные и научные связи, создавая, подобно М. Мерсенну, сеть научных коммуникаций.) Третье: узнавая обстоятельства ее жизни Уэлби, изучая ее труды, концепции и практические идеи, невозможно не попасть под ее личное и профессиональное «обаяние», стимулирующее желание познакомиться с ней и ее работами как можно большее число людей.

Проблема значения

Среди тем, которыми был занят ум Уэлби и в обсуждении которых ей заслуженно принадлежит первое место, может быть названа проблема значения. Интерес к значению (главным образом к значению слов) был выражен уже в «Кратиле» Платона, с именем которого связывают одну из классических традиций – традицию спекулятивной этимологии. В качестве двух других выделяют риторическую традицию и традицию классической лексикографии. Академический интерес к исследованию значения проявился не раньше второй половины XIX в., преимущественно в работах таких лингвистов, как М. Бреаль и Х. Пауль. В развитии современной философии и логики важнейшую роль сыграла работа Г. Фреге *Über Sinn und Bedeutung (О смысле и значении)*.

Читая и пытаясь осмыслить научные исследования конца XIX в., опубликованные в многочисленных научных и философских статьях, Виктория Уэлби убедилась, что в них нет ясности и точности используемой терминологии. Стандартные вопросы о том, что имеется в виду, сами оказываются запутанными, допускают вариативные ответы в зависимости от исходных допущений, принятых определений или контекста использования. На данную ситуацию обращает внимание и Дж. Мур в своих «Принципах этики»: «...в этике, как и во всех других областях философского исследования, трудности и разногласия, которыми полна их история, возникают в основном по одной, весьма простой причине, а именно: в силу того, что ученые пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать. <...> ...Философы, по-видимому, вообще не пытаются точно устанавливать, что же они хотят решить... они постоянно стремятся доказать, что с помощью «да» или «нет» можно ответить на вопросы, которые ни один из этих ответов не удовлетворяет вследствие того, что проблема, которую они пытаются решить, представляет собой не одну проблему, а несколько, каждая из которых требует различного решения» [Мур, 1984, с. 37]. Уэлби считает, что требуется обратить внимание на природу значения – не только с лингвосемантической точки зрения, не только с точки зрения необходимости разработки точного словаря, но с гораздо более широкой точки зрения, когда речь должна идти об учете как вербальных, так и множества невербальных факторов и зависимостей.

Именно это Уэлби и предпринимает в своих работах – как в [Welby, 1983], так и в более ранних работах. В центре ее внимания оказывается вся совокупность процессов означивания как процессов придания значения, его понимания и интерпретации, а также их способности к развитию и трансформации в широком контексте всех человеческих способностей – эмпирических, когнитивных и выразительно-экспрессивных. Значение предстает не просто как референция, а как сложный комплекс, включающий три уровня: «смысл», «значение» и «значимость». Уровень «значимо-

сти» является интегрирующим, а само понятие значимости – центральным в том концептуальном и методологическом каркасе, который получает название «сигнифика». В последней книге Уэлби приводится следующее определение: «Сигнифика может быть кратко и условно определена как изучение природы значимости во всех ее формах и отношениях, и, следовательно, ее действия во всех возможных сферах человеческих интересов и целей» [Welby, 1985, p. vii].

Что касается трех уровней значения, то уровень «смысла» представляет собой самый примитивный уровень дорациональной жизни, исходного восприятия, непосредственной реакции на окружающую среду. Знаки (вербальные и невербальные) используются здесь без какой-либо рефлексии, именно поэтому применяется слово *sense*, тесно связанное с чувственно данным. Уровень «значения» есть уровень рациональной жизни, на котором существенны интенциональные и волевые характеристики означивания, когда оно сопряжено с контекстуальными характеристиками коммуникативного процесса. Третий уровень, уровень «значимости», включающий в себя первые два, дополняется следствиями и ценностями, характеризующими действительную значимость чего-либо (вербального или невербального события, опыта, то есть знаков) для индивида.

Используемые Уэлби методологические подходы появились в сфере интересов других ученых и философов гораздо позже. Исследовательский приоритет подтверждают слова Рассела, который в 1923 г. в рецензии на недавно опубликованную книгу Огдена и Ричардса отмечает: «Когда в юности я изучал то, что называлось “философией” <...> – никто никогда не говорил мне о том, что такое “значение”. Позже я узнал о работе леди Уэлби по этому вопросу, но не принял ее всерьез. Я полагал, что логика может быть достигнута, если принять как должное, что символы всегда, так сказать, прозрачны и никоим образом не искажают объекты, которые они должны были “означать”. Чисто логические проблемы постепенно уведили меня все дальше и дальше от этой точки зрения» [Russell, 1988, p. 138].

Позже, размышляя о своем философском развитии, Рассел пишет: «Была и другая проблема, которая начала интересовать меня примерно в то же самое время, то есть около 1917 г. Это была проблема отношения языка к фактам. Эта проблема состояла из двух частей: первая касалась словаря, вторая – синтаксиса. До моего интереса к ней проблема затрагивалась различными людьми. Леди Уэлби написала о ней книгу, и Шиллер всегда подчеркивал ее важность. Но я думал о языке как предмете транспарентном, иными словами, как о посреднике, который возможно использовать без особого к нему внимания. <...> Но я никогда не чувствовал какой-либо симпатии к тем, кто трактовал язык как некоторую автономную область. Существенным в языке является то, что он обладает значением, то есть что он соотносится с чем-то другим, нежели он сам, которое является, в общем, нелингвистическим» [Russell, 1959, p. 13–14.].

Темы и подходы сигнифики Уэлби нашли свое явное и имплицитное отражение и параллели у ряда авторов, среди которых ее современники Ч. Пирс и Ч. Огден (подробно влияние Уэлби на Огдена рассмотрел Д. Макэлвенни [McElvenny, 2019]). Данные темы и методы проявляются даже в тех работах, которые не содержат каких бы то ни было отсылок к идеям сигнифики. Пирс в явном виде ссылаясь на имеющиеся совпадения между его подходом и сигнификой Уэлби. Помимо приведенных выше его слов о возможном подспудном влиянии на него идей сигнифики, он и в явном виде признавал имеющиеся связи между их взглядами: «...признаюсь, – пишет он в письме к Виктории Уэлби от 14 марта 1909 г., – я не предполагал, насколько фундаментальна Ваша трихотомия Смысл – Значение – Значимость. <...> Теперь я считаю, что (моя классификация трех типов Интерпретанта) почти совпадает с Вашей, как тому, впрочем, и должно быть, если обе они верны. <...> ... я испытываю радость от того, что мои соображения оказались почти в полном согласии с Вашими, ибо думаю, что причиной тому послужило наше общее стремление к истине» [Пирс, 2000, с. 318].

Однажды Уэлби заметила, что не вполне знакома с концепцией Гегеля, но триадическая структура для нее весьма существенна. Подобная структура не только характеризует уровни значения, но распространяется на более широкий горизонт, что сопровождается изменением терминологии и концептуального содержания. Триаде «смысл – значение – значимость» соответствует различие между «значением», «намерением» и «идеальной ценностью», где ссылка на смысл является «чувственной», или «инстинктивной», ссылка на значение – «волевой», а ссылка на значимость – «моральной». Сходным образом в концепции сигнифики имеются триады «инстинкт – восприятие – представление» для уровней психического процесса у человека, и «планетарное – солярное – космическое» для различных типов опыта, знания и сознания. Данные триады могут «надстраиваться» одна над другой, создавая универсальную схему когнитивной, эпистемологической и онтологической перспективы.

Подобной же «универсалистской» перспективой обладает и триадическая модель знака Пирса, сопряженная с идеей неограниченного (непрерывного) семиозиса, процесса означивания. Действительно, один из элементов триадической модели знака – интерпретант, который в концепции Пирса также является знаком, – тогда он тоже обладает триадической структурой, в которой имеется интерпретант, который опять же является знаком и, следовательно, обладает интерпретантом, – и данный процесс непрерывен. Несложно проиллюстрировать это на примере истории философии: скажем, Аристотель пишет «Метафизику» в поисках науки, которая рассматривала бы «причины и начала, наука о которых есть мудрость». В. Зубов пишет книгу «Аристотель», я читаю эту книгу и пишу эссе «Аристотель в интерпретации Зубова», мой коллега пишет статью, объясняя мою позицию по отношению к интерпретации Зубова, и так далее.

Означивание как порождение значения продолжается, появляются новые знаки, их интерпретации в виде новых знаков.

Триадическая структура характерна и для Ч. Морриса, который вводит уровни изучения знаков и знаковых систем и книгу которого [Morris, 1938] иногда называют (теперь, думаю, ясно, что называют ошибочно) первой в XX в. книгой по семиотике. Синтактика, семантика и прагматика Морриса не только повторение средневекового тривиума, но универсальная схема, создающая как образовательный фундамент, так и основные типы дискурса, и реализующая попытку отождествления философии с теорией знаков. Параллели с сигнификой Уэлби здесь несомненны, особенно в части прагматического уровня, когда рассматриваются не только понятия знака, его видов, правил построения знаков и отношения между знаками и некоторого сорта реальностью, но и контекст такого отношения, включающий пользователя знака. Согласно Моррису, именно знаки определяют поведение человека и в то же время определяются его поведением, значение знака есть характеристика поведения, которое, кроме прочего, позволяет и классифицировать знаки соответствующим образом, подразделяя их на систематизирующие и информирующие, оценивающие и предписывающие. Кажется, мимо внимания исследовательского корпуса прошло то, что первой, кто выделил и подчеркнул аксиологическое измерение значения, была Уэлби в своей сигнифике.

Одна из наиболее привлекательных характеристик концепции Морриса – сопряжение общей теории знаков и общей теории ценности. Обращают на себя внимание название и содержание одной из поздних книг Морриса, отрывки из которой опубликованы в известном сборнике [Семиотика, 1983] под названием «Значение и означивание». На языке оригинала книга озаглавлена несколько иначе: *Signification and Significance: a study of the relation of signs and values*. Понятно, что речь идет о значимости – той характеристике процесса сигнификации (означивания), в которой Уэлби сопрягает теорию знаков с аксиологическим подходом. Несмотря на то что Моррис не упоминает имени Уэлби ни в тексте, ни в ссылках, ни в списке литературы, он сразу же на первой странице, говоря о самом термине «семиотика», замечает, что «используются также и термины “сигнифика” (significs) и “семантика”...».

Представляется, что, если Моррису был знаком термин «сигнифика», то должно было быть знакомо и имя автора данного термина, создавшего науку под этим названием. Моррис пишет, что его занимали две вещи – общая теория знаков и общая теория ценности, которым были посвящены предыдущие его книги [Morris, 1946] и [Morris, 1956]; но трудно объяснить отсутствие в них упоминаний о Виктории Уэлби. В книге же, посвященной означиванию и значимости, речь идет, по мысли автора, о сходстве двух теорий, двух подходов, особенно когда рассматривается не только поведение, но и искусство как познание и репрезентация мира.

Действительно, человек означает значимое для него (в самом широком смысле слова) и может «не придавать значения» тому, что не представляется значимым; уместно вспомнить знаменитый тезис о том, что человек воспринимает мир с точки зрения красоты постольку, поскольку красота мира значима для человека. Уэлби задолго до Морриса написала: «Как следует из самого слова, “сигнифика” суммирует то, что означает для “человека с улицы”; все, что не означает, скажет он вам, для него ничего не значит» [Welby, 1983, p. 8].

Значение как использование

То исходное убеждение Уэлби в необходимости усилий по экспликации сложностей и неясностей языка, которое привело ее в конечном счете к созданию сигнифики, было выражено (и даже весьма сходными словами) более чем тридцатью годами позже Л. Витгенштейном: «Язык для всех готовит сходные ловушки, огромную сеть проторенных ложных дорог. И мы видим идущих одного за другим по этому лабиринту, наперед зная, что вот здесь человек свернет, здесь проследует прямо, не заметив развилки, и т.д. и т.п. Стало быть, во всех местах, где дороги ответвляются в тупик, я должен выставлять таблички, помогающие преодолевать опасные перекрестки» [Витгенштейн, 1994, с. 428].

Хотя отсутствуют прямые свидетельства знакомства Витгенштейна с работами Уэлби, с определенной долей уверенности можно утверждать, что имя ее и, быть может, некоторые идеи сигнифики могли быть ему знакомы. В пользу этого говорят некоторые фрагменты писем Уэлби С. Александру, написанные в ответ на его сообщение о некоем немецком инженере, который посещал его занятия в Манчестере в период между 1908 и 1912 гг. В одном из таких писем Уэлби, выражая заинтересованность в знакомстве с указанным немецким инженером, предлагала даже принять его в своем доме. Другое свидетельство – это исследование Граттен-Гиннеса [Grattan-Guinness, 1977], содержащее заметки Журдена, в которых доказывается, что Рассел был знаком с Витгенштейном с 1909 г., т.е. за три года до того, как Витгенштейн появился в Кембридже. Еще одним косвенным свидетельством выступает знакомство Уэлби с Журденом, Расселом и Огденом – людьми, близко знакомыми с Витгенштейном, а также то, что Рамсей, работавший вместе с Огденом над переводом *Tractatus Logico-Philosophicus*, был знаком с идеями Уэлби. Вряд ли можно отрицать, что в беседах Витгенштейна с ними могло звучать имя Уэлби и упоминание идей сигнифики.

Внимательное чтение работ Уэлби и Витгенштейна приводит к осознанию целого ряда возможных точек соприкосновения их взглядов, подробное описание и анализ которых заслуживает отдельного исследова-

ния. Здесь же укажу лишь на понимание значения как употребления, как концептуальной проблемы, а также на методологическую роль аналогии.

Последняя книга Уэлби [Welby, 1985] может рассматриваться как определенное подведение итогов предшествующей работы. На первых же страницах автор пишет: «Строго говоря, нет такой вещи, как смысл слова; есть только смысл, в котором оно используется, – обстоятельства, состояние ума, референция, “универсум дискурса”, принадлежащие ему. Значение слова есть интенция, которую оно желает передать, – интенция использующего слово. Значимость всегда многообразна и интенсифицирует свой смысл, как и свое значение, выражением своей важности, своей апелляцией к нам, своим моментом для нас, своей эмоциональной силой, своей идеальной ценностью, своим моральным аспектом, своим универсальным или социальным рангом» [Welby, 1985, p. 5–6]. Центральное место в концепции сигнифики занимает понимание значения как определенной функции, в отличие от понимания его как некоторой ментальной сущности, идеи или описания в виде, например, словарного определения. Так, в одной из ранних статей Уэлби обращает внимание на то, что «возможно, нет большей ловушки, когда мы начинаем осознавать хаос, в котором заключается смысл слов, и искать выход, чем простая и очевидная ловушка определения. Определяй, определяй... и тогда все будет легко» [Welby, 1896, p. 194].

С точки зрения Уэлби, среди концепций языка преобладает статичная механическая система, слова в которой имеют чутко установленные связи с миром объектов, фиксируемых принятыми определениями. Сходного мнения придерживался и Витгенштейн в своих ранних воззрениях времен *Tractatus Logico-Philosophicus*. Критика Уэлби [Welby, 1896] связана с тем, что подобная система, во-первых, основана на практически невозможном допущении, что определить можно все. Во-вторых, она противоречит творческому развитию языка. (Надо заметить, что в своих рассуждениях Уэлби находилась под серьезным впечатлением от эволюционной теории Дарвина, как и многие другие думающие люди той эпохи. Идеи об эволюции возникли у Дарвина не сами по себе, а под значительным влиянием идей о развитии языка, которые уже были сформулированы Кондильяком и с которыми Дарвин был знаком благодаря своим кузенам.)

Витгенштейн рано понял возможные следствия картины языка, представленной в его *Tractatus*, одним из которых является то, что при таком понимании становится невозможной коммуникация. В «Философских исследованиях» он выдвинул иное понимание, заявив, что «...говорить на языке – это компонент деятельности или форма жизни» [Витгенштейн, 1994, с. 90], что «язык и действия, с которыми он переплетен», являются «единым целым» [Витгенштейн, 1994, с. 83]. Он понимает, что сложности, двусмысленности, неясности языка, создающие «туман», исчезают, если «изучать явления языка в примитивных формах его употребления, где четко прослеживается назначение слов и то, как они функционируют» [Витген-

штейн, 1994, с. 82]. Он формулирует положение, которое впоследствии стало широко известным (в отличие от подобного же утверждения Уэлби): «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, – где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке» [Витгенштейн, 1994, с. 99].

Функциональное определение знака хорошо известно: знаком может быть все что угодно, когда оно выступает в роли знака. Но эта роль «быть знаком» уже у Пирса носит ярко выраженный коммуникативный характер: «Знак, или *репрезентамен*, есть нечто, что замещает (*stands for*) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак» [Пирс, 2000, с. 48].

Описанное понимание значения и процесса его изменения и интерпретации нашло продолжение в работах Дж. Остина и П. Грайса, П. Стросона и Д. Серля. Для Остина важнейшим было введение понятия перформативного высказывания (сам Остин зачастую говорит о перформативном употреблении), используемого для осуществления действия. Грайс фокусировался на различии между значением слова, значением предложения и значением говорящего. Не в меньшей степени само понятие речевого акта у Серля связано с ситуацией, учитывающей употребление, произнесение высказывания, когда оно есть некоторое действие из числа тех, которые Остин называет иллокутивными. Стросон, анализируя и критикуя Остина, рассматривает зависимости конвенциональных характеристик высказывания от интенции произносящего, роль которой почти полностью соответствует тому, что понимается под интенцией как основанием значения (в смысле второго уровня сложной структуры значения) в сигнифике Уэлби и реализации условий «бытия» знаком у Пирса.

Значение и метафора

Во вступительной статье к сборнику «Теория метафоры» Н. Арутюнова обращает внимание на «тайну метафоры», на традиционность ее изучения, которое «становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания...» [Арутюнова, 1990, с. 5]. Действительно, метафора со времен Аристотеля вызывала интерес ученых, в первую очередь тех, в центре внимания которых находился язык. Метафора понималась как языковое явление, как ситуации, в которых слово обладает буквальным значением, но одновременно имеет и некоторое второе значение. С этой точки зрения метафора была интересна как средство создания риторических и поэтических текстов.

Ситуация резко изменилась во второй половине прошлого века: указанное доминирующее понимание метафоры стало признаваться если не вообще ложным, то по меньшей мере слишком узким. Исследования по

проблеме значения, анализу рассуждений, критическому мышлению, философии языка (помимо сферы логики и философии в целом), эмпирические исследования привели к осознанию того факта, что метафора обладает концептуальным характером. С 1970-х годов значительно выросло число публикаций: в 1971 г. У. Шиблс выпустил аннотированную библиографию [Shibles, 1971], а в следующем году – сборник статей, в котором представлены рассуждения метафоры с точки зрения представителей различных дисциплин [Shibles, 1972]. В последующие годы продолжились издаваться сборники статей, монографические работы и антологии. Однако ни в одном издании (вплоть до таких академических трудов, как [The Cambridge Handbook of Metaphor ... , 2008], или [The Routledge Handbook of Metaphor and Language, 2017], или статья [Hill], посвященная метафоре в *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, не встречается упоминаний работ Виктории Уэлби. Между тем тема метафоры была стартовой точкой всей сигнифики.

Обращая внимание на языковые трудности, с которыми сталкивается изложение религиозных учений, со временем Уэлби убедилась в том, что они связаны не с проблематикой, а с гораздо более фундаментальными проблемами, определяемыми различием между буквальным и метафорическим использованием языка. Одним из примеров может служить использование терминов «внутренний» и «внешний» в психологии, которые, опираясь на пространственные коннотации, могут приводить к мнению о разделенности «внутреннего» и «внешнего» миров. Другой пример – использование эпистемологических метафор «оснований», или «фундамента», знаний, которые в конечном счете являются следствиями взглядов Птолемея о том, что Земля есть центр вселенной. После утверждения гелиоцентрической концепции подобное использование метафор должно было быть пересмотрено. Так, обращаясь к термину «*understanding*» (понимание), Уэлби пишет, что в переносном смысле данный термин должен «символизировать высочайший уровень наших способностей. Но, как мы обычно употребляем данное слово (хотя оно должно бы быть *over-standing* (*над-стоящим*)): мы имеем дело не с миром над нашими головами, а с твердой почвой под нашими ногами. Мы рассуждаем об одном или о другом, об их содержании, но понимать (*understand*) в конце концов является нашей высшей рациональной обязанностью, поскольку мы принадлежим к более великому, чем бренный мир, миру» [Welby, 1982, p. 85].

Не следует думать, что для соблюдения условий адекватности значения нужно избегать метафорического употребления – само значение, как мы видели, есть не просто референция, а гораздо более сложная структура. Следует использовать более тонкие метафоры, избегать же стоит лишь грубой дихотомии между буквальным и метафорическим использованием. Уэлби относит метафору к методу аналогий и предлагает шесть видов ее использования в порядке возрастания точности: «1. Случайное сходство, две идеи или вещи, сравнимые или сходные только в одном пункте, в одном контексте, по одному случаю, для одной аудитории и т.д.

2. Общее сходство целого при несходстве составляющих; результаты аналогичны, но по-разному получены или сконструированы. 3. Сходство во всем, кроме одной точки или признака. Это может быть (а) важно (i.) для оригинального образа, (ii.) для метафорического использования; (б) безразлично. 4. Достоверная аналогия, звучащая правдиво по своему характеру во всем, оказывающая давление до предела знаний и все же остающаяся аналогией и никогда не становящаяся эквивалентностью или тождеством в различных смыслах. 5. Эквивалентность: например, когда мы говорим, что то-то и то-то применимо в обоих случаях – (а) полностью; (б) частично. (В этих случаях часто трудно сказать, что является метафорическим, а что буквальным. Часто происходит заимствование взад и вперед, и иногда и то, и другое не является ни метафорическим, ни буквальным и все же одинаково “актуальным”.) 6. Соответствие в каждой точке и в массе или целом. Это может быть отражением, как в зеркале, или сопутствием, корреляцией, параллелью, например, объекта и его тени, печати и ее оттиска и т.д.» [Welby, 1982, p. 19–20].

По мнению Дж. Пирсона [Pearson, 2022], идеи Уэлби могут быть с пользой интегрированы с концепцией философии П. Стросона [Strawson, 2011]. Подобно Уэлби Стросон не принимает эпистемологической «метафоры оснований», но, в отличие от своих предшественников Витгенштейна и Райла, выстраивает метафору философии как грамматики, полагая, что «терапевтическая» модель не представляет собой окончание работы по сопоставлению возникающих в процессе человеческой деятельности теоретических головоломок. Подобно тому, как грамматика представляет собой совокупность правил, которым мы следуем или которые нарушаем, и теоретическую «рефлексию», «реконструкцию» над данным множеством, философия должна – исходя из описания тех способов, какими люди думают или говорят, – выявлять концептуальные структуры, лежащие в их основе. Пирсон полагает, что Уэлби приветствовала бы подобный подход, особенно с учетом того, что выявление подобных структур использовало бы те же самые способы аналогии. Вероятно, утверждает Пирсон, модель дескриптивной метафизики и метод коннективного анализа рассматривались бы Уэлби как продолжение ее собственной работы. Последняя часть данного утверждения поддерживается нами без каких-либо дополнительных обоснований.

Действительно, уместно вспомнить возражения Уэлби против определений, ее тезис о том, что невозможно окончательно очистить слова от переносного значения и отрицать тот факт, что слушатель всегда будет интерпретировать сказанное говорящим со своей точки зрения: «Мы не можем отменить автоматический процесс трансляционного мышления. Все наводит нас на мысль или напоминает нам о чем-то другом... мы не можем, даже если бы захотели, обойтись без метафоры и отказаться от аналогии или избежать ее» [Welby, 1983, p. 34–35]. Невозможно в данном контексте обойтись без того, чтобы не вернуться к Витгенштейну и его

понятию «семейного сходства», настолько, кажется, близкого пониманию метафоры как аналогии у Уэлби, что первое представляется прямым nasledником последнего.

Сигнифика и теория перевода

В 1980-х годах в библиографических указателях в качестве отдельного раздела появился раздел «теория перевода», хотя нельзя говорить, что перевод является какой-то новой областью деятельности и исследований. Вероятно, первым объектом подобной деятельности и ее теоретического осмысления была Библия, и результатом участия в указанной деятельности более чем 3000 специалистов стала доступность Библии на почти 800 языках. Однако сопоставление переводов привело к пониманию трудностей передачи одного и того же значения слов на разных языках, тем более – смыслов в различных культурах. Например, М. Пастуро в одной из своих книг, посвященных истории цвета, указывает, что такое наименование цвета, как «пурпурный», в словосочетаниях «пурпурные одежды» соответствует скорее прилагательным «богатый» или «дорогой» со значением указания «стоимости», нежели цвета. Контрпримером к деятельности по переводу текста Библии является отношение сторонников ислама к переводам Корана: любой перевод данного текста может восприниматься как искажение и, следовательно, богохульство, поэтому если кто-либо хочет читать Коран, должен читать его на арабском. В большой степени аналогичная ситуация складывается и в случае художественных, научных, философских и иных текстов. У. Эко начинает свою книгу «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» словами: «Что значит перевести? Первый ответ, и притом обнадеживающий, мог бы стать таким: сказать то же самое на другом языке. Правда, при этом мы, во-первых, испытываем немалые затруднения, пытаясь установить, что означает “сказать *то же самое*”, и недостаточно ясно осознаем это в ходе таких операций, как парафраза, определение, разъяснение, переформулировка, не говоря уж о предполагаемых синонимических подстановках. Во-вторых, держа перед собою текст, подлежащий переводу, мы не знаем, что такое *то*. Наконец, в некоторых случаях сомнительно даже значение слова *сказать*» [Эко, 2006, с. 7].

Однако в фокусе внимания находятся не только сложности перевода, но и его возможности для решения проблем, возникающих в процессе анализа, в том числе анализа значения. Обычно под анализом понимается его декомпозиционная разновидность – процесс разложения предмета исследования на составные части. Практически одновременно с ним формируется метод концептуального анализа – выделение процедур, реализующих «общее» рассмотрение понятий или концептов, их «анатомирование», «реконструкцию» и «конструирование». Роль указанных видов анализа

подчеркивалась философами, работы которых положили начало аналитической философии. Так, для Мура «вещь становится понятной только тогда, когда путем анализа открываются составляющие ее понятия» [Moore, 1993, p. 8]. Рассел признавался в своей философской автобиографии: «...с тех пор как я отказался от философии Канта и Гегеля, я искал решения философских проблем с помощью анализа, и я по-прежнему твердо убежден, несмотря на некоторые современные тенденции к обратному, что прогресс возможен только путем анализа» [Russell, 1959, p. 14]. С появлением теории дескрипций сформировался трансформационный тип анализа (иногда говорят об этом виде анализа как о перефразировании). Для Рассела трансформационный анализ усиливает декомпозиционный анализ, поскольку выявляет действительную логическую форму анализируемого предложения, что, в свою очередь, позволяет яснее и прозрачнее анализировать компоненты предложения [Levine, 2007].

Многие философы аналитической традиции поддерживают идею анализа как парафраза, способного выявить реальное значение предложения, скрытое за его грамматической формой. Однако эта задача может быть выполнена по-разному. Так, для Карнапа понятно, что, когда разговор идет об интерпретации действительно синтаксического предложения, надо знать и учитывать, о синтаксисе какого языка идет речь – синтаксисе любого языка вообще, синтаксисе языка определенного типа, синтаксисе языка современной науки и т.д. Позже Карнап признал, что каждый волен «говорить» на своем языке, утверждая, что подобный язык должен быть точно и прозрачно задан, в нем должны быть и правила для конструирования предложений, и правила для их проверки, – иными словами, перефразирование происходит на синтаксическом и семантическом уровне.

В этом контексте сигнифика Уэлби выглядит как важнейший этап в осознании важности процедуры перевода, в частности, при исследовании метафоры Уэлби рассматривает ее как средство сохранения существующих знаний и получения новых, а для демонстрации того, как это может происходить, она описывает метод определения метафор, который она называет «перевод», включающий в широком смысле «трансформацию, трансмутацию и преобразование», т.е. все те средства, которые делают язык прозрачным. Перевод осуществляется не только на синтаксическом и семантическом уровне, но и на уровне прагматическом и даже более широко, включающем огромный спектр факторов различного сорта.

Если говорить только о метафоре, то при сопоставлении различных областей знания устанавливается, что некоторые метафоры уместны лишь в одной области, другие демонстрируют свою значимость только в области «пересечения» двух смежных областей или даже в объединении двух или более областей знания. (Опыт подобной работы представляется весьма перспективным. Например, мной была реализована попытка использования метафоры прогулки в области анализа некоторых интеллектуальных процедур с возможным расширением идеи вплоть до так называемой фи-

лософии прогулки.) Более того, согласно Уэлби, перевод может стать типичной «публичной формой» сигнифики, а поиск существенных связей между областями знаний служит их углублению и лучшему пониманию: «простая попытка изложить один предмет в терминах другого, выразить один набор идей теми словами, которые, по-видимому, по праву принадлежат другому, изменив только основные термины, не могла бы не пролить свет на те точки соприкосновения или соответствия, которые были бы выявлены, если бы делались систематически и критически... а также, возможно, для того, чтобы выявить невежество в некоторых случаях, когда мы принимали знания как должное. Это автоматически отделило бы поверхностное или частичное сходство (подобие) от глубокого или сложного и привело бы к признанию широкого круга различий между случайной, просто иллюстративной аналогией и той, которая указывает на взаимосвязи еще непризнанные и неиспользуемые» [Welby, 1983, p. 128].

Гораздо позже возможности перевода, сложности и его самого, и различных его видов осознал Р. Якобсон, который различил «три способа интерпретации вербального знака: он может быть переведен в другие знаки того же языка, на другой язык или же в другую, невербальную систему знаков. Этим трем видам перевода можно дать следующие названия: 1) Внутряязыковой перевод, или переименования, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка. 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка. 3) Межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» [Якобсон, 1985, с. 362].

На первый взгляд может показаться, что речь идет лишь о языке, но при более внимательном подходе становится очевидно, что первое впечатление обманчиво. Уже в данном фрагменте обращает на себя внимание слово «интерпретация»: Якобсон связывает перевод с интерпретацией, так что речь идет не просто о знаках, а о семиотических кодах. И действительно, далее он пишет, что «в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах» [Якобсон, 1985, с. 363], понимая перевод как «перекодирующую интерпретацию».

Уэлби еще в статье о переводе, опубликованной в «Словаре философии и психологии», определяет перевод как «1) В буквальном смысле рендеринг одного языка в другой. 2) Изложение одного предмета с точки зрения другого; перенос данной линии аргументации из одной сферы в другую; использование одного набора фактов для описания другого набора, например эссе по физике или физиологии может быть экспериментально “переведено” в эстетику или этику, утверждение биологического в утверждение экономического факта» [Welby, 1902].

Подчеркивая и иллюстрируя мысль, что «весь язык и все выражения являются формой перевода», сигнифика расширяет и развивает применение этой идеи в практических направлениях. Язык, как и любое использо-

вание знаков, подразумевает перевод в этом смысле в той мере, в какой опыт использования знака в данной ситуации должен быть переведен в предыдущий или одновременный опыт объекта, чтобы интерпретировать знак. С другой стороны, с точки зрения того, кто использует знак для объекта или вместо него, объект переводится знаком.

Уэлби связывает процедуру перевода с триадой «смысл – значение – значимость» как базовыми уровнями значения в широком смысле слова. Сам метод перевода-интерпретации основан на выявлении аналоговых отношений между знаками и системами знаков, будь то вербальные или невербальные, и в дополнение к использованию аналогий также является методом для их обнаружения, создания и проверки. Более того, как утверждает Уэлби, это относится в основном к аналогии пропорционального, структурного и функционального типа. В этом контексте проблема перевода тесно связана с проблемой знаковости и образности языка, роли метафоры, аналогии и гомологии в становлении мыслительных процессов и коммуникации. Аналогия, сравнение, ассоциация, образный язык в целом, метафоры рассматриваются Уэлби как лингвистически-когнитивные устройства, реализованные через интерпретационно-переводные процессы для выразительного расширения прав и возможностей с точки зрения значимости.

Именно в этом ключ к пониманию семиотической подоплеки перевода, его включения в процесс семиозиса – непрерывного семиозиса по Пирсу: значение любого знака (вербального, ментального, образного) проясняется и развивается другим знаком, интерпретантом в модели Пирса. Перевод у Уэлби, совмещенный с интерпретацией, иногда совпадающий с ней, близко родственен интерпретационно-когнитивной модели Пирса. Пирс, рассматривая ситуацию непрерывного семиозиса, предлагал знаковую модель, основанную на отношении диалогической связи между знаками, в свете которой смысл понимается в его первичном восприятии как «перевод знака в другую систему знаков». Согласно теории непрерывного семиозиса, значение знака – это интерпретирующий знак в открытой цепи ссылок от одного интерпретанта к другому. И точно так же, как у Уэлби все предполагает другое или напоминает нам о чем-то другом, так и у Пирса значение дается в преобразовании одного знака в другой «эквивалентный» или, возможно, «более развитый» знак (интерпретант), с помощью которого мы знаем нечто большее. Интерпретирующий знак дополнительно усиливает общий означающий потенциал предшествующего знака вместе с общим пониманием интерпретатором предыдущего знака. Другими словами, знак существует благодаря другому знаку, выступающему в качестве его интерпретанта, так что его смысл – это его перевод в другой знак. Знак процветает в отношениях взаимного перевода и замещения между знаками, по отношению к которым исходный знак никогда не дается автономно и предварительно. Как уже объяснял сам Пирс в письме Уэлби от 12 октября 1904 г., «Знак служит связующим звеном между

знаком-интерпретантом и объектом. Если взять знак в самом широком смысле, его интерпретант сам не обязательно должен быть знаком. <...> но мы можем взять (принять) знак настолько широко, что интерпретант его будет представлять собой не мысль, но действие или опыт. Мы можем даже толковать значение знака настолько расширительно, что его интерпретантом может быть качество переживания. <...> Мне представляется, что основная функция знака состоит в том, чтобы сообщать действенность отношениям, ею не обладающим – не принуждать их к действию, но устанавливать привычку или общее правило, посредством обращения к которому они будут действовать в определенной ситуации. Если обратиться к физике, все, что случается, – это непрерывное прямолинейное движение с определенной скоростью и ускорением, сопровождающим различные относительные положения частиц. Все остальные отношения, которых мы знаем весьма большое количество, не действительны. Знание некоторым способом наделяет их действительностью, знак же есть нечто такое, зная которое, мы знаем нечто большее. За исключением знания о содержании сознания в некоторый данный момент настоящего (существование такового знания сомнительно), всякая наша мысль и всякое знание возможны только посредством знаков. Знак, следовательно, есть объект, таким образом соотношенный со своим объектом с одной стороны, и с интерпретантом с другой, что это приводит интерпретанта в отношение к объекту, соответствующему его собственному отношению к тому же объекту. Я мог бы сказать “подобному его собственному отношению”, ибо соответствие заключается в подобии, но значение первого кажется более точным» [Пирс, 2000, с. 290].

В сигнифике Уэлби перевод реализуется на каждом из уровней значения – на уровне смысла как естественной, первой «реакции», уровне значения как интенции, уровне значимости как обобщения первых двух с включением прагматических, культурных, социальных, коммуникативных и иных практик. Пирсовские понятия перевода и непрерывного семиозиса, характеризующие условия взаимосвязи теории знака и теории познания, претерпевают изменения в сигнифике, которая вытесняет все строго когнитивные характеристики в то измерение, где когнитивное и этическое в конце концов соединяются.

Взаимосвязь между знаками и переводом возникает тогда, когда мы постулируем категорию замещаемости, т.е. возможность быть сказанным иначе (вербально или невербально), как необходимое условие знаковости, т.е. когда знак рассматривается не только как нечто, заменяющее что-то другое, но и как нечто, что в свою очередь может быть заменено чем-то другим. Иными словами, процессы замещения и транспозиции предполагают не исключение смысла, а скорее смещение смысла и, следовательно, взаимное усиление означаемого между знаками. Следовательно, значение можно определить как класс вербальных и невербальных знаковых материалов, которые «говорят» друг о друге, то есть взаимно подчиняются

друг другу. Каждый термин является либо интерпретирующим знаком, либо интерпретируемым знаком другого – в зависимости от означающего контекста – в семиотических процессах, где интерпретирующий знак заменяет интерпретируемый знак, который он так или иначе развивает. Идентичность знака требует непрерывных процессов сдвига и отсрочки: чтобы быть этим знаком здесь, знак должен всегда интерпретироваться и становиться другим благодаря интерпретирующему знаку, который его интерпретирует.

Уэлби не ограничивала проблему перевода отношениями между двумя естественными языками, полагая, что процессы перевода охватывают различные универсумы дискурса и различные знаковые системы, где процедуры сигнификации проходят одновременно на разных когнитивных и семиотических уровнях.

Заключение

В пределах одной статьи не представляется возможным раскрыть все возможные параллели между концептуальными и практическими характеристиками сигнифики и концепциями и методологическими находками более позднего времени. Работы Виктории Уэлби не только не соответствовали современному ей уровню исследований, в пользу чего говорит по меньшей мере содержание ее переписки с Пирсом и другими, но и опередили те темы и методологию их исследований, которые появились значительно позже. Предложенное выше не охватывает все возможные темы и методологические приемы – в частности, за пределами рассмотрения остались идея использования сигнифики в образовании, не раскрыты связи между сигнификой и идеями Basic English, большего внимания требует изучение отношений сигнифики и аналитической философии, движения сигнифики и движения за единство науки. Остается до сих пор неопубликованным большое количество материалов из архива Виктории Уэлби.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
- Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 407–492.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 75–320.
- Манин Ю.И. Математика как метафора. – Москва : МЦНМО, 2008. – 400 с.
- Мур Дж. Принципы этики. – Москва : Прогресс, 1984. – 325 с.
- Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 352 с.

- Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. – Москва : Радуга, 1983. – 636 с.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 574 с.
- Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р.О. Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 363–368.
- Grattan-Guinness I. Dear Russell – Dear Jourdain: A commentary on Russell’s logic, based on his correspondence with Philip Jourdain. – New York : Columbia University Press, 1977. – 234 p.
- Hill D. Metaphor. – URL: // <http://www.plato.stanford.edu> (доступ: 05.07.2023).
- Levine J. Analysis and abstraction principles in Frege and Russell // The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology / Ed. by M. Beaney (ed.) – New York : Routledge, 2007. – P. 51–74.
- McElvenny J. Language and Meaning in the Age of Modernism: C.K. Ogden and his Contemporaries. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. – 243 p.
- Moore G.E. The Nature of Judgement // Moore G.E. Selected Writings. – London : Routledge, 1993. – P. 1–19.
- Morris Ch. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. – Chicago : University of Chicago Press, 1938. – Vol. 1, part. 2 / O. Neurath (ed.). – P. 77–138.
- Morris Ch. Signs, Language and Behavior. – New York : Prentice Hall, 1946. – 365 p.
- Morris Ch. Varieties of Human Value. – Chicago : Chicago University Press, 1956. – 208 p.
- Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. – New York : Harcourt, Brace and World, Inc, 1923. – 355 p.
- Pearson J. What Welby Wanted // Women in the History of Analytic Philosophy / J. Peijnenburg, S. Verhaegh (eds.). – Springer, 2022. – P. 27–44.
- Peirce Ch.S. Contributions to “The Nation”. Pt.3. 1901–1908. – Lubbock, 1979. – P. 143–145.
- Russell B. My Philosophical Development. – London : Georg Allen & Unwin Ltd, 1959. – 279 p.
- Russell B. The Meaning of Meaning: Review of Ogden and Richards’ The Meaning of Meaning // The Collected Papers of Bertrand Russell / B. Frohman & J.G. Slater (eds.). – London : Routledge, 1988. – Vol. 9. – 720 p.
- Shibles W. Essays on Metaphor. – Whitewater : The Language Press, 1972. – 180 p.
- Shibles W. Metaphor: An Annotated Bibliography and History. – Whitewater : The Language Press, 1971. – 414 p.
- Strawson P.F. Philosophical Writings. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 256 p.
- The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / R.W. Gibbs (ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 550 p.
- The Routledge Handbook of Metaphor and Language / E. Semino, Z. Demjén (ed.). – London ; New York, 2017. – 541 p.
- Welby V. Sense, meaning and interpretation (II) // Mind. – 1896. – Vol. 5, N 18. – P. 186–202.
- Welby V. Translation // Dictionary of Philosophy and Psychology : in Three Volumes. Vol. 2. – London : MacMillan, 1902. – P. 712.
- Welby V. What is Meaning? Repr. of the ed. London, 1903. – Amsterdam : John Benjamin Press, 1982. – 321 p.
- Welby V. Significs and Language. Repr. of the ed. London, 1911. – Amsterdam : John Benjamin Publ. Co., 1985. – 435 p.

Konstantin Skripnik¹

Victoria Welby's Significs: thematic and methodological retrospective

Abstract. The article focuses on the ideas of Lady Victoria Welby, whose name and works have become the subject of research after almost half a century of “silence”. Explicit references to the ideas of significs are found only in the works of Peirce and some members of the significs movement in the Netherlands, her name is mentioned relatively casually by Russell, Ogden and some others. There are no translations of Welby's works in the Russian literature, although there is a small number of informative, commenting, and comparative studies. The purpose of the article is to demonstrate explicit and possible connections between the theory of signification, developed in the works of Lady Victoria Welby in different periods of her work, and the works of later authors. Nevertheless, the author considers it possible to talk about thematic and methodological parallels between Welby's ideas and the works of Morris, Wittgenstein, Strawson, and Jacobson. In signification, meaning is considered not only in a referential sense, but in a wide range of factors and dependencies, among which intention, communication, consequences and values play an important role. Similarly, Morris considered the unification of the general theory of signs and the general theory of values to be the most important task. Parallels are revealed in the understanding of the meaning of the word as its use in the signification and research of the “late” Wittgenstein, as well as Austin and Searle. The study of the role of metaphor and the conditions for its adequate use in signification can be successfully integrated with the approach to metaphors in the philosophy of Strawson. The author believes that there are serious parallels in the use of methodological tools, in particular, the method of analogy and analysis. In the case of the latter, we are talking about the similarity of signification as a method and Strawson's connective analysis; special attention is paid to the analysis of meaning as translation in the semiotic sense associated with the concept of code, and a later approach to understanding the translation procedure in Jacobson. From the author's point of view, the establishment of parallels between the theory of signification and the ways of their possible influence on later research opens up new prospects.

Keywords: Welby; significs; meaning; metaphor; theory of translation.

For citation: Skripnik, K.D. (2023). Victoria Welby's Significs: thematic and methodological retrospective. *METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION*. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 95–115. DOI: 10.31249/metod/2023.02.09

References

- Arutiunova, N.D. (1990). Metaphor and Discourse. In *The Theory of Metaphor* (pp. 5–32). Progress. (In Russ.)
- Eco, U. (2006). *To say almost the Same Thing*. Symposium. (In Russ.)
- Gibbs, R.W. (Ed.). (2008). *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press.
- Grattan-Guinness, I. (1977). *Dear Russell – Dear Jourdain: A commentary on Russell's logic, based on his correspondence with Philip Jourdain*. Columbia University Press.
- Hill, D. (2022). *Metaphor*. <http://www.plato.stanford.edu>
- Jacobson, R.O. (1985). On Linguistic Aspects of Translation. In *Selected Works* (pp. 364–368). Progress. (In Russ.)

¹ Konstantin Skripnik, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); skd53@mail.ru

- Levine, J. (2007). Analysis and abstraction principles in Frege and Russell. In M. Beaney (Ed.), *The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology* (pp. 51–74). Routledge.
- Manin, Iu.I. (2008). *Mathematics as Metaphor*. MTSNMO. (In Russ.)
- McElvenny, J. (2019). *Language and Meaning in the Age of Modernism: C.K. Ogden and his Contemporaries*. Edinburgh University Press.
- Moore, G.E. (1984). *Principia Ethica*. Progress.
- Moore, G.E. (1993). The Nature of Judgement. In *Selected Writings* (pp. 1–19). Routledge.
- Morris, Ch. (1956). *Varieties of Human Value*. Chicago University Press.
- Morris, Ch. (1938). Foundations of the Theory of Signs. In O. Neurath (Ed.), *International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 1. part. 2. (pp. 77–138). University of Chicago Press.
- Morris, Ch. (1946). *Signs, Language and Behavior*. Prentice Hall.
- Ogden, C.K., Richards I.A. (1923). *The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. Harcourt, Brace and World, Inc.
- Pearson, J. (2022). What Welby Wanted. In J. Peijnenburg, S. Verhaegh (Eds.), *Women in the History of Analytic Philosophy* (pp. 27–44). Springer.
- Peirce, Ch.S. (2000). *Logical Foundations of the Theory of Signs*. ALETEIIA. (In Russ.)
- Peirce, Ch.S. (1979). *Contributions to "The Nation"*. Pt.3: 1901–1908 (pp. 143–145). Lubbock.
- Russell, B. (1988). The Meaning of Meaning: Review of Ogden and Richards' *The Meaning of Meaning*. In B. Frohman & J.G. Slater (Eds.), *The Collected Papers of Bertrand Russell*. Routledge.
- Russell, B. (1959). *My Philosophical Development*. Georg Allen & Unwin Ltd.
- Semino, E., Demjén, Z. (Eds.). (2017) *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. Routledge.
- Shibles, W. (1971) *Metaphor: An Annotated Bibliography and History*. The Language Press.
- Shibles, W. (1972) *Essays on Metaphor*. The Language Press.
- Stepanov, Iu.S. (Ed.). (1983). *Semiotics*. Raduga. (In Russ.)
- Strawson, P.F. (2011) *Philosophical Writings*. Oxford University Press.
- Welby, V. (1896). Sense, meaning and interpretation (II). *Mind*, 5(18), 186–202.
- Welby, V. (1902). Translation. In *Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes*. Vol. 2. (p. 712). MacMillan.
- Welby, V. (1983). *What is Meaning? Repr. of the ed. London, 1903*. John Benjamin Press.
- Welby, V. (1985). *Significs and Language. Repr. of the ed. London, 1911*. John Benjamin Publ. Co.
- Wittgenstein, L. (1994). Culture and Value. In *L. Wittgenstein. Philosophical Works. Part I*. (pp. 407–492). Gnozis. (In Russ.)
- Wittgenstein, L. (1994). Philosophical Investigations. In *L. Wittgenstein. Philosophical Works. Part I*. (pp. 75–320). Gnozis. (In Russ.)

КИОСЕ М.И.¹

**ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАНИЯ О КРЕАТИВНОСТИ
В СИГНИФИКЕ ВИКТОРИИ УЭЛБИ**

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена креативности в аспекте формирования индивидуального знания о нем, которое, как известно, является одним из этапов становления понятийного значения как любого слова или термина вообще, так и собственно термина *креативность*. Как известно, важная роль в формировании концепций значения слова принадлежит представителям логико-семиотических школ, на позицию которых в большой степени повлияло научное творчество и переписка с Викторией, леди Уэлби. В связи с этим изучение понятия креативности в работах В. Уэлби – в ее переписке, а также в ее собственных произведениях – приобретает особую актуальность. Для установления понятийных характеристик данного термина к анализу привлекаются слова и выражения, называющие исследуемый феномен, описывающие его характеристики, способы формирования знания о нем, особенности его реализации. Проведенный анализ позволил выявить, что в основе формирования знания о креативности в Сигнифике В. Уэлби лежат два процесса – рефлексия и формирование языкового знания; соответственно, креативность может проявляться в создании нового знания как о мире, так и о языке. В результате исследования также классифицируются модули содержания индивидуального знания В. Уэлби о данном феномене: креативность и Божественная сила, креативность и языковая образность, креативность и языковое мышление.

Ключевые слова: В. Уэлби; креативность; рефлексия; языковое знание; сигнифика; значение.

Для цитирования: Киосе М.И. Формирование знания о креативности в Сигнифике Виктории Уэлби // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып.13, Т. 3, № 2. – С. 116–130. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.10

Введение

В настоящей работе мы обратимся к идее креативности/творчества¹, которая формируется в работах Виктории, леди Уэлби в рамках двух

¹ **Киосе Мария Ивановна**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ, Лаборатории мультимедиа и коммуникации Института языкознания РАН; maria_kiose@mail.ru

направлений ее учения, семиозтики и семиотики образования [Petrilli, Ronzio 2010]. В основании обоих направлений находятся центральные положения Сигнифики Уэлби, а именно, разграничение трех компонентов ее базовой семиотической триады – 1) чувства/разума², 2) значения и 3) значимости с акцентом именно на первый компонент; признание важной роли аналогии, метафоры, «пластичности» значения и воображения в становлении человека; а также особое видение перевода в формировании знания о Другом (Otherness, Alterity).

Внимание к идее креативности в работах Уэлби обусловлено двумя факторами. Во-первых, в современной семиозетике, прежде всего, в лингвоэстетике [Фещенко, 2021], и когнитивной семиотике, в том числе полимодальной [Ирисханова, 2019], наблюдается повышенный интерес к феномену креативности (и лингвокреативности, в частности [Лингвокреативность, 2021]), в том числе в аспекте разграничения ее онтологических, гносеологических и семиотических оснований [Ирисханова, 2009]. В работах В. Уэлби это разграничение получает детальное описание и закладывает основание для понимания роли телесного опыта (чувственного) в формировании творческих возможностей человека. Во-вторых, интерес к феномену творчества и творения является специфическим именно для учения Уэлби в отличие, например, от учения Ч.С. Пирса, в переписке с которым (как и с многими ее корреспондентами – Б. Расселом, М. Бреалем, Ф.М. Мюллером, Дж. Вайлати, М. Кальдерони, Г. Уэллсом, Р. Карнапом, Дж.Б. Шоу и др.) этот вопрос обсуждался и мог оказать воздействие на становление научной концепции.

В то же время в исследованиях научного наследия Уэлби изучению роли творчества/креативности уделяется значительно меньшее внимание, чем роли значения, триадичности, этики, философии перевода (см., например, в [Petrilli, 2005; Signifying and understanding, 2009; Petrilli, 2015; Киосе, 2017; Скрипник, 2019]); этот пробел мы и намерены восполнить. Возникновение и развитие идеи творчества / креативности мы проследим в ее монографиях, эссе, статьях, а также в ее переписке с логиками, философами и семиологами. Для изучения данного вопроса используется метод терминологической интерпретации [Ирисханова, Киосе, 2016]; контекстуально-семантический анализ терминологических употреблений лексем с корнем *-creat-* и анализ их коллокационной сочетаемости позволяет установить 1) понятийные характеристики креативности в научном наследии

¹ Исследование выполнено на материале оригинальных (непереводных) работ В. Уэлби. В английском языке для обозначения исследуемого явления используются лексемы с корнем *-creat-*. Поэтому, хотя в русскоязычной традиции толкование терминов «креативность» и «творчество» может значительно отличаться, в настоящей работе будет использоваться термин «креативность».

² Отметим, что в английском языке и в произведениях Уэлби для обозначения обоих феноменов используется лексема *sense*, поэтому в настоящей работе мы не будем проводить их разграничения.

Уэлби с учетом диахронической трансформации ее взглядов, а также 2) отдельные «понятийные модули» [Демьянков, 2005], определяющие «векторы» понимания Уэлби рассматриваемого феномена.

Понятийные характеристики творчества / креативности в научном наследии Уэлби

Непосредственным объектом анализа являются примеры употребления лексем с корнем *-creat-* в произведениях В. Уэлби (*create, creative, creator, creativity, creation, creature*) в сочетании с иными лексемами; предметом анализа – контекстуальная семантика таких употреблений, позволяющая вывести понятийные характеристики креативности в научном наследии Уэлби (иначе – те концептуальные характеристики, которые формируют содержание понятия «креативность» в работах Уэлби). Рассматривались исключительно терминологические использования лексем, семантика которых позволяла соотнести их с теорией Сигнифики, т.е. не принимались во внимание нетерминологические употребления типа *Это фактически создает парадоксальную ситуацию* (This creates in fact a paradoxical situation) или *Они создают фиктивные трудности* (They create fictitious difficulties) [Welby, 1903; Welby, 1983, p. 124]¹.

Уже в одной из ранних работ «Законы триадичности» («Threefold Laws»), написанной в 1886 г. и направленной на обсуждение Ч. Пирсу, Уэлби, представляя разные варианты триад, не единожды включает в них упоминание о креативности; например, мы обнаруживаем его в триаде «витальный (живой) – производящий энергию (стимулирующий активность) – порождающий (творящий, творческий)» [Welby, 1885; Signifying and understanding, 2009, p. 336]. Примечательно, что в качестве дублирующего термина для «креативный» выступает «порождающий» (*generative*) – в этом можно усмотреть некоторую точку отсчета, или момент согласования позиций Уэлби и Пирса, которые впоследствии, однако, «разошлись» именно в отношении того, что, как и для кого порождается или творится. Исходно, например, в работе «Путеводные нити», букв. «Связи и разгадки» («Links and Clues», 1881) идея креативности определяется Уэлби как замысел и его реализация Божественным Создателем в «Бог – это любовь. Бог – это справедливость <...> Если мать оказывается только «справедливой» и только «любящей», но при этом <...> может смириться с грехами [своих детей], это является доказательством того, что она – всего лишь результат создания, который не демонстрирует совершенства;

¹ Все переводы выполнены автором настоящей статьи с максимально возможным сохранением буквальной передачи. Во всех случаях приводятся цитата на языке оригинала.

то есть она – не Создатель и не Совершенство»¹ [Welby, 1881, p. 18]. Таким образом, человек в начале ее философско-семиотических поисков не рассматривается как творец, он лишь результат Божественного Творения, например, в очерке «Смерть и жизнь» (*Death and Life*, 1886) находим: «для нас, как и для всего сотворенного, настоящая жизнь должна быть потеряна, чтобы быть найденной»² [Welby, 1885; *Signifying and understanding*, 2009, p. 115].

С течением времени наблюдаем определенные изменения в позиции Уэлби – идея творчества прослеживается уже в первую очередь как присущая человеку, например, в «Есть достаточно свидетельств тому, что сигнифика имеет большое практическое значение, причем не только для порождения языка, но для всех возможных форм выражения человека в действии, изобретении и творчестве»³ [Welby, 1985, p. ix] или в «человек всегда интерпретирует космос через свой собственный чувственный опыт <...> Он не может знать непосредственно, а может только вывести то, что транслирует ему этот опыт; начиная с перцептивного опыта, он получает, конструирует, делает заключения, «создает» свой мир на рациональных основаниях, которые могут подвергаться анализу»⁴ [Welby, 1983, p. 101].

В более поздних работах обнаруживаем, в чем конкретно проявляется творческий потенциал человека. В первую очередь он проявляется в языке и в общении человека, так как именно с помощью языка осуществляется трансляция своего опыта и инференций Другому. В эссе «Королевский английский» (*The King's English*) 1906 г. Уэлби пишет: «В языке <...> основная ценность заключается в последствиях и ценностях выражения, в его креативных результатах, в том, что оно апеллирует к сознанию другого, через артикулируемый символ, сообщая обо всех идеях, которые опыт, инференции, воображение и открытия приносят нам»⁵ [Welby, 1906, p. 450]; таким образом, язык и общение выступают той силой, которая способна творить. Это положение имеет большую значимость для становления семиотической концепции Уэлби, которая, в толковании С. Пет-

¹ 'GOD is love' – GOD is justice. If a mother is only 'just' as well as 'loving'; deals out justice as well as love, but separately: – If she requires to be reconciled to her children, or if any possible interposition could reconcile her to their sin: that surely is simply a proof that she is creature and imperfect, not Creator and Perfect.

² For us, as for all creation, true life must be lost in order to be found.

³ There is abundant material <...> showing the practical bearing of Significs, not only on language but on every possible form of human expression in action, invention and creation.

⁴ Man must always interpret the Cosmos in terms of his own sense-experience <...> he cannot directly know, he can only infer what transcends this sense-experience; beginning with perception he conceives, constructs, concludes, 'creates' his world in rational order, which implies its analysis.

⁵ In language <...> the main value lies in the consequences and values of expression, in its creative results, in its suggestion by one mind to another, through articulate symbol, of all the ideas which experience and inference, imagination and discovery bring us.

рилли, изучает «знаки, особенности их интерпретации, их перевод в контексте практической жизни и человеческой активности»¹ [Petrilli, 2015, p. 765]. Также творческий потенциал проявляется в движении, или даже в Движении с прописной буквы, которое определяет трансформации нашего мышления, прежде всего, в отношении повышения его образности, что позволяет ему [мышлению] выступать движущей силой творения. В переписке с преп. У.Х. Симкоксом (1886–1889) находим: «Мы знаем сейчас то, чего не знали раньше – что за всем, что кажется неподвижным или недвижимым, всегда есть Движение <...> и мир метафоры не соприкасается с миром, созданным Богом, и поэтому не может в полной мере представлять Его волю.»² [См. в: *Echoes of*, 1929, p. 202]. В этом утверждении можно усмотреть момент «расхождения» двух видений творчества – творчества как Божественного творения и творчества как движения сознания человека к Другому, направляемое языком.

Отметим, что присутствует и «смешанный» вариант видения творчества – как «творческое (творящее?) Слово Божие»³ в «Записках к эссе «Награда Уэлби»» 1901 г. [Welby, 1901; Petrilli, 2015, p. 244]. Далее мы подробнее обратимся к содержанию второго видения, тем более, что в поздних работах Уэлби именно оно получает существенное развитие.

В работе «Что есть значение? Исследования развития Сигнифики» (“What is meaning? Studies in the development of Significance”, 1903) при оценке формирующей роли языка Уэлби пишет о важности «сотворения» языкового сознания (linguistic conscience) в ходе обучения Сигнифике (training in Significs): «[Обучение Сигнифике] поможет также выявить моральную ценность в большей степени и в отношении традиций и будущего в языке и, в действительности подготавливая почву для расширения границ артикулируемых выражений, пока находящихся вне сфер нашего воображения, способствует сотворению языкового сознания, которое должно благотворным образом повлиять на мышление»⁴ [Welby, 1983, p. 52]. Можно предположить, что именно развитие идеи воспитания языкового сознания и стимулировало становление концепции критики простого (буквального) значения Уэлби и подготовило формирование триады «чувство / разум – значение – значимость», в реализации которой важная роль при-

¹ Ethics is informed by signs, their interpretation, and translation in the context of practical life and human actions.

² We know now what we never knew before, that, beyond all we see as ‘fixed’ or ‘stationary’, there is Motion – in every molecule as in every solar system. Thus we see that all our thought of the spiritual has been riddled through as by dry-rot, with a world of metaphor which does not square with the world of GOD’s creation, and therefore cannot truly represent His will for us.

³ Creative Word of God.

⁴ A training in Significs <...> would also bring out the moral value of a greater respect both for the traditions and the future of language, and would, in fact, while preparing the ground for an expansion of the limits of articulate expression as yet scarcely imagined, tend to create a linguistic conscience which must beneficially react upon thought.

надлежит именно креативности уже самого человека. Так, в эссе «Очевидный парадокс ментальной эволюции» («An apparent paradox of mental evolution», 1891) обнаруживаем, что Уэлби наделяет способностью творить сам разум и, что значимо, воображение: «Можно предположить¹ разрыв и обратное движение в эволюции мышления – стадию благодатной несвязности, когда развивающееся воображение выпускает всю организованную реактивную мощь своего действия, которая до этого момента и формировала своего обладателя таким, каким он был, а теперь создает бурлеск всей вселенной» [Welby, 1891; Signifying and understanding, 2009, p. 223]. Эта же мысль находит подтверждение и в других работах Уэлби. Так, креативность обозначена ей как характеристика воображения человека в «Ментальный образ поэтому всегда креативен»² [Welby, 1899–1911; Signifying and understanding, 2009, p. 487]. В эссе «Примарные чувства/разум и Сигнифика» («Primal-sense and Significs», 1907) именно речь называется Уэлби «креативным органом» в «настоящий идеал человеческой речи – это когда она руководствуется чувствами / разумом, позволяет обнаруживать явления, ответственна, является креативным органом, который может приспосабливаться к правильным (здоровым) явлениям»³ [Welby, 1907, p. ccxliii]. Дополнительно приведем здесь то определение лингвистической креативности, которое дает С. Петрилли, комментируя позицию В. Уэлби. Лингвистическая креативности Уэлби, по мнению Петрилли, определяется как «способность формировать новые метафорические ассоциации, развивать новые когнитивные комбинации, изобретать новые форматы описания и образности»⁴ [Signifying and understanding, 2009, p. 363].

В еще более поздних работах Уэлби экстраполирует проявления креативности с языка на любой способ «выражения» человека (human expression), демонстрирующего активность, изобретательность и – третьей характеристикой, креативность. В формировании такого выражения усматривается прикладное значение Сигнифики [Welby, 1985, p. ix]. Особый интерес представляет роль креативности в процессе «восхождения» человека (human ascent), демонстрирующем «этапы» обучения Сигнифике. Приведем их по эссе «Сигнифика – Образование» (“Significs – Education”, 1909–1911): 1) символическое, представляющее действительность (the symbolically actual), 2) буквальное, написанное (the literal, the inscribed), 3) то, что поддается переводу, сравнению, аналогии (the translative, com-

¹ We are to suppose an absolute break and reversal in the evolution of mind; a stage of gratuitous incoherence in which the developing imagination has let go all the organised reactive power which up to that stage had made its owner what he was, and proceeds to create a burlesque of the universe.

² A mental image, then, is always creative.

³ The true ideal of human speech is that of a delicately sensitive, detective, responsive, creative organ, self-adjustive to all healthy developments and enrichments <...>.

⁴ Linguistic creativity <...> is the capacity to form new metaphorical associations, to propose new cognitive combinations, and invent new depictions or figurations.

parative, or analogical), 4) образное, воображаемое (перевод зрительно воспринимаемого образа в образ ментальный) (the figurative or imaginary (translation of the retinal image)), 5) концептуальное или созидаемое, поэтому креативное (the conceptual and thus the creative), 6) абстрактное, дискурсивное, диалектичное, аналитическое, критическое (the abstract, the discursive, the dialectical, the analitical, the critical), 7) полное осознание значимости, при этом в ходе этой шестой стадии она теряется, что приводит к появлению новых сомнений, мистификаций, которые нужно разрешать (the full realization of the Significant, which in the sixth stage is almost entirely lost, entailing controversial deadlock and mystifying or confusing issues which ought to be clear) [Welby, 1903–1911; Signifying and understanding, 2009, p. 509]. Эти этапы могут быть соотнесены с «типами» мышления, формирование которых необходимо для понимания «значимости»; в то же время достижение этого понимания, как показывает данная схема этапов, означает «запуск» нового поиска. Отметим, что такое понимание значимости в определенной степени согласуется с идеями Ч. Пирса в отношении генерации и дегенерации знака, но в его случае речь идет не о формировании мышления, готового к Сигнифике, а о ранжировании типов знаков в аспекте их формирования, порождения, восприятия. Также отметим, что именно в рассматриваемом эссе Уэлби наиболее часто обращается к феномену креативности; приведем некоторые примеры – «замысел порождает творческое (conception rises into creation), «творческий гений» (creative genius), «творческий ум» (creative mind), «творческие и критические способности» (creative and critical functions) и др. Как видно, все они описывают характеристики, свойственные именно человеку.

В эссе «Примарные чувства / разум и Сигнифика» («Primal-sense and Significs», 1907), в котором примарные чувства / разум определяются как источник чувств, значения, способности к интерпретации и изобретению, рациональному интеллекту, именно они называются творческой силой, формирующей язык, логику, дискурс [Welby, 1907].

Что же представляют собой сами «создатели» – *creators* – как называет их Уэлби? Ответ на данный вопрос находим в письме Уэлби Г. Джеймсу (5 июля 1911 г.): «Все создатели – авторы и писатели в первую очередь как те, которые должны создавать и отражать созданное – ненамеренно показывают нам, что они-то и являются самими настоящими знатоками того, что значимо (знатоками значимости)»¹ [Welby to H. James, 1911; Other Dimensions, 1931, p. 342]. В самом общем плане, – это все те, кто «развивали примарные чувства / разум (primal sense) и имеют креативный и дискурсивный интеллект»² [Welby to G.F. Stout, 1910; Signifying and understanding, 2009, p. 78].

¹ All creators – and speakers and writers ought above all to create and reflect creation – have one and all unconsciously shown us that they belonged to the true order of signficians.

² Developing through the primal sense and the creative and discursive intellect.

Проведенный анализ содержания термина креативности в работах Уэлби позволил сформулировать некоторые характеристики, описывающие данный феномен. Креативность исследуется как 1) характеристика процессов (мышления, разума, человека, Бога, языка), 2) характеристика одних процессов, определяющая функционирование иных процессов (как характеристика мышления, позволяющая создавать язык, логику, дискурс), 3) способ воздействия и модификации процессов (язык как способ воздействия на другого), 4) действующая сила (язык, Бог, мышление, примарные чувства/разум), 5) результат или объект воздействия (метафорические комбинации, образность).

Исследование также позволяет определить основные модули содержания индивидуального знания В. Уэлби о феномене креативности. Это 1) креативность и Божественная сила, 2) креативность и языковая образность, 3) креативность и человеческое мышление. Ниже рассмотрим их подробнее.

Модули содержания креативности в работах В. Уэлби

1. Креативность и Божественная сила

Вопрос Божественного творения и Божественной энергии является одним из важных аспектов работ «Путеводные нити» (Links and Clues [Welby, 2007]), «Эхо большей жизни» (An Echo of Larger Life, 1885, в [Signifying and understanding, 2009]), «Зерна разума» («Grains of Sense» [Welby, 2011]), «Что есть значение. Исследования в области теории смысла» («What is meaning? Studies in the development of Significance» [Welby, 1903]) и др. Познание человека определяется, в первую очередь, как результат Божественного творения, как указывает Уэлби в эссе «Свет» (Light, 1986): «Даже если мы еще не в состоянии видеть, мы иногда можем, если нам дарует это Бог, познавать мир. Уран и Нептун были открыты инференциальным познанием»¹ [Welby, 1986, p. 328]. В еще более ранней работе она пишет о Божественном Откровении (An echo of larger life, 1885), позже пишет об ограниченности знания и видения (*vision*) (The evolution of heliology, 1886) и путях познания, которые могут обернуться «путями в никуда, тупиком» (blind alleys) [Welby, 2009] (о формировании отношения к Богу и вере Уэлби и Пирса в переписке см. подробнее в [Киосе, 2017]). Таким образом, только Божественная энергия способна сформировать путь познания; эта энергия описывается, прежде всего, с помощью метафоры света (наряду с метафорами движения, ветра, пути, любви, дыхания) в работах Уэлби (см. работу «Light», 1886).

¹ Yet even what we are not able yet to see, we may sometimes, if we will use God's gift, infer. Uranus first and Neptune next were discovered not directly but by inference.

2. Креативность и языковая образность

В работе «Значение и метафора» (Meaning and metaphor, 1896) вопросы языкового творчества рассматриваются Уэлби с помощью разграничения двух типов значений (meaning) слова или выражения – прямого и переносного значений (metaphorical-indirect и literal meanings). Уэлби отмечает, что «есть только один термин, более фигуральный и более двойственный, чем ‘метафорический’, это термин ‘буквальный’. Все, что в большинстве случаев называется ‘буквальным’, в действительности демонстрирует различную степень выраженности образного, его анализ затруднен даже в условиях наличия контекста. Само слово ‘буквальный’ в этом отношении представляет особый интерес. Ведь оно очень слабо связано с письмом и буквами»¹ [Welby, 1985, p. 512]. Для того, чтобы избежать ограниченности этой оппозиции, В. Уэлби предлагает говорить о вариативности типов значения, буквального и образного, об отсутствии систематических или типологических ограничений на их употребление. Основным фактором разграничения этих значений – влияние индивидуальной интерпретации. В работе «Что есть значение?» («What is meaning?») 1903 г. [Welby, 1985, p. 292] она разрабатывает «диаграмму значения», связывающую автора речи, типы значения и потенциального интерпретатора, позиция которого по отношению авторскому замыслу определяет тип значения (см. рис.).

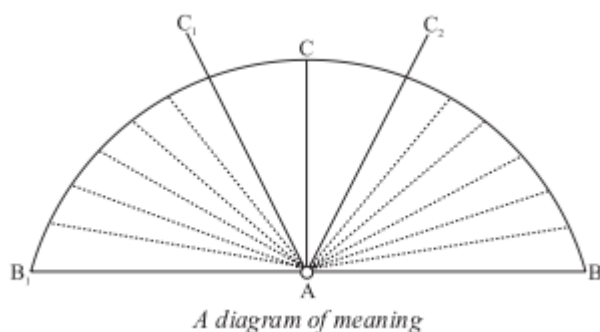

Рис.

Диаграмма значения Уэлби [Welby, 1985, p. 292]

Кратко поясним данную диаграмму. Точка А – это позиция говорящего ли пишущего. Точки В1 и В2 – это прямое и образное выражение,

¹ ... There is only one term more figurative as well as more ambiguous than ‘metaphorical’, and that is ‘literal’. Most certainly much that is called ‘literal’ is tinged with the figurative in varying degrees, not always easy to distinguish, even with the help of context. The word ‘literal’ itself is indeed a case in point. It has rarely, if ever, any reference to writing.

соответственно. Точка С – это, как несколько загадочно указывает Уэлби, «центральная точка выражения» (central point of expression), но судя по пояснению, это момент интерпретации человеком этого выражения, типичный, усредненный, основной. Точки С1 и С2 – это варианты интерпретации, с учетом большей буквальности и большей образности; образуемый сектор охватывает возможные границы интерпретации выражения.

В этой же работе Уэлби дает философское обоснование существованию разных типов метафор: 1) примарных метафор ('primary metaphors'), которые репрезентируют основные виды отношений идей или действий; 2) вторичных метафор ('secondary metaphors'), в основе которых находится развитие первичных метафор; 3) смешанных метафор ('mixed metaphors'), которые возникают при смешении первичных и вторичных метафор; 4) неразгаданных метафор ('question-begging metaphors'), путь к разгадке которых особенно затруднен. В. Уэлби констатирует, что во многих случаях истоки простого или прямого значения находятся в образном значении, но мы этого не осознаем, например, выражение «солнце встает и садится» связано в нашем сознании с действиями солнца, которые оно в действительности не совершает. В своей последней масштабной работе «Сигнифика и язык: речевое оформление интерпретации и экспрессии» («Significs and Language. The Articulate form of our interpretive and expressive resources», 1911) В. Уэлби все больше склоняется к мнению о том, что язык и его использование оказывает огромное влияние на мышление человека, а аналогия и метафора представляются ей первичными по отношению к прямому значению и «простому слову».

3. Креативность и человеческое мышление

Мысль об ассоциативном, творческом характере человеческого мышления развивается в работах «Что есть значение? Исследования в области теории смысла» («What is meaning? Studies in the development of Significance» 1903) и «Ощущение, значение, интерпретация» («Sense, Meaning, and Interpretation», 1896). В качестве показательного примера доминирования ассоциативного мышления над логическим она приводит метафорическое выражение о грамматике как скелете языка, отмечая, что оно само по себе неверно, так как грамматика таким основанием, по мнению Уэлби, не является¹. В работах «Время как вторичная категория» («Time as derivative», 1907) и «Учение МакТаггарта о фиктивности времени» («Mr. McTaggart on the unreality of time», 1909), В. Уэлби критикует учение

¹ К такому утверждению В. Уэлби приходит на основании того, что грамматико-переводной метод как метод обучения уже к тому моменту показал свою неэффективность. Уэлби об этом была хорошо осведомлена, так как помимо вопросов философского характера интересовалась и вопросами преподавания и методологии обучения.

Дж. МакТаггарта, представителя оксфордской школы философского анализа, в котором категория времени представлена как концептуализирующаяся через категорию пространства. Уэлби полагает, что наше восприятие времени, настоящего, прошедшего и будущего, связано исключительно с идеями о следовании: с первичностью настоящего, вторичностью прошлого и третичностью будущего.

Развивая направление семотики образования, Уэлби указывает на необходимость тренировки у детей (в первую очередь) разных «типов» мышления (см. выше этапы обучения Сигнифике) с целью умения устанавливать значимость явлений. В статье, опубликованной в «Британской энциклопедии», В. Уэлби указывает, что Сигнифика «исследует отношения между: а) смыслом или означаемым (языковые и смысловые); б) значением или интенциями (связанные с проявлениями воли); в) значимостью или идеальной ценностью (моральные)» [Welby, 1911, p. 78]. Это направление призвано «централизовать, координировать, интерпретировать, соотносить и упрочивать усилия по систематизации всех возможных типов и проявлений значения, способствуя, таким образом, созданию четкой и ясной классификации означивающих возможностей» [Welby, 1911, p. 78]. Основным аспектом для специалиста, работающего в области теории интерпретации (его Уэлби называет Significian), должны стать типы выражения значения ('Expression') в трех названных соотношениях: значения, смысла и значимости¹.

Заключение

Проведенное исследование в отношении роли творчества/креативности в формировании концепции Викторией Уэлби позволило сделать ряд интересных выводов об истоках ее Сигнифике и о трансформациях, которыми сопровождалось это формирование. Оно позволило установить основные характеристики творчества и проследить их проявление в конкретных работах Уэлби. Как оказалось, три основных модуля, описывающих креативность и 1) Божественную силу, 2) языковую образность и 3) человеческое мышление, представляют основное содержание ее видения данного феномена. В целом можно констатировать, что в основе становления знания о креативности в работах В. Уэлби лежат два процесса – рефлексия (определение роли Божественной силы, роли человека, языкового сознания, этапов восхождения при обучении Сигнифике) и формирование языкового знания (основной движущей силы, отвечающей за обучение Сигнифике); соответственно, креативность может проявляться в создании нового зна-

¹ Постулат триадизма, который занимает одно из ведущих положений в Сигнифике Уэлби, получает освещение, прежде всего, в ее работе «Threefold laws» (1886).

ния как о мире, своем месте в нем, месте Другого в нем, так и о языке, языковом сознании и о его роли в установлении значимости.

Однако самый важный вывод, которое исследование позволило сделать, заключается в том, что Сигнифика Уэлби – это, скорее, не про становление знака, а про становление и воспитание человека, его мышления и творческого потенциала.

Список литературы

- Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – Вып. 3. – С. 5–10.
- Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в языке металингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. – Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. 5 : Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е.С. Кубряковой. – С. 157–171.
- Ирисханова О.К. Когнитивная поэтика жестов: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. 36. – С. 72–86.
- Ирисханова О.К., Киосе М.И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. – Москва : Культурная революция, 2016. – С. 151–180.
- Киосе М.И. Виктория, леди Уэлби: забытое имя в анналах лингвистической философии (Ретроспективный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание : РЖ. / РАН, ИНИОН. – Москва, 2017. – № 1. – С. 5–12.
- Киосе М.И. Вера и разум в теориях инференции В. Уэлби и Ч. С. Пирса // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2018. – С. 535–546.
- Лингвокреативность в дискурсах разных типов. Пределы и возможности / под ред. Зыкова И.В. – Москва : Р-Валент, 2021. – 564 с.
- Скрипник К.Д. Философское эпистолярное наследие: феномен леди Виктории Уэлби // Филос. журн. = Philosophy Journal. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 131–143.
- Фещенко В.В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // Слово.Ру: Балтийский акцент. – 2021. – № 1. – С. 7–31.
- Echoes of Larger Life: A Selection from the Early Correspondence of Victoria Lady Welby, Intro., 11–13. / Cust H. (E.M.I., alias Nina) (ed.). – London : Jonathan Cape, 1929. – 292 p.
- Other Dimensions: a Selection from the Later Correspondence of Victoria Lady Welby / Cust H. (E.M.I., alias Nina) (ed.). – London : Jonathan Cape, 1931. – 362 p.
- Petrilli S. About Welby // Semiotics Unbounded: Interpretive Routes through the Open Network of Signs / eds. S. Petrilli, A. Ponzio. – Toronto : Toronto University Press, 2005. – P. 80–137.
- Petrilli S. Ethics and significance: insights from Welby for meaningful education // Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory / M.A. Peters (Ed.). – Singapore : Springer, 2015. – P. 765–769.
- Petrilli S., Ponzio A. Semioethics / P. Cobley (ed.) // The Routledge Dictionary of Semiotics. – London : Routledge, 2010. – P. 150–162.
- Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement / Ed. by Susan Petrilli. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. – 1048 p.
- Welby V. Links and Clues (1981). – London : Macmillan & Co., 1883.
- Welby V. Meaning and Metaphor // The Monist. – 1893. – № 3/4. – P. 510–525.

- Welby V. What is Meaning? Studies in the Development of Significance. – London : The Macmillan Company, 1983(1903). – 251 p.
- Welby V. An Echo of Larger Life (1885). Petrilli S. Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement // Semiotics, communication and cognition 2 / ed. P. Copley. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. – P. 325–328.
- Welby V. Sense, Meaning, and Interpretation // Mind. – 1896. – Issue 5(17). – P. 24–37.
- Welby V. Grains of Sense. – Charleston, 2011(1897). – 160 p.
- Welby V. Notes on the ‘Welby Prize Essay’ (1901). Petrilli S. Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement // Semiotics, communication and cognition 2 / ed. P. Copley. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. – P. 235–244.
- Welby V. The King’s English // The University Review. – 1906. – № 3(14). – P. 448–453.
- Welby V. Time as derivative // Mind. – 1907. – Issue 16(63). – P. 383–400.
- Welby V. Mr. McTaggart on the unreality of time // Mind. – 1909. – Issue 18(70). – P. 326–328.
- Welby V. Significs – Imagery (1899-1911). Petrilli S. Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement // Semiotics, Communication and Cognition 2 / ed. P. Copley. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. – P. 482–494.
- Welby V. Primal sense and Significs (1911) // Significs and Language: the Articulate Form of Our Expressive and Interpretative Resources. – London : Macmillan and Co, 1985. – P. ccxxxviii–ccxliv.
- Welby V. Significs – Education (1909–1911). Petrilli S. Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement // Semiotics, Communication and Cognition 2 / ed. P. Copley. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2009. – P. 494–514.
- Welby V. Significs and Language: the Articulate Form of Our Expressive and Interpretative Resources. – London : Macmillan and Co, 1985(1911). – 114 p.
- Welby V. Significs // The Encyclopedia Britannica. – 1911. – Vol. 25. – P. 78–81.

Maria Kiose¹

The notion of creativity in Victoria Welby’s Significs

The article explores the nature of creativity as part of individual scientific heritage which forms a stage of the notional meaning of any term, here the term creativity itself. As known, logic and semiotics have contributed greatly to the theories of a word with the theory of Lady Victoria Welby transferred via her correspondence and her essays being one of the most influential. Consequently, the role of creativity in Victoria Welby’s works becomes the research object of the present paper. To identify it, we address the words and expressions referring to this phenomenon, naming it, describing its features, ways of attaining it, specifying its performance character. The results show that the interpretations of creativity in Welby’s works are stimulated by two processes – reflexivity and language conscience; notably, creativity appears in the formation of new knowledge about the world and about the language. The study additionally specifies the modules of contents describing the relations of creativity with other key notions and spheres of Welby’s theory. They include creativity and God’s power, creativity and figurativity in language, creativity and linguistic conscience.

Keywords: Victoria Welby; creativity; reflexivity; linguistic conscience; Significs; meaning.

For citation: Kiose, M.I. (2023). The notion of creativity in Victoria Welby’s Significs.

METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 116–130. DOI: 10.31249/metod/2023.02.10

¹ **Maria Kiose**, Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia); maria_kiose@mail.ru

References

- Cust, H. (Ed.). (1929). *Echoes of larger life: A selection from the early correspondence of Victoria Lady Welby*. Jonathan Cape.
- Cust, H. (Ed.). (1931). *Other dimensions: A selection from the later correspondence of Victoria Lady Welby*. Jonathan Cape.
- Demyankov, V.Z. (2005). Cognition and text understanding. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 5–10. (In Russ.)
- Feschenko, V.V. (2021). Fictive communication: from semiotic models to linguo-aesthetic theory. *Slovo.ru. Baltic Accent*, 1, 7–31. (In Russ.)
- Iriskhanova, O.K. (2009). On the notion of creativity and its role in metalanguage. *Cognitive Issues of Language*, 5, 157–171. (In Russ.)
- Iriskhanova, O.K. (2019). Cognitive poetics of gestures; stating the problem. *Cognitive Issues of Language*, 36, 72–86. (In Russ.)
- Iriskhanova, O.K., Kiose, M.I. (2016). Transfer technologies of multi-disciplinary terms into linguistics. In V. Feschenko (Ed.), *Linguistics and semiotics of cultural transfer: methods, Principles, Technologies* (pp. 151–180). Cultural revolution. (In Russ.)
- Kiose, M.I. (2017). Victoria Lady Welby: a forgotten name in linguistic philosophy. *Social Sciences and Humanities*, 1, 5–12. (In Russ.)
- Kiose, M.I. (2018). Faith and sense in inference theories of V. Welby and Ch.S. Peirce. Logical Analysis of Language. In N.D. Arutunova, M.L. Kovshova (Eds.), *The Notion of Faith in Different Languages and Cultures* (pp. 535–546). Gnosis (in Russ.).
- Petrilli, S. (2005). About Welby. In S. Petrilli, A. Ponzio (Eds.), *Semiotics Unbounded: Interpretive Routes through the Open Network of Signs* (pp. 80–137). Toronto University Press.
- Petrilli, S. (2009). Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement. In P. Cobley (Ed.), *Semiotics, Communication and Cognition*. De Gruyter Mouton.
- Petrilli, S. (2015). Ethics and significance: insights from Welby for meaningful education. In M.A. Peters (Ed.), *Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory* (pp. 765–769). Springer.
- Petrilli, S., Ponzio, A. (2010). Semioethics. In P. Cobley (Ed.), *The Routledge Dictionary of Semiotics* (pp. 150–162). Routledge.
- Skipnik, K.D. (2019). Philosophical epistolary heritage: Victoria Welby's phenomenon. *Philosophy Journal*, 12(2), 131–143.
- Welby, V. (1883, 1981). *Links and Clues*. Macmillan & Co.
- Welby, V. (1885, 2009). An Echo of Larger Life. In S. Petrilli (Ed.), *Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement* (pp. 325–328). De Gruyter Mouton.
- Welby, V. (1893). Meaning and Metaphor. *The Monist*, 3/4, 510–525.
- Welby, V. (1897, 2011). *Grains of Sense*. Charleston.
- Welby, V. (1899–1911, 2009). Significs – Imagery. In S. Petrilli (Ed.), *Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement* (pp. 482–494). De Gruyter Mouton.
- Welby, V. (1901, 2009). Notes on the 'Welby Prize Essay'. In S. Petrilli (Ed.), *Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement* (pp. 235–244). De Gruyter Mouton.
- Welby, V. (1903, 1983). *What is Meaning? Studies in the Development of Significance*. The Macmillan Company.
- Welby, V. (1906). The King's English. *The University Review*, 3(14), 448–453.
- Welby, V. (1907). Time as derivative. *Mind*, 16(63), 383–400.
- Welby, V. (1909). Mr. McTaggart on the unreality of time. *Mind*, 18(70), 326–328.
- Welby, V. (1909–1911, 2009). Significs – Education. In S. Petrilli (Ed.), *Signifying and understanding. Reading the works of Victoria Welby and the Signific movement* (pp. 494–514). De Gruyter Mouton.

- Welby, V. (1985, 1911). *Significs and Language: the Articulate Form of Our Expressive and Interpretative Resources*. Macmillan and Co.
- Welby, V. (1991, 1985). Primal sense and Significs (1911). In *Significs and Language: The Articulate Form of Our Expressive and Interpretative Resources* (pp. ccxxxviii–ccxliii). Macmillan and Co.
- Welby, V. (1896). Sense, Meaning, and Interpretation. *Mind*, 5(17), 24–37.
- Welby, V. (1911). Significs. *The Encyclopedia Britannica*, XXV, 78–81.
- Zykova, I.V. (Ed.). (2021). *Linguistic Creativity in Different Discourses. Limits and Possibilities*. R-Valent. (In Russ.)

Уэлби В. Сигнифика

Аннотация. Представлен перевод с английского языка статьи Виктории Уэлби *Significs* в «Encyclopaedia Britannica» (1911). Леди Уэлби (1837–1912), философ языка, лингвист, создатель Социологического общества Великобритании, автор понятия сигнифика. Она понимает его как науку о знаках и их значении и выделяет основные уровни значения – смысл (*sense*), собственно значение (*meaning*) и значимость (*significance*). Также она приводит аргументы в пользу значимости самой сигнифики как науки. Особое внимание Леди Уэлби уделяет применению сигнифики на практике в качестве метода мышления.

Ключевые слова: сигнифика; лингвистика; философия языка; прагматизм; смысл.

Для цитирования: Уэлби В. Сигнифика / Перевод Т.А. Корнев // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – Вып. 13, Т. 3, № 2. – С. 131–140. – DOI: 10.31249/metod/2023.02.11

Термин «сигнифика» можно определить как науку о смысле или изучение значимости при условии, что достаточное признание уделяется его практическому аспекту как методу мышления, который задействован во всех формах умственной деятельности, включая логику.

В «Словаре философии и психологии» Болдуина (1901–1905) дано следующее определение:

«1. Сигнифика подразумевает тщательное разграничение между (а) смыслом или означиванием, (б) значением или намерением и (в) значимостью или идеальной ценностью. Мы увидим, что первое разделение в основном вербальное (или, скорее, чувственное), второе – волевое, а третье – моральное (например, мы говорим о каком-либо событии, «значимость которого невозможно переоценить», и невозможно было бы в таком случае заменить «смысл» или «значение» такого события без серьезных потерь). Сигнифика трактует отношение знака в самом широком смысле к каждому из названных различий.

2. Один из возможных методов умственной тренировки, направленный на концентрацию интеллектуальной деятельности на том, что неявно предполагается составляющим основную и конечную ценность каждой формы обучения, т.е. на том, что в настоящее время безразлично называется ее значением или смыслом, ее важностью или значимостью... Сигнифика как наука должна была бы централизовать и координировать, интер-

претировать, связывать между собой и концентрировать усилия по выявлению значений в каждой форме и при этом ясно и отчетливо классифицировать различные применения означаемого свойства».

Однако с тех пор, как словарь Болдуина был опубликован, предмет рассмотрения подвергся дальнейшему анализу и некоторому развитию, что требует изменений в данном определении. Очевидно, что упор необходимо делать на применении соответствующих принципов и методов не только к языку (хотя это особенно важно), но и ко всем другим типам человеческих функций. Необходимо настаивать на исправлении умственной установки и увеличении интерпретативной способности, что должно последовать за принятием сигнифических точки зрения и метода во всех стадиях и формах умственной подготовки, а также в требованиях, которые предъявляют жизнь и превратности судьбы.

Поскольку Сигнифика имеет дело с лингвистическими формами, она включает в себя «Семантику» – раздел науки, который был официально введен и изложен в 1897 г. Мишелем Бреалем, выдающимся французским филологом, в его «Опыте семантики». Эта книга была переведена на английский миссис Генри Каст и напечатана в издательском доме «Иглу» с предисловием профессора Постгейта. Г-н Бреаль дает самое точное определение семантики:

«Извлечение из лингвистики того, что является как пищей для размышлений и [...] так и правилом для нашего собственного языка, так как каждый из нас вносит свой вклад в эволюцию человеческой речи. Вот то, что заслуживает особого внимания и что я пытался сделать в этом томе».

В «Словаре философии и психологии» семантика определяется как «учение об исторических значениях слов; систематическое обсуждение истории и развития изменений значений слов». Таким образом, семантику можно рассматривать как расширение этимологического метода, который применим как к современному, так и к историческому происхождению слов. По мере того, как человеческие интересы растут и специализируются, обогащаемый таким образом словарный запас без лишних раздумий заимствуется различными способами, сначала в виде конкретных цитат, но вскоре заимствование становится ненамеренным или бессознательным.

Таким образом, для наших целей семантику можно описать как применение сигнифики в строго филологических пределах; но это определение не включает ни изучения и классификации условий (terms) самого «Значения», ни ясного признания их радикальной важности для передачи выразительной ценности не только звука и письма, но также и всех фактов или событий, которые привлекают наше внимание.

Поэтому первая обязанность сигнифика – отвергнуть требование простой лингвистической реформы, которая необходима сама по себе, но не может рассматриваться как удовлетворение той радикальной потребности, что предлагается сейчас. Удовлетвориться простой реформой высказываемых выражений было бы фатально для перспективы создания доста-

точно адекватного языка. Такой язык своим развитием был бы сравним разве что с развитием жизни и разума; для последнего этот язык естественно был бы изящным, податливым, творческим, а также контролирующим и упорядочивающим Выражением.

Классификация условий выражения-ценности предполагает три основных уровня, или класса, этой ценности – Смысл, Значение и Значимость.

(а) Первое из них с самого начала, естественно, будет связано со Смыслом в его самом примитивном значении; то есть с органической реакцией на окружающую среду и с выразительным элементом любого опыта. Мы подвергаем остракизму бессмысленное в речи, а также спрашиваем, «в каком смысле» употребляется какое-либо слово, или как может быть объяснено то или иное утверждение.

(б) Но «Смысл» сам по себе не является целенаправленным; тогда как направленность – это главное в слове «Значение», когда оно закрепляется за конкретным смыслом, который данное значение призвано сообщить.

(с) Термин «Значимость» применяется с пользой, поскольку он включает в себя и смысл, и значение, но превосходит их по диапазону и охватывает далеко идущие последствия, подтексты, а также конечный результат или исход какого-либо события или опыта.

Конечно, это не единственные широко используемые сигнифические термины, хотя, возможно, смысл и значимость в целом используются наиболее последовательно. У нас также есть означивание, цель, важность, отношение, отсылка, указание, применение, импликация, денотация и коннотация, вес, направление, содержание, ложь, тренд, диапазон, тенденция тех или иных высказываний. Мы говорим, что этот факт предполагает, один предвещает, другой несет, предполагает или влечет за собой определенные последствия или оправдывает какие-либо выводы. И, наконец, мы осознаем ценность всех форм выражения; то, что делает ценным любое утверждение или предложение, концепцию, доктрину или теорию; определение научного факта, использование символического метода, построение математических формул, исполнение актерской роли или даже само искусство, как и литература во всех ее формах.

Таким образом, отличительное, а не случайное использование этих и подобных терминов вскоре, проясняя и обогащая их, скажется благотворно на нашем мышлении. Если бы мы считали какой-либо из них бессмысленным, незначимым, незначительным, мы должны были бы сразу и в обычном употреблении, и в образовании отречься и запретить их. В действительности, общепринятая идиома может бессознательно либо освещать опыт, либо противоречить ему. Мы говорим, например, о переживании неприятностей или испытаний; мы никогда не говорим о переживании благополучия. Это проливает свет. Но также мы говорим о Внутреннем как об альтернативе пространственному, сводя пространственное к Внешнему. Сам смысл ценности «Внутреннего» опыта для философа в отличие от «Внешнего» опыта состоит в том, что этот определенный пример или

аналог замкнутого пространства – определенное внутреннее – не поддается измерению. Это лишает ясности. Фактически такое употребление подразумевает, что в пределах ограничивающих границ пространство иногда перестает существовать. Комментарии, конечно, излишни.

Наиболее актуальное направление и наиболее перспективная область для сигнифики лежит в направлении образования. Нормальный ребенок с его врожденными склонностями к исследованию, означиванию и сравнению является пока естественным сигнификом. Обогащать и упростить язык одновременно было бы для него увлекательной задачей. Даже его грубость часто наводила бы на размышления. Старшие члены семьи должны обучить ребенка критическому мышлению на основе данных расового опыта, приобретенных ими знаний и умений экономно расходовать средства; а также научить его тому, что неконтролируемые приключения несут в себе опасность, в том числе приключения лингвистические. При тщательном рассмотрении оказывается, что по части указания на опасность лингвистических приключений старшие до сих пор практически не оказывают влияния на детей или оказывают влияние в противоположном направлении. К несчастью, то, что мы до сих пор называли образованием, так или иначе, на протяжении столетий игнорировало – а в большинстве случаев даже сопротивлялось – инстинкту тщательного изучения и оценки всего, что существует или происходит в пределах нашего кругозора, реального или возможного, и выражения всего этого соответствующим образом.

Что касается лингвистического значения Сигнифики. Было собрано множество свидетельств, часто в тех кругах, где этого меньше всего можно было бы ожидать, что:

1. Язык в целом без осознания со стороны его носителей приходит в состояние замешательства, крушения, устаревания и неадекватности.

2. А. Признание этого факта в одних случаях сопровождается беспомощной мольбой об ее исправлении. Б. В других случаях признание приводит к протестам и предложениям по улучшению существующей ситуации.

3. Прямое или имплицитно отрицается то, что это зло существует или является серьезным, а также существует предубеждение против любых попыток согласованного контроля и управления наиболее развитой группой языков.

4. Обряды и порядки, которые когда-то были достойными и подходящими для выражения образов или символических утверждений, утрачиваются или находятся в опасности, становясь недостойными подобного выражения образов и утверждений или не подходящими для них.

5. В образовании полностью отсутствует акцент на необходимых средствах здорового умственного развития, т.е. устранении языковых помех и полном использовании и расширении доступных языковых ресурсов.

6. Ключевое значение имеет приобретение ясного и упорядоченного использования терминов или того, что мы смутно называем «Значением»;

а также об активных способах передачи намерения, желания, впечатления и рациональной или эмоциональной мысли посредством жеста, сигнала или иным образом.

Конечно, было бы невозможно за короткое время доказать это утверждение. Но доказательство существует, и оно доступно тем, кто вполне обоснованно может отрицать его возможное существование.

7. Наконец, особенно важно, что широко распространен всепроникающий хаос, вызванный в настоящее время постоянным пренебрежением современной цивилизации к тому фактору, от которого во многом зависит наше практическое и интеллектуальное благополучие и прогресс.

Поскольку ценность этих свидетельств решительно кумулятивна, немногие и краткие примеры, неизбежно вырванные из контекста, для которого здесь только и можно найти место, будут лишь вводить в заблуждение. Однако можно выбирать из бесконечной путаницы и логических нелепостей, которые не только допускаются, но и преподаются без исправлений и предупреждения детей.

Мы говорим о начале и конце как о взаимодополняющих друг друга, а затем об «обоих концах»; но никогда – об обоих началах. Мы говорим об истине, когда подразумеваем точность: о буквальном («так написано»), когда мы имеем в виду фактическое («так сделано»). Некоторые из нас говорят о мистике и мистицизме, подразумевая под этим просветление, рассвет, возвещающий день; другие (более справедливо) подразумевают под этим загадочные сумерки, переходящие в ночь. Мы говорим о непознаваемом, когда мы не можем знать, что оно такое или существует ли оно, – идея предполагает то, что она отрицает; мы утверждаем или отрицаем бессмертие, игнорируя его соответствующую врожденность; мы говорим о прочных основах жизни, ума, мысли, имея в виду исходные точки, фокусы. Мы говорим о вечном сне, когда смысл существования сна состоит в том, чтобы закончиться пробуждением; если этого не происходит, это не сон; мы апеллируем к корню как к началу, а также образно наделяем корнями мигрирующее животное. Мы говорим о естественном «законе», не принимая во внимание невнимательную работу в цивилизованном сознании ассоциаций правовой системы (и суда) с их декретируемыми и исполняемыми, а также отменяемыми или изменяемыми постановлениями. О природе опять-таки безразлично говорят как о норме всякого порядка и приспособленности, осквернение которой порицается как худшая форма порока, и которая даже может считаться матерью в ее щедротах; но также о ней говорят и как о чудовище безрассудной жестокости и тиранической насмешки. Опять же, мы используем слово «страсть» для высшей активности желания или жажды, в то время как мы сохраняем «пассивность» для самого его отрицания.

Эти примеры можно приводить до бесконечности. Но следует, конечно, иметь в виду, что мы повсюду имеем дело только с идиомами и

обычаями английского языка. Очевидно, что с каждым цивилизованным языком следует разбираться отдельно.

Сам факт того, что означающая и интерпретативная функция является действительным, хотя пока еще мало признанным и совершенно неизученным условием умственного развития и человеческих достижений, приводит к тому, что эта функция принимается как нечто само собой разумеющееся и предоставленное самой себе. Действительно, в доцивилизационные времена (поскольку тогда это было само условие безопасности и, практически, выживания) она вполне могла так существовать. Но бесчисленные формы защиты, предосторожности, искусственной помощи и специальных средств, которые современная цивилизация предполагает и предоставляет и которые она постоянно добавляет, полностью и опасным образом изменили ситуацию. Стало крайне важно осознавать тот факт, что из-за неиспользования этой величайшей и наиболее универсальной из человеческих прерогатив мы частично утратили ее.

Отсюда возникает особая трудность ясно продемонстрировать, что теперь у человека есть цель восстановить и развить на более высоком уровне суверенную способность безошибочной и продуктивной интерпретации мира, которая имеет существенное значение даже для просто живого, и тем более для разумного существа. Эти условия касаются не только языковой, но и всех форм человеческой энергии и выражения, которые прежде всего должны быть значимы в самом активном, высшем, смысле и степени. Человек с самого начала организовывал свой опыт; и он обязан соответствующим образом организовать выражение этого опыта на всех стадиях своей целенаправленной деятельности, и в особенности на стадии членораздельной речи и лингвистического символа. Это сразу вводит волевой элемент; тот, который странным образом был исключен из той самой функции, которая больше всего нуждается в нем и которая может воздать ему должное.

Однако здесь необходимо подчеркнуть один момент. Пытаясь положить начало любому новому отходу от привычного мышления, история свидетельствует, что требование на начальном этапе безошибочно ясного изложения не только неразумно, но и бесполезно. Это, конечно, должно быть типично в случае призыва к жизненному возрождению всех способов выражения и особенно языка путем практического признания игнорируемого, но управляющего фактора, действующего в самом его зарождении и источнике. В действительности, по крайней мере, на протяжении многих столетий ведущие цивилизации мира довольствовались сохранением способов речи, когда-то вполне уместных, но теперь часто гротескно неуместных, в то же время оставаясь довольными случайными изменениями, часто к худшему, и всегда склонными к несоответствию с контекстом. Это неизбежно приводит к созданию ложных стандартов ясности и стиля языкового выражения.

Тем не менее хотя нужно быть готовым приложить к этому усилия, мы должны принять фактически новую ментальную установку. Усилия, несомненно, окажутся полностью стоящими. Ибо здесь с самого начала будет особое вознаграждение. Для тех, чье образование следует традиционным направлениям, первоначальная трудность движения в новом направлении сигнифика будет наибольшей. Но нигде не будет получен и урожай преимуществ более непосредственный или более масштабный в плане широты и усилий.

Конечно, должно быть очевидно, что надежда на такой язык, на такую речь, которая должна достойно выражать человеческие нужды и выгоды во всех возможных проявлениях и наиболее эффективным способом, зависит от пробуждения и стимулирования чувства, развивать которое следует в наших общих и главных интересах в максимально возможной степени и в истинных и здоровых направлениях. Это можно описать как непосредственное и настойчивое ощущение содержательной наполненности вещей наличной направленностью опыта, неотложной и кардинальной важностью, предостережением или руководством того опыта, который рассматривается как показательный; как чувства (Sense) осознания принадлежности к миру того, что для нас всегда должно быть знаком чего-то, над чем можно совершить действие, что можно использовать как источник подходящих и продуктивных символов и как обычный стимул к полезному действию. Когда этот зародышевый или первичный смысл – а также практическая отправная точка языка – станет для нас реальностью, тогда действительно необходимые реформы и приобретения последуют естественным образом как выражение такого восстановленного владения приспособленностью, безграничными способностями и совершенной согласованностью во всех способах выражения.

Однако одно возражение, которое перед этим может возникнуть у критического читателя. Оно состоит в том, что, если мы действительно имеем дело с функцией, которая должна претендовать на первостепенную важность и влиять на весь наш практический и теоретический взгляд на жизнь, то эту необходимость давно уже нельзя было не признать и не принять некие меры. И действительно, нелегко в нескольких словах развеять такое возражение и оправдать столь рискованный и кажущийся парадокс, каким мы сейчас занимаемся. Но здесь можно указать на то, что особое развитие одной способности всегда влечет за собой, по крайней мере, частичную атрофию другой. В подобных случаях обычно приводится этот аргумент. Ибо основное человеческое приобретение почти полностью заключалось в логической силе, тонком анализе и координации искусственных средств. В современной цивилизации применение этих функций привело к огромному росту всевозможных изобретений, но в немалой степени способствовало утрате быстрого и прямого чувства, чувствительности, так сказать, «стрелки компаса», направленной к той стороне, в которую двигался опыт. Внимание было принудительно привлечено к чему-то друго-

му; и более того, как уже указывалось, естественная проницательность детей, которая могла бы спасти ситуацию, методично подавлялась дисциплиной, называемой воспитательной, но в основном подавляющей и искажающей.

Биологическая история человека действительно представляла собой длинную серию трансмутаций формы для обслуживания высших функций. В языке это пока не выполняется. На некоторых направлениях даже произошла утрата уже достигнутого преимущества. Хотя природа языка была пластичной и адаптивной, язык в качестве главного свойства приобрел относительную жесткость или, что столь же катастрофично, стал случайно эластичным. Имеются и примечательные примеры обратного процесса (классические языки). В греческом и латинском языках человек превосходно контролировал, обогащал, разнообразил и направлял свои выражения для удовлетворения своих умственных потребностей. Но мы не следуем этому примеру и не совершенствуем его. Все человеческие энергии оказываются под упорядоченным управлением и контролем, за исключением того чувства истинности (*true sense*), от которого все они зависят. Это фатальное упущение, за которое главным образом ответственны несовершенные методы образования, оказало катастрофическое воздействие на умственное развитие расы. Но здесь мы имеем сравнительно современное пренебрежение и беспомощность. Кант, например, горько жаловался на упадочную тенденцию языка в его время по сравнению с разумной свободой словарного запаса и идиом «классического» грека, который всегда создавал выражения, приспособлял их к своим потребностям и находил столь же разумный отклик на его усилия у его слушателей и читателей – короче говоря, у его публики.

Студенты, которые готовы серьезно заняться этим неотложным вопросом применения Сигнифики в образовании и во всех сферах человеческих интересов, вскоре улучшат любые инструкции, которые могут быть даны теми немногими, кто до сих пор осторожно стремился привлечь внимание и применить практически игнорируемый и неиспользуемый метод. Но по существу дела они должны быть готовы обнаружить, что общепринятый язык, по крайней мере в современных европейских формах, безо всякой нужды находится в гораздо большем упадке, чем они предполагали возможным: что их самих фактически постоянно отталкивают или вынуждают писать так, чтобы вернуть своих читателей в то, что фактически является рассадником путаницы, тюрьмой бессмысленного формализма и, следовательно, бесплодной полемики.

Вряд ли можно отрицать, что такое положение вещей нетерпимо и требует эффективных мер. Только изучение, систематическое и практическое применение естественного метода Сигнифики может привести к этому и обеспечить это. Сигнифика на самом деле является естественным ответом на общее чувство нужды, которое с каждым днем становится все более очевидным. Она не основывает никакой школы мысли и не защищает

никакой технической специализации. Ее непосредственным и наиболее неотложным применением, как уже говорилось, является начальное, среднее и специальное образование. В последних поколениях здоровое чувство недовольства и естественные идеалы интерпретации и выражения были разочарованы вместо того, чтобы поощряться воспитанием, которое не только терпело, но и увековечивало существующий хаос. Однако с каждым днем становится все больше знаков, что Сигнифике, подразумевающей практическое признание и подчеркивающей истинную линию продвижения восстановленной и усиленной способности интерпретировать опыт и адекватно выражать и применять эту силу, предназначено в умелых руках стать социально действующим фактором первостепенной важности.

Перевод Т. Корнев¹,
науч. ред. В.С. Авдонин, Д.А. Свирчевский

Список литературы

- Allbutt T.C. An Address on Words and Things. Delivered before the Students' Physical Society of Guy's Hospital at the Opening of the Winter Session. – 1906.
- Greenstreet W.J. Recent Science // The Westminster Gazette. – 1906. – November 15; 1907. – January 10.
- Stout G.F. Manual of Psychology. – New York : Hinds & Noble, 1899. – 659 p.
- Tönnies F. Philosophical Terminology // Mind. New Series. – 1899. – Vol. 8, № 31. – P. 289–332.
- Tönnies F. Philosophische Terminologie in psychologisch-soziologischer Ansicht. – Leipzig : Thomas, 1906. – 104 p.
- Welby V. Grains of Sense. – London : J. M. Dent & Co, 1897. – 146 p.
- Welby V. Sense, meaning, and interpretation // Mind. – 1896. – Vol. 5. – P. 24–37.
- Welby V. What Is Meaning? Studies in the Development of Significance. – L: Macmillan & Co, 1903. – 369 p.

Victoria Welby Significs²

Abstract. Translation from English of Victoria Welby's article *Significs* in *Encyclopedia Britannica* (1911). Lady Welby (1837–1912), a philosopher of language, linguist, founder of the Sociological Society of Great Britain, the author of the concept of significs, defines it as the science of signs and their meaning. She identifies the main levels of meaning – sense, meaning and significance. She also provides arguments in favor of the significance of significs itself as a science. Particular attention is paid to the practical application of significs as a method of thinking.

Keywords: significs; linguistics; philosophy of language; pragmatism; sense.

¹ Корнев Тимофей, мл. научный сотрудник ИНИОН РАН, аспирант НИУ ВШЭ.

² Translation – Timofey Kornev, junior research fellow, INION RAN; postgraduate student, NRU HSE.

For citation: Welby V. (2023). Significa Translation T. Kornev // METHOD: Moscow quarterly journal of social studies / RAN, INION. – Moscow, 2023. – Part 13. Vol. 3. No. 2. P. 131–140. DOI: 10.31249/metod/2023.02.11

References

- Allbutt, T.C. (1906). *An Address on Words and Things*. Delivered before the Students' Physical Society of Guy's Hospital at the Opening of the Winter Session.
- Greenstreet, W.J. (1906, November 15; 1907, January 10). *Recent Science*. The Westminster Gazette.
- Stout, G.F. (1899). *Manual of Psychology*. Hinds & Noble.
- Tönnies, F. (1899). Philosophical Terminology. *Mind, New Series*, 8(31), 289–332.
- Tönnies, F. (1906). *Philosophische Terminologie in psychologisch-soziologischer Ansicht*. Thomas.
- Welby, V. (1896). Sense, meaning, and interpretation. *Mind*, 5, 24–37.
- Welby, V. (1897). *Grains of Sense*. J.M. Dent & Co.
- Welby, V. (1903). *What Is Meaning? Studies in the Development of Significance*. Macmillan & Co.

**МЕТОД
МОСКОВСКИЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Выпуск 13
(продолжение серии ежеквартальников МЕТОДа)
Том 3 № 2

Дизайнер (художник) С.И. Евстигнеев
Корректор А.А. Чукаева
Компьютерная верстка К.Л. Синякова

Подписано в свет 14/ VI – 2024 г.
Формат 70×100/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 9,2
Тираж 500 экз.

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru